ISSN 1992-2361

СТРЕПЕТ

2018 Том 16 Выпуск 1-2

Северокавказское отделение
Мензбировского орнитологического общества
Южный Федеральный Университет

СТРЕПЕТ

Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики

Fauna, ecology and protection of birds of South Palearctic

2018 Том 16 Выпуск 1-2

Журнал учрежден Северокавказским отделением МОО 26.10.2002
ISSN 1992-2361

Редактор В.П. Белик
Editor V.P. Belik

Редакционная коллегия:
Галушин В.М., д.б.н., проф.
Маловичко Л.В., д.б.н., проф.
Нанкинов Д.Н., д.б.н., проф.
Поливанова Н.Н., д.б.н.
Черничко И.И., д.б.н.
Букреев С.А., к.б.н.
Музаев В.М., к.б.н.
Русанов Г.М., к.б.н.
Сарычев В.С., к.б.н.
Соколов А.Ю., к.б.н.
Тильба П.А., к.б.н.
Шергалин Е.Э., к.б.н.

Editorial board:
Galushin V.M., Dr., Prof.
Malovichko L.V., Dr., Prof.
Nankinov D.N., Dr., Prof.
Polivanova N.N., Dr.
Chernichko I.I., Dr.
Bukreev S.A., Dr.
Muzaev V.M., Dr.
Roussanov G.M., Dr.
Sarychev V.S., Dr.
Sokolov A.Ju., Dr.
Til'ba P.A., Dr.
Shergalin J.E., Dr.

Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105.
Южный федеральный университет, кафедра зоологии
E-mail: vpbelik@mail.ru: тел.: +7-918-530-2954
Southern Federal University, Dept. of Zoology
Russia, 344006, Rostov-on-Don, Bol'shaya Sadovaya, 105

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Стрепет (Вместо предисловия) ….3

Фауна и население птиц

Белик В.П. Каменный и снежный воробьи в фауне Северного Кавказа …..5

Комаров Ю.Е. К фауне птиц Республики Южная Осетия (Закавказье): состав, структура и распространение ...37

Караваев А.А. Динамика населения птиц города Карачаевска ...58

Экология и поведение птиц

Самсонов П.Е. Некоторые птицы нагорного Дагестана …76

Беме Л.Б. Горная курочка …82

Белик В.П. Дербник на южной границе ареала …86

Охраняемые птицы

Рустамов Э.А., Скляренко С.Л. Лаггар на юге Северной Евразии …93

Соколов А.Ю. К распространению и экологии серого сорокопута на юге Центрального Черноземья …99

Краткие сообщения

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., Попов С.Л. Новые сведения о пребывании пестрого каменного дрозда в Краснодарском крае ..106

Музаев В.М., Эрдненов Г.И. К вопросу о статусе пребывания и подвидовой принадлежности гуменника в Калмыкии .108

Потери науки

О Димитре Нанкинове (05.09.1942 – 24.07.2018) .111

Вадим Матвеевич Гусев (26.11.1919 – 14.01.1962) .115

К 90-летию со дня рождения Л.Л. Семаго .120

Информация

Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2018 году .123

C O N T E N T S

Strepet (Instead of preface) ….3

Fauna and Population of Birds

Belik V.P. The Rock Sparrow and Snowfinch in the fauna of the North Caucasus …..5

Komarov Yu.E. On the bird fauna of the Republic of South Ossetia (Transcaucasia): composition, structure and distribution ...37

Karavaev A.A. Bird population dynamics of the city of Karachaevsk ...58

Ecology and Behaviour of Birds

Samsonov P.E. Some birds of upland Dagestan …76

Boehme L.B. «Mountain hen» Chukar …82

Belik V.P. The Merlin on the southern border of the range …86

Birds Protection

Rustamov E.A., Sklyarenko S.L. The Laggar Falcon in the South Eurasia …93

Sokolov A.Yu. Distribution and ecology aspects on the Great Grey Shrike in the south of the Central Black Earth Region …99

Short Notes

Til'ba P.A., Mnatsekanov R.A., Naidanov I.S., Popov S.L. New data on the status of the Rock Thrush in the Krasnodar Region .106

Muzaev V.M., Erdnenov G.I. On the status of presence of the Bean Goose subspecies in Kalmykia .108

In memoriam

Memory of Dimitar Nankinov (05.09.1942 – 24.07.2018) .111

Memory of Vadim M. Gusev (26.11.1919 – 14.01.1962) .115

To the 90th anniversary of the birth of L.L. Semago .120

Information

Activity of the North-Caucasus Avifaunistic Committee in 2018 .123

Стрепет

(Вместо предисловия)

Уходящий 2018 год унёс от нас в вырий длинную вереницу белых журавлей – наших друзей и коллег, широко известных орнитологов. В марте, после долгой болезни, ушел из жизни Александр Иванович Шепель – наш крупнейший знаток хищных птиц Приуралья, принципиальный, порядочный, благородный Человек и Ученый.

Тяжелой личной утратой для меня и для редколлегии «Стрепета» стала преждевременная кончина замечательного русско-болгарского орнитолога Димитра Нанкинова. И в «Стрепете» публикуются сокровенные воспоминания о нем самого близкого, верного друга Димитра – его супруги Наталии Алексеевны Нанкиновой, связавшей свою филологическую судьбу с судьбой орнитолога еще в 1971 году в Ленинграде.

Вскоре не стало одного из патриархов отечественной орнитологии – Роальда Леонидовича Потапова, в молодости занимавшегося изучением горных птиц Южной Палеарктики на Памире и в «Тигровой балке» в Таджикистане, а позже детально исследовавшего кавказского тетерева и других куриных птиц, долгое время возглавлявшего также Зоологический Музей в Ленинграде – Санкт-Петербурге.

На Северном Кавказе, в Краснодаре, летом не стало известного кубанского зоолога, ихтиолога и орнитолога Мурата Хамидовича Емтыля, который многие годы занимался изучением рыбоядных и гидрофильных птиц Кубани со студентами и сотрудниками Кубанского университета и вот неожиданно, скоропостижно скончался в расцвете творческих сил.

А в Славянске-на-Кубани, не дожив всего неделю до своего 80-летия, после продолжительной болезни ушел из жизни также известный кубанский натуралист Николай Леонтьевич Заболотный. Он всю свою жизнь проработал в редакции местной газеты, а свободное время все годы отдавал любимому коллектированию птичьих яиц и гнезд, изучению жизни пернатых в Приазовских плавнях. Его увлечение птицами началось еще в далекие 60-е годы после знакомства с краснодарским орнитологом В.С. Очаповским и встреч с Б.А. Казаковым, приезжавшим на Кубань из Ростова. Пережив своих маститых наставников, Николай Леонтьевич оставил нам в наследство множество ценных орнитологических публикаций, появившихся на свет благодаря поддержке ставропольского мэтра А.Н. Хохлова.

Очередной выпуск «Стрепета» посвящается памяти наших ушедших коллег. Но кроме воспоминаний о Димитре Нанкинове, мы сочли необходимым вспомнить на страницах «Стрепета» еще о Л.Л. Семаго,

ушедшем от нас 10 лет назад, а также о В.М. Гусеве, столетие со дня рождения которого исполняется в следующем, 2019 году. Вадим Матвеевич, много лет занимавшийся паразитологическими исследованиями в противочумной системе СССР, хорошо известен нашим орнитологам по ряду интересных публикаций о птицах, об их экологических связях и роли в распространении членистоногих – переносчиков особо опасных инфекций. Но о непростой жизни этого ученого нам почти ничего не было известно, свидетельство чему, в частности, – те три куцые строки о нем в справочнике «Орнитологи Украины» (1999).

Кроме мемориального раздела, в предлагаемом Вашему вниманию выпуске «Стрепета» содержатся, как обычно, еще три раздела. В фаунистическом разделе публикуется большая обзорная работа о каменном и снежном воробьях на Северном Кавказе, в которой детально рассматриваются распространение, численность и экология этих видов, а также обсуждаются возможные причины глубокой депрессии их популяций на юге России в последнее время (В.П. Белик). В двух других статьях подводятся итоги первичной инвентаризации орнитофауны Южной Осетии (Ю.Е. Комаров), а также анализируется динамика численности птиц в г. Карачаевске в последние десятилетия (А.А. Караваев).

В экологическом разделе повторно публикуются две давние, малоизвестные заметки о кеклике и уларе в Дагестане (П.Е. Самсонов) и о «горной курочке» на Северном Кавказе (Л.Б. Бёме), которые наглядно показывают, насколько обычен и многочислен кеклик был здесь в далеком прошлом, особенно по сравнению с нынешним положением его популяций на Северном Кавказе, детально проанализированным в одной из недавних моих работ. Еще в одной статье, посвященной распространению дербника на южной границе ареала в Европе, собраны те немногочисленные материалы, которые могут пролить свет на некоторые моменты его недавней истории в этом регионе (В.П. Белик).

Раздел, посвященный редким, охраняемым птицам, содержит очерк о лаггаре в Средней Азии, предварительно подготовленный для сводки о хищных птицах Северной Евразии (Э.А. Рустамов, С.Л. Скляренко), а также интересную статью о сером сорокопуте в Центральном Черноземье (А.Ю. Соколов).

Среди кратких сообщений – заметка о неожиданной встрече пёстрого каменного дрозда в степных предгорьях Краснодарского края (П.А. Тильба, Р.А. Мнацеканов, И.С. Найданов, С.Л. Попов) и сообщение о случаях добычи в Калмыкии гуменника – редкого залетного гуся на территории Прикаспия (В.М. Музаев, Г.И. Эрдненов). А завершается выпуск «Стрепета» информацией о работе Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2018 году, который принес нам находку нового для фауны России вида (чайка Одуэна) и еще ряд интересных встреч.

В.П. Белик

Фауна и население птиц

УДК 598.294.2 (470.6)

Каменный и снежный воробьи в фауне Северного Кавказа

В.П. Белик
Южный федеральный университет
vpbelik@mail.ru

The Rock Sparrow and Snowfinch in the fauna of the North Caucasus. – Belik V.P. – The literary and personal materials that characterize the dynamics of the ranges and numbers of the Rock Sparrow and Snowfinch in the North Caucasus and also summarized fragmentary materials on the ecology of these species are analyzed in the article. In the second half of the 20th century, in the Northern Caucasus, there was an approximately 10-fold decrease in the population of the Rock Sparrow, which here now numbers 500-1500 breeding pairs. The number of the Snowfinch decreased during this period by 2-5 times and is now about 500-1000 pairs. The causes of the depression of the number of these granivorous species are, apparently, the degradation of grain farming in the mountains, as well as the reduction of pasture load and the overgrowing of pastures by high grass, and finally the disappearance of many mountain villages, especially in Dagestan.

Key words: Rock Sparrow, Snowfinch, distribution, population dynamics, ecology, North Caucasus, Russia.

Два вида горных воробьев – каменный (*Petronia petronia*) и снежный (*Montifringilla nivalis*) – давно известны в фауне Северного Кавказа, но их распространение и экология изучены здесь крайне недостаточно. В последние же десятилетия численность этих видов здесь повсеместно резко снизилась, и они фактически исчезли даже на высокогорном Центральном Кавказе. Однако причины глубокой депрессии их популяций не установлены и в печати почти никем не обсуждаются.

Каменный и снежный воробьи включены в Красную книгу Ингушетии, но факторы, ограничивающие их ареалы и численность, остались там неизвестными (Батхиев, Точиев, 2007). Оба этих вида внесены также в список особо охраняемых птиц в последнем издании Красной книги Карачаево-Черкесии, но для снежного воробья лимитирующие факторы не указаны, а для каменного постулируется хищничество ястребов, луней, сапсана и пустельги (Караваев, Хубиев, 2013), что, очевидно, несколько упрощает существующее положение.

В связи с этим мною предпринята попытка анализа всех имеющихся сведений о распространении, динамике численности и экологии

данных видов на Северном Кавказе, как литературных, так и собственных, и предварительно рассмотрены возможные факторы, влияющие на эти виды. Наши исследования проводятся здесь с 1998 г. в различных регионах от Краснодарского и Ставропольского края на западе до Дагестана на востоке, преимущественно в аридных районах Скалистого и Пастбищного (Мелового) хребтов, а также в предгорьях и среднегорьях Внутреннего Дагестана, для которых указывалось гнездование обоих видов воробьев.

В Кабардино-Балкарии значительное внимание было уделено, кроме того, изучению фауны высокогорных ландшафтов Бокового и Главного хребтов, и здесь неоднократно пройдены с учетами птиц ущелья всех основных магистральных рек: Малки, Баксана, Чегема, Черека-Безенгийского (Хуламского), Черека-Балкарского и Хазнидона от Скалистого хребта почти до их верховий. Были обследованы также верховья рек Урух и Ардон в Северной Осетии. Общая протяженность пеших маршрутных учетов в течение 1998-2018 гг. составила более 3,5 тыс. км, в том числе около 200 км в горах Дагестана, более 400 км в Северной Осетии, более 1000 км в горах Балкарии. За это время снежный воробей встречен нами всего 2 раза в Карачаево-Черкесии и Дагестане, а каменный воробей – 24 раза, тоже в основном в Карачаево-Черкесии (13 встреч) и Дагестане (5 встреч).

Каменный воробей (*Petronia petronia*)

На юге России каменный воробей представлен двумя подвидами: кавказским *P. p. exigua* и степным *P. p. kirhizica*, который в недавнем прошлом населял Заволжье в Волгоградской и, вероятно, Астраханской обл. (Паллас, 1788; Эверсманн, 1866; Бостанжогло, 1911; Волчанецкий и др., 1950; Амосов, 2012; Двятко, Джамирзоев, 2012; Реуцкий, 2015), а также, возможно, степи Калмыкии (Эверсманн, 1866; Самородов, Бадмаева, 1981; Кукиш, 1989).

Литературные данные по Северному Кавказу

Следует отметить, что кавказский подвид был описан по самке из коллекции В. Чузи (Viktor von Tschusi), добытой 19.02.1901 ст.ст в г. Ростове-на-Дону (Hellmayr, 1902). Но коллектор и условия добычи этой птицы автором не указаны; больше никто из исследователей того времени каменного воробья на Дону не отмечал (Браунер, 1907; Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Аверин, 1911; Белик и др., 2013), и можно полагать поэтому, что это была, скорее всего, залетная особь (Белик, 1996). Однако в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае кавказские птицы изредка гнездятся в степных ландшафтах к северу до с. Александровское на р. Томузловка и г. Светлоград на р. Калаус (Лиховид, Тертышников, 1977; Хохлов, 1990; Караваев, Хубиев, 2013), а в прошлом

могли проникать по степям, вероятно, также и дальше к северу (рис.1).

Первым, кто привел каменного воробья для фауны Кавказа, был Э. Менетрие (Menetries, 1832), нашедший его на скалах возле Каспийского моря между Баку и Кубой. Затем этот вид был найден в холмистых районах, примыкающих к восточному побережью Черного моря (Nordmann, 1840), скорее всего – в сухих горах у границы с Турцией (Дерюгин, 1900), поскольку больше нигде на Черноморском побережье Кавказа каменный воробей не обитает, появляясь только в более аридных районах к востоку от Сурамского (Лихского) хребта в Грузии (Михаловский, 1880; Вильконский, 1897; Сатунин и др., 1913; Судиловская, 1954; и др.). Лишь В.В. Строков (1960) предполагал его гнездование в районе Сочи, хотя какие-либо фактические основания для подобных утверждений отсутствуют (Тильба, 2006). Достаточно четкую характеристику ареала этого вида на Кавказе впервые дал Г.И. Радде (1884, с.140), который писал, что «чем пустыннее и оголенные местность и чем более выветрились и чем обильнее пещерами глинистые горы, тем чаще живет в них каменный воробей».

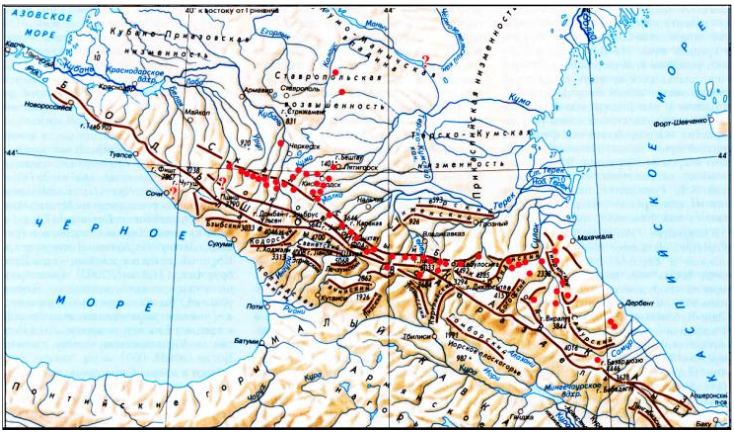


Рис. 1. Распространение каменного воробья на Северном Кавказе

М.Н. Богданов (1879) нашел каменных воробьев также в Дагестане – от горных лугов у снежной линии до ближайших к берегу Каспия скал. Позже К.Н. Россиков (1884) встретил этих воробьев в аридной Ботлихской котловине на р. Андийское Койсу во Внутреннем Дагестане. По словам же Ст. Билькевича (1893), эти птицы были обычны в Дагестане везде, где преобладали голые камни, и полностью отсутствовала растительность. К.А. Сатунин (1907) находил каменных воробьев на гнездовье в большом количестве в разных местах Дагестана (Гимры,

Леваши, Акуша). Неоднократно отмечал их в Дагестане также и Л.Б. Бёме (1933): в сёлах Араказ (Аркас), Хунзах, Тлох, Муни, Тандо и др. Особенно много каменных воробьев было в селениях на Хунзахском плато в известняковом Внутреннем Дагестане (Бёме, 1935), но в июле 2010 г. этих птиц там не обнаружили (Вилков, 2011). В 1926-1929 гг. каменный воробей был обычен и на юге Дагестана – по всему бассейну р. Самур (Красовский, 1932). Он оставался довольно обычен в Дагестане также в середине XX века, когда в 1963-1965 гг. экспедицией И.Б. Волчанецкого было добыто 7 птиц в окрестностях Буйнакска, Хунзаха, Кумуха (Двятко, Джамирзоев, 2012). Но в последнее время этот вид встречается в Дагестане лишь местами (Джамирзоев и др., 2004, 2011, 2014), а во многих из обследованных районов его не нашли вовсе (Вилков, 2001, 2007, 2010, 2011, 2013*а*, 2013*б*).

В горной части Чечни и Ингушетии каменных воробьев находили в горных степях по долине р. Армхи в Северо-Юрской депрессии между Скалистым и Боковым хребтами (Бёме и др., 1930), а также указывали для полосы скал и осыпей в пределах субальпийского и альпийского поясов и для аридного пояса, приуроченного ко всем горностепным котловинам, где плотность населения птиц в 60-70-е годы XX в. как летом, так и зимой составляла около 1-2 ос./км^2 (Анисимов, 1975, 1989). Позже, по данным И.И. Гизатулина с соавт. (2001), обилие этого вида в горно-степном субальпийском участке Чечни и Ингушетии достигало 2,3 особи, а в альпийском участке – 0,2 особи на 5 км маршрута.

Для Центрального Кавказа каменного воробья впервые привел К.Н. Россиков (1888), считавший его характерным представителем «котловинной фауны», обитавшим по днищам аридных котловин и на окружающих их скалах, по которым распространялся до верхнеальпийских лугов. В Северной Осетии коренной стацией этого вида Л.Б. Бёме (1926) считал «горную лесостепь», но выше, в скалы среди субальпийских лугов, каменные воробьи поднимались только изредка. Эти птицы гнездились колониями от 3-4 до 20 и более пар в скалах у сёл Чми, Джерах, Ларс и Казбеги по Тереку, а также вместе с домовыми воробьями (*Passer domesticus*) в каменных стенах и под крышами домов в сёлах по ущельям Гизельдона, Фиагдона и Ардона среди аридных котловин Северо-Юрской депрессии под Скалистым хребтом. Особенно много таких гнезд было в селениях Куртатинского ущелья по р. Фиагдон (Л. Бёме, 1935). Немногочисленной, но обычной птицей каменный воробей оставался в тех же районах и в середине XX в. (Р. Бёме, 1958).

Конкретное представление о численности этих воробьев на Центральном Кавказе в середине XX в. дают результаты учетов птиц, проведенных в конце августа - начале сентября 1960 г. у с. Коби в самых

верховьях Терека, а также в Северо-Юрской депрессии под Скалистым хребтом на р. Гизельдон (Второв, 1962). На Тереке каменные воробьи были встречены лишь в узких долинах, где учтена одна стайка из 6 птиц на 13 км маршрутов (5 ос./км^2), а по Гизельдону одна стайка из 6 птиц встречена на 15 км маршрутов по речным террасам и степным склонам долины (3 ос./км^2) и стайка из 6 птиц отмечена на 3 км зарослей облепихи вдоль берега. В среднем же обилие каменных воробьев в горно-долинных ландшафтах составляло тогда 2-5 ос./км^2 (Второв, 1962).

В 70-80-е годы, по данным М.Н. Журавлева (1990), обилие этого воробья в среднегорьях Центрального и Восточного Кавказа оценивалось в среднем в 5 ос./км^2, но в поселениях человека оно достигало 14 ос./км^2, а среди каменных осыпей и скальных обнажений – 24 ос./км^2. Тогда же в Зарамагской котловине в верховьях р. Ардон гнездились обычно по 1-2-4 пары в каждом селе, а в большом горняцком пос. Фиагдон в Северо-Юрской котловине – 7,8 пар/км^2 (Комаров, 1998*а*, 1998*б*; Комаров, Липкович, 2000). Позже гнездовое обилие птиц в ущельях Зарамагской котловины оценивалась в 1,8-10,1 пар/ км^2, а в Фиагдонской котловине – в 0,6 пар/км^2 (Комаров, 2007*б*).

На Центральном Кавказе в Кабардино-Балкарии в начале XX в. каменный воробей был довольно обычен на р. Баксан, где по скалам и ущельям возле с. Былым 31.07. и 02.08.1923 наблюдали выводки слётков, а 02.08. нашли гнездо, в котором были, по-видимому, птенцы (Гептнер, 1926). В середине июня 1924 г. старый самец и молодая самка были добыты также в с. Хулам на р. Черек-Безенгийский, где найдено и несколько пустых гнезд, помещавшихся в щелях стен и под крышами саклей (Радищев, 1926). До середины XX в. каменный воробей оставался немногочисленным, но довольно обычным гнездящимся видом Кабардино-Балкарии, населявшим горные долины и скальные участки в горной степи под куэстами Скалистого хребта и в субальпике, часто встречавшимся также возле горных селений, но не спускавшимся в предгорья (Иванов, Чунихин, 1961; Моламусов, 1967). В горной степи с камнями и скалами у сёл Актопрак и Булунгу на р. Чегем и у села Безенги на р. Черек эти воробьи изредка встречались еще в 1980 г., когда там учитывали в среднем 3 ос./км^2 (Афонин, 1985). Но в последнее время они в Кабардино-Балкарии уже нигде не отмечаются (Джамирзоев и др., 2014; Караваев и др., 2017).

В Приэльбрусье, у Кисловодска, где лесов нет также и на северных склонах Скалистого хребта, каменных воробьев впервые встретил Ф.К. Лоренц (Lorenz, 1887, 2011), нашедший их гнездовья на скалах хребта Боргустан на левом берегу р. Подкумок уже в системе Пастбищного (Мелового) хребта. 24.02.1990 ст.ст. три экземпляра были добыты

также в Пятигорске (Hellmayr, 1902)*. В том же районе, на скалах в верховьях р. Кума у с. Красный Восток в Карачаево-Черкесии, численность каменных воробьев в 1953 г. составляла до 5 ос./га (Даль, 1959). В 1970 г. птицы по-прежнему были там довольно многочисленны, гнездясь на скалах Джинальского хребта к востоку от Кисловодска (Bier u. a., 1975).

Здесь в долинах рек со скальными выходами и колониями воронков (*Delichon urbica*) на скалах каменные воробьи были довольно обычны еще в 1980-е годы, а в среднем течении р. Кичмалка на границе с Кабардино-Балкарией в июле 1980 г. было учтено по 5-6 пар воробьев в двух колониях воронков, найденных в ущелье на 6 км маршрута. В некоторых же старых колониях воронков иногда встречали до 20-30 пар каменных воробьев (Хохлов, Тельпов, 1984; Тельпов и др., 1988). Но уже в 2003-2005 гг. в скалистом ущелье р. Аликоновка близ Кисловодска на 10 км стационарного маршрута за три года регулярных учетов была встречена лишь одна пара этих птиц (Хохлов и др., 2003, 2004, 2005).

На Западном Кавказе, в Карачаево-Черкесии, каменных воробьев в начале XX в. впервые нашел Е.С. Птушенко в окрестностях г. Черкесска на Кубани (Судиловская, 1954). В апреле 1986 г. гнездовая пара была найдена также на р. Уруп близ ст. Преградная, а в июне 1998 г. три пары встречены под Маринской куэстой Скалистого хребта между Кубанью и истоками Подкумка (Поливанов и др., 2000). В 1997-1998 гг. под куэстой горы Баранаха на Скалистом хребте к востоку от р. Уруп учитывали до 10 особей на 10 км маршрута, а на лугах ниже этой куэсты – до 10 ос./км^2 (Караваев, 2000).

Позже, в 2007-2010 гг., на лугах с осыпями и скальными обрывами под Маринской куэстой каменный воробей был отмечен на многолетних учетах лишь однажды зимой (2 ос./км^2 в декабре), а более или менее регулярно эти птицы продолжали встречать только на луговых пастбищах в балке у пос. Орджоникидзевского на Кубани ниже г. Карачаевска. Здесь в течение 2007-2010 гг. учитывали 2 ос./км^2 – в феврале, 11 – в апреле, 5 – в мае, 1 – в июне и 5 ос./км^2 – в августе (Караваев и др., 2014). Сейчас в Карачаево-Черкесии гнездится всего около 100-300 пар каменных воробьев, распространенных под куэстами Скалистого хребта и изредка проникающих по глинистым обрывам в степные предгорья по р. Малый Зеленчук (Караваев, Хубиев, 2013).

К западу от р. Уруп на Кавказе известна лишь одна находка каменных воробьев в долине р. Большая Лаба у куэсты горы Ахмет-Кая, где стайка из 6 птиц наблюдалась 01.10.2012 (Караваев, Хубиев, 2013;

* В оригинале работы указан «Giatigorsk, N.-Kaukasus» (Hellmayr, 1902, S.128), но это была, очевидно, явная опечатка, сделанная при копировании рукописных этикеток.

А.А. Караваев, личн. сообщ.). Кроме того, летом 1935 г. эти птицы неоднократно отмечались на скалах и осыпях горы Дамхурц на Боковом хребте по левобережью Большой Лабы на границе Карачаево-Черкесии и Краснодарского края (Аверин, Насимович, 1938). Но позже данный вид в Кавказском заповеднике никем не встречался (Перевозов, 2014), и высказывались даже сомнения в достоверности указанных сведений (Судиловская, 1954).

Современное распространение

В Дагестане в мае 2002 г. мною совместно с Г.С. Джамирзоевым и Х.Н. Исмаиловым каменные воробьи были найдены лишь в окрестностях с. Марага Табасаранского р-на, где две колонии из 5-10 и 15 пар были устроены в трещинах известняковых скал среди крайне аридных, эродированных бедлендов, и еще 1 и 4 птицы встречены неподалеку на скальных карнизах по р. Камышчай. Но в котловине Орота на р. Аварское Койсу во Внутреннем Дагестане и в лесостепных предгорьях у с. Каякент каменных воробьев найти нам не удалось (Белик и др., 2002).

Не были найдены эти птицы также в аридной Буйнакской котловине и в ряде районов Внутреннего Дагестана во время экспедиционной поездки в мае 2009 г. с Ю.В. Милобогом и В.В. Ветровым. Но в августе 2018 г. при совместной поездке с Н.И. Насрулаевым по Андийскому и Аварскому Койсу стая из 20-30 каменных воробьев была встречена 19.08.2018 на окраине с. Хунзах – именно там, где в прошлом наблюдалась наиболее высокая численность этих птиц (Бёме, 1935).

В Северной Осетии стайка каменных воробьев, кормившихся на галечнике в долине Терека, встречена мною 25.07.1971 близ с. Нижний Ларс (Белик, 2013*б*). В последнее время эти воробьи были отмечены нами всего два раза на р. Урух в Дигории на западе Осетии: 01.08.2007 одиночная птица вспугнута на сухом, стравленном каменистом пастбище между с. Мацута и с. Задалеск, а 20.06.2014 стайка кормилась на каменистом пастбище близ с. Ахсау. Поиски же гнездовий каменного воробья в многочисленных сёлах, а также среди каменных развалин и в скалах здесь оказались безрезультатными. Не было этих птиц и в других районах Северной Осетии, обследованных в июле-августе 2007 г., в том числе в аридных котловинах Северо-Юрской депрессии по р. Ардон, Фиагдон и Гизельдон, а также в Зарамагской котловине в верховьях Ардона (Белик, 2016).

В Кабардино-Балкарии у с. Былым на р. Баксан, где каменные воробьи были обычны в 1923 г. (Гептнер, 1926), на четырех 1-2-дневных экскурсиях в мае - августе 2004-2007 гг. эти птицы не были даже отмечены. Одиночная птица наблюдалась лишь 03.08.2004 на каменистом пастбище у с. Верхний Баксан. Кроме того, дважды отмечены похожие

одиночные птицы, пролетавшие над пастбищами в верховьях р. Чегем (20.07.2016) и в долине р. Черек-Балкарский близ с. Верхняя Балкария (26.04.2017). В Кабардино-Балкарском высокогорном заповеднике и в его охранной зоне в течение 2016-2018 гг. каменных воробьев найти нам нигде не удалось; не найдены их гнездовья и в аридной Северо-Юрской депрессии, детально обследованной нами в летние месяцы 2006-2007 гг.

В Карачаево-Черкесии состояние численности каменного воробья оказалось более устойчивым. Сначала эти птицы были обнаружены мною в Северо-Юрской депрессии на р. Уруп, где 21.07.2004 близ ст. Преградной найдено гнездо со слётками, сделанное в узкой, глубокой нише в большом валуне среди пастбищ, а также встречены две группы из 2 и 3 птиц и стая из 30 особей. Довольно много птиц оказалось под куэстой горы Большéе близ ст. Сторожевой, где на пастбищах с крупными валунами 09-10.08.2012 наблюдались 2 пары и 3 стаи из 10, 11 и 13 птиц, державшихся, как правило, на сильно стравленных пастбищах в окрестностях кошар.

Еще 4 раза каменные воробьи были зарегистрированы мною в Карачаево-Черкесии к востоку от Кубани: 04.08.2005 у коша в верховьях р. Кичмалка (3 особи); 11.08.2005 у с. Красный Восток в верховьях р. Кума (2 птицы); 14.07.2006 там же на сухом, стравленном каменистом пастбище возле скал кормились 4-5 пар; наконец, 12.08.2005 у коша в самых верховьях р. Кума встречен несамостоятельный выводок.

Современная численность

Таким образом, сейчас на Северном Кавказе во всех регионах прослеживается выраженная, глубокая депрессия популяций каменного воробья, лучше сохранившихся лишь в Карачаево-Черкесии и, возможно, в Дагестане. Полагая, что современная оценка численности этих птиц в Карачаево-Черкесии, базирующаяся на многолетних количественных учетах в разных районах и ландшафтах (Караваев, 2000; Караваев и др., 2014), является пока наиболее обоснованной и реальной, можно попытаться рассчитать, исходя из нее, примерную общую численность каменных воробьев на всем Северном Кавказе.

При 100-300 парах, гнездящихся в Карачаево-Черкесии (Караваев, Хубиев, 2013), в остальных регионах Северного Кавказа – в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне и Ингушетии, где каменные воробьи к настоящему времени практически не сохранились, – сейчас вряд ли обитает более чем по 50-100 пар, т.е. всего 200-400 пар. Наконец, в Дагестане, в предгорьях и среднегорьях высотой от 200 до 2000 м н.у.м., занимающих площадь около 14 тыс. кв. км (Гуль и др., 1959), где распространены селения и сельхозугодья, может гнездиться ориентиро-

вочно еще до 300-700 пар. Всего же численность каменного воробья в горах Северного Кавказа составляет сейчас, таким образом, примерно 500-1500 гнездовых пар.

Как видно, нынешние расчеты на целый порядок ниже нашей предыдущей экспертной оценки (5000-15000 пар), основанной на учетных данных, полученных преимущественно в 60-80-е годы XX в. (Мищенко и др., 2004; Белик, 2005). Поэтому вполне вероятно, что северокавказские популяции каменного воробья во второй половине XX в. действительно испытали в целом примерно 10-кратное снижение своей численности.

Причины сокращения численности

Исчезновение каменного воробья из горных селений в Кабардино-Балкарии В.Г. Иванов и С.П. Чунихин (1961) когда-то объясняли его вытеснением домовыми воробьями. Последние заселили эти сёла в 1958 г. после возвращения балкарцев из депортации, а в 1946-1957 гг. домовых воробьев там не было, зато была масса каменных воробьев, впоследствии оттесненных домовыми на окраины селений в старые сакли. Однако следует заметить, что в 1920-е годы в горных селениях Балкарии и Осетии эти два вида уживались вместе (Л. Бёме, 1926; Радищев, 1926). В горных посёлках Северной Осетии они совместно обитали также в 70-80-е годы (Комаров, Липкович, 2000). К тому же в сухих горах каменные воробьи нередко гнездятся и в естественных местообитаниях среди скал (Л. Бёме, 1935; Судиловская, 1954; Моламусов, 1967; Хохлов, Тельпов, 1984; и др.). Поэтому их исчезновение на Центральном Кавказе во второй половине XX в. нельзя объяснять только конкуренцией с домовым воробьем. Оно было связано, очевидно, еще с какими-то другими факторами.

Сейчас сокращение численности каменного воробья в Карачаево-Черкесии предположительно связывается с хищничеством ястребов, луней, сапсана и пустельги (Караваев, Хубиев, 2013). Но эти хищники в горах сами достаточно редки, да и специализируются они на охоте вовсе не за воробьями. Быть может, только ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*) может местами целенаправленно преследовать каменных воробьев. Однако он на Скалистом хр. редок, и лишь в период миграций происходит резкое увеличение его численности (Поливанов и др., 2000).

Степной же лунь (*Circus macrourus*) появляется в Карачаево-Черкесии только на миграциях, составляя лишь 0,4-0,5% всех пролетных хищных птиц; редки в горах и пролетные луговые луни (*C. pygargus*) (Караваев, 2010). Общая же численность сапсана (*Falco peregrinus*) в Карачаево-Черкесии тоже не превышает 30-40 пар, а в аридных районах на Скалистом хр., где располагается оптимум ареала

каменного воробья, гнездится лишь около половины из этих специализированных орнитофагов, охотящихся к тому же в основном на голубей, дроздов, врановых и вьюрковых птиц (Караваев, Хубиев, 2013).

Более обычна в горах обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*), численность которой в речных долинах на Скалистом хр. составляет, по нашим данным, примерно 1-2 пары на 10 км маршрутов, а на куэстах гнездится местами до 1-2 пар на 1 км скал. В степной Северо-Юрской депрессии у южного подножия Скалистого хр. много пустельг собирается на зимовку, и здесь на левобережье Кубани зимой учитывали до 20-40 особей на 10 км^2, а иногда и больше (Караваев, Хубиев, 2004; Хубиев, Караваев, 2010). Но пустельги специализируются на охоте за мышевидными грызунами, а воробьи в их добыче могут встречаться лишь случайно.

На наш взгляд, не менее важную роль, чем конкуренция и хищничество, для каменных воробьев может играть состояние пастбищ, т.е. высота и плотность травостоя на них, поскольку кормятся эти птицы преимущественно на открытой, плотной поверхности земли. Поэтому зарастание горностепных пастбищ густым высокотравьем может значительно ухудшать кормовые и защитные условия для этих зерноядных птиц. Процессы зарастания пастбищ, по моим наблюдениям, начали интенсивно развиваться на Кавказе в конце XX в. в связи с социально-экономическим кризисом в России и резким падением численности домашнего скота, что вызвало значительное сокращение пастбищной нагрузки, в том числе в горных степях.

В этот же период на Кавказе происходило заметное потепление и увлажнение климата, способствовавшее мезофитизации степной растительности и еще более сильному зарастанию горностепных пастбищ, лишающему каменных воробьев необходимых кормовых стаций. Особенно выраженным это увлажнение было именно в аридных депрессиях, где почти повсеместно сбитые пастбища сменились высокотравными сенокосами.

Наконец, очень большое негативное значение для каменных воробьев могло иметь практически полное исчезновение во второй половине XX в. зернового земледелия в горах, что существенно подорвало кормовую базу этих птиц, особенно в осенне-зимний период (Белик, 2016). О приуроченности каменных воробьев к посевам ячменя и ржи, куда они большими стаями вылетали на кормежку после вылета молодняка, неоднократно указывали Л.Б. Бёме (1926, 1935) и Р.Л. Бёме (1958). В предгорьях аналогичную картину можно наблюдать сейчас иногда и в отношении просянки (*Emberiza calandra*), которая летом тоже собирается на кормежку в большие стаи местами по окраинам пшеничных полей и здесь

же гнездится со значительно большей плотностью, чем вдали от посевов.

Судя по описаниям Н.Я. Динника (1884, 1890*а*, 1890*б*, 1893 и др.), в конце XIX - начале XX в. зерновые поля были широко распространены в горных долинах и вокруг сёл в Балкарии и Осетии, где для них создавалась густая сеть террас, опоясывавших открытые склоны гор. По опросным данным, в Балкарии и Осетии эти поля использовались вплоть до середины XX в., и во многих местах после них сохранились открытые террасы, до сих пор хорошо выраженные в рельефе (рис.2-5). Но сейчас зерновое земледелие в горах Центрального Кавказа уже практически нигде не ведется (Белик, 2016).

Старые террасы на тёплых склонах в ущелье Черека-Балкарского ниже с. Верхняя Балкария. 20.05.2017

Террасы в ущелье Черека-Безенгийского выше с. Безенги у заброшенного в 1944 г. аула Шыки – родины Кязима Мечиева. 26.05.2018

Террасы у дигорского аула Куссу в верховьях ущелья р. Урух в Северной Осетии. 09.06.2012

Размытые террасы на склонах ущелья в верховьях р. Урух в Северной Осетии. 18.06.2014

С указанных позиций можно легко объяснить и более высокую численность каменных воробьев в Карачаево-Черкесии, где в весьма широкой, выположенной Северо-Юрской депрессии, протянувшейся

вдоль Скалистого хр. от долины Урупа до Кубани, по-прежнему встречаются значительные по площади поля с посевами зерновых культур. Поля остались местами и в горном Дагестане, занимая там межгорные долины и высокие известняковые плато, что тоже может способствовать поддержанию прежней численности каменного воробья, обеспечивая ему дополнительную кормовую базу. К тому же и пастбищное животноводство в горах Дагестана и Карачаево-Черкесии к началу XXI в. сохранилось в большей мере, чем в Балкарии, а тем более в Северной Осетии.

Весьма любопытно, что наша единственная встреча стаи каменных воробьев в августе 2018 г. в Дагестане (см. выше) была приурочена к единственному встреченному ржаному полю, расположенному в 1-2 км на окраине с. Цада близ Хунзаха. Земледелие же на остальных многочисленных террасах на Хунзахском плато и в других местах Дагестана оказалось заброшено 5-10-15 лет назад, и лишь изредка на луговых террасах ведется сенокос (рис.6-9).

Террасы на склонах ущелья Андийского Койсу близ с. Тлох в Дагестане. 19.08.2018

Земледельческие террасы на Хунзахском плато в Дагестане. 19.08.2018

Ржаное поле у с. Цада – родины Расула Гамзатова – на Хунзахском плато. 19.08.2018.

Террасы у с. Магитль в ущелье Аварского Койсу засевали еще в 2013 г. но в 2018 г. они были заброшены. Фото Н. Насрулаева

Экология каменного воробья на Северном Кавказе

Специальное изучение этого вида на Северном Кавказе никем не проводилось, и особенности его биологии изучены здесь весьма слабо. Небольшие, фрагментарные материалы по экологии представлены лишь в отдельных фаунистических работах, обобщение которых проведено ниже.

Каменный воробей ведет в горах Кавказа оседлый образ жизни, совершая сезонные вертикальные кочевки. Осенью, собираясь в стаи численностью до 50-100 особей, птицы спускаются к подножиям горных склонов, в долины рек, к животноводческим фермам, где в течение зимы кормятся на пустырях и пастбищах семенами растений (Рашкевич, 1980; Караваев, Хубиев, 2013; Джамирзоев и др., 2014).

Но в горах Северной Осетии у гнездовий на верхней границе ареала воробьи появляются весной 22.03.-09.04., в среднем (n=11) – 02.04.±1,5, а осенью незаметно исчезают в начале-середине сентября (Комаров, 1998*а*, 2007*б*; Комаров, Липкович, 2000). В предгорьях Дагестана в местах гнездования птицы отмечались с середины-конца апреля (Джамирзоев и др., 2014). В ущелье же р. Аликоновка близ Кисловодска весеннее оживление каменных воробьев наблюдалось в колонии воронков на скалах уже 17.02.1973 (Хохлов, Тельпов, 1984).

В Карачаево-Черкесии каменные воробьи гнездятся на высотах от 550 до 1500 м н.у.м. (Караваев, Хубиев, 2013), в Кабардино-Балкарии их гнездовья отмечали до высоты 1200 м н.у.м. (Судиловская, 1954), а в Дагестане птиц находили на высотах около 100 м н.у.м. в ущелье р. Шура-Озень на каменистых, скалистых южных склонах хр. Нарат-Тюбе (Джамирзоев и др., 2004, 2011, 2014; Букреев, Джамирзоев, 2013), 200-300 м н.у.м. у с. Марага, а также 400 м н.у.м. у г. Буйнакск и до 1600-1700 м н.у.м. у с. Хунзах, и даже до 2000 м н.у.м. под Керкетским перевалом (Л. Бёме, 1933). В Северной Осетии колонии каменных воробьев были найдены на высотах около 900 м н.у.м. у с. Чми (Л. Бёме, 1926) и до 1800-1900 м н.у.м. в верховьях р. Ардон, где летом эти воробьи обитают в сёлах Южно-Юрской аридной депрессии (Комаров, 1998*а*, 2007*б*). На таких же высотах птицы встречались и в верховьях Терека в Грузии (Второв, 1962).

Гнездятся каменные воробьи как отдельными парами, так и колониями численностью до 20-30 пар (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Тельпов и др., 1988). Гнезда размещают в щелях и трещинах скал, в узких нишах отдельных валунов, часто гнездятся под крышами домов и в щелях каменных построек среди горных селений, местами занимают старые гнезда скальных ласточек (*Ptyonoprogne rupestris*) и воронков в их колониях на скалах (Моламусов, 1967; Хохлов, Тельпов, 1984; Тельпов и др., 1988; Джамирзоев и др., 2014). В степных предгорьях Карачаево-Черке-

сии и на Ставрополье гнезда каменных воробьев находили в норах береговушек (*Riparia riparia*) и золотистых щурок (*Merops apiaster*) по глинистым обрывам (Лиховид, Тертышников, 1977; Караваев, Хубиев, 2013).

К гнездованию приступают в середине апреля - начале мая, а кладки появляются в начале - середине мая. У Кисловодска строительство гнезд и копуляции отмечались с 2-й декады апреля, а все кладки находили в мае (Хохлов, Тельпов, 1984; Хохлов, 1993). В Карачаево-Черкесии близ ст. Преградной на р. Уруп одно гнездо было найдено в апреле 1986 г. (Поливанов и др., 2000). В Северной Осетии на высоте 1720 м н.у.м. в сёлах в верховьях р. Ардон три полные кладки найдены 10 мая (Комаров, 2007*б*), а в окрестностях с. Даргавс на р. Гизельдон гнезда с яйцами наблюдались 22.05.1947 (Р. Бёме, 1958). По данным Л.Б. Бёме (1935), откладка яиц в Северной Осетии и Дагестане происходит в начале мая, а в 20-х числах июня молодые воробьи покидают гнезда. Мы в Дагестане 07.05.2002 наблюдали воробьев, токовавших у гнезд в колонии, а одна птица носила материал для выстилки лотка. В Кабардино-Балкарии самые ранние свежие кладки отмечали 18.05.1954 и 16.05.1955 у с. Верхняя Балкария, а также 20 и 22.05.1959 и 30.05.1960 у с. Былым на р. Баксан (Моламусов, 1967).

Но репродуктивный период у каменных воробьев довольно растянут, и строительство гнезд отмечается вплоть до середины июня (Караваев, Хубиев, 2013), в июле еще отмечаются свежие кладки (Рашкевич, 1980), а неразбившиеся выводки встречаются до начала августа. Так, в Северной Осетии в одном из гнезд у с. Даргавс 14.07.1951 вывелись птенцы, очевидно уже из второй кладки (Р. Бёме, 1958); там же в Мамисонском ущелье в верховьях р. Ардон 08.07.1982 обнаружено гнездо с 3 оперенными птенцами, вылетевшими через 2 дня; 14.07.1982 встречен выводок из 4 лётных птенцов, а 07.08.1984 наблюдался выводок из 3 слётков (Комаров, 1998*а*, 2007*б*).

В Кабардино-Балкарии на Баксане у с. Былым 02.08.1923 наблюдался неразбившийся выводок и найдено гнездо с птенцами (Гептнер, 1926); там же 07.08.1954 найдено гнездо, в котором еще сидели 5-6-дневные птенцы, затем 08-10.08. встречено 6 неразбившихся выводков, а 11.08. осмотрено гнездо с оперившимися птенцами (Моламусов, 1967). Близ Кисловодска в конце июля 1980 г. в 4 проверенных гнездах оказались слётки (Хохлов, Тельпов, 1984). Нами в Карачаево-Черкесии в верховьях р. Кумы несамостоятельный выводок встречен 12.08.2005.

По всей видимости, такие поздние выводки характерны для нормальных вторых кладок, появляющихся с середины июня, что допускали также и другие исследователи (Судиловская, 1954; Р. Бёме, 1958; Хохлов, Тельпов, 1984). Две кладки за сезон эти воробьи делают обычно

и в Казахстане (Гаврилов, 1974).

В полных кладках у каменных воробьев, по данным из окрестностей Кисловодска, 3-6 яиц, в среднем (n=6) – 4,67±0,49 яйца: 1 кладка – 3 яйца; 2 кладки – по 4 яйца; 1 кладка – 5 яиц; 2 кладки – по 6 яиц (Ильюх, Хохлов, 2006). Такие же размеры кладок для Северной Осетии и Дагестана приводит Л.Б. Бёме (1935). По данным Е.Ю. Комарова (2007*а*), в Северной Осетии в кладках бывает 4-5, в среднем (n=5) – 4,4±0,2 яйца: 3 кладки – по 4 яйца; 2 кладки – по 5 яиц. А для Карачаево-Черкесии А.А. Караваев и А.Б. Хубиев (2013) указывают 3-7 яиц. Размеры яиц из окрестностей Кисловодска составляли 18,1-22,9 × 13,7-16,1 мм, в среднем (n=17) – 21,2×15,0 мм (Хохлов, Тельпов, 1984).

Снежный воробей, или снежный вьюрок (*Montifringilla nivalis*)

Кавказский подвид снежного воробья (*M. n. alpicola*) был описан П.С. Палласом (Pallas, 1811) в его известной «Zoographia Rosso-Asiatica» скорее всего по коллекционным экземплярам, которые мог доставить в Санкт-Петербург из своей экспедиции И.А. Гюльденштедт. Эти птицы были добыты, вероятно, в истоках Терека близ Казбека, через которые Гюльденштедт проезжал по пути в Грузию и обратно в ноябре 1771 г. и ноябре 1772 г. Добытые, по-видимому, там же краснобрюхая горихвостка (*Phoenicurus erythrogaster*) и большая чечевица (*Carpodacus rubicilla*) были вскоре описаны самим Гюльденштедтом (Güldenstädt, 1775), а снежный воробей, к тому времени уже известный К. Линнею (Linnaeus, 1766), остался тогда без описания.

Интересно, что верховья Терека и Крестовый перевал в Грузии еще почти два столетия служили одним из основных районов Северного Кавказа, где снежные воробьи встречались постоянно и в довольно большом количестве. Но в последние десятилетия они почти исчезли, по-видимому, и там. На Крестовом перевале, от с. Коби до Гудаури, 30.04.1878 ст.ст. этих птиц обнаружил И. Михаловский (1880); по-видимому там же в июле 1871 г. выводки воробьев наблюдал М.Н. Богданов (1879); стайки снежных воробьев по 6-12 особей регулярно, зимой и летом, на Крестовом перевале наблюдал также Г.И. Радде (1884).

Между с. Казбеги (Степанцминда) и Коби небольшие стаи этих воробьев при всех поездках встречал и Н.Я. Динник (1886); у с. Коби в конце лета 1892 г. пару птиц отметил Ст. Билькевич (1893); на Военно-Грузинской дороге 26-27.04.1899 и 14-17.06.1901 ст.ст. снежных воробьев специально изучал К.А. Сатунин (1907); по словам Л.Б. Бёме (1926), особенно много этих птиц всегда было у с. Коби; выводки молодых встречены там 06.07.1909 ст.ст. В.Б. Баньковским (1913); 24.07.1951 около с. Коби выводки слётков встречал Р.Л. Бёме (1958); в начале сен-

тября 1960 г. две стайки из 6 и 4 птиц там отметил П.П. Второв (1962); 28.06.1969 близ Крестового перевала несколько снежных воробьев видел К. Шмидт (Schmidt, 1986). Но 15.08.1971 на короткой экскурсии на Крестовый перевал мы этих птиц уже не встретили (Белик, 2013*б*).

Кроме района Крестового перевала, на южном макросклоне Большого Кавказа снежный воробей встречается местами в альпийском поясе, но достаточно редко и спорадично. Для Абхазии он не указывается вовсе (Маландзия, 2000). В «верхнеальпийской природе» Сванетии его отмечал Г.И. Радде (1866; цит. по: Жордания, Гогилашвили, 1976), а по сведениям А.А. Кузнецова (1983), он был обычен там в нивальном поясе и на альпийских лугах в 60-70-е годы XX в. Этот воробей был отмечен также в альпийском поясе Лагодехского заповедника в Грузии (Жордания, 1960). Но в Азербайджане на южных склонах Большого Кавказа найти его не удалось (Серебровский, 1925; Гамбаров, 1954; Попкова, Попков, 1965). Только в высокогорьях близ с. Сарыбаш Гахского района одна птица была добыта 21.06.1903 Е.В. Цветковым (Серебровский, 1925).

Распространение в России

По наблюдениям Х.Т. Моламусова (1967), численность снежного воробья на Кавказе возрастает с северо-запада на юго-восток. К северо-западу от Эльбруса он редок; малочислен он между Эльбрусом и Казбеком; чаще встречается к юго-востоку от Казбека и довольно многочислен в скалистых районах Азербайджана, Армении и Грузии. Особенно много этих птиц было в районе оз. Севан и в верховьях р. Кура в Джавахетии (Моламусов, 1967).

В Дагестане снежный воробей распространен весьма спорадично, но местами довольно обычен. Впервые эти птицы встречены там в сентябре 1884 г. у оз. Кезеной-Ам и на Ингердахских высотах близ с. Ботлих (Россиков, 1884). Затем 16.06.1892 ст.ст. выводок воробьев был найден в области вечного снега на хребте Мичетль (Билькевич, 1893). В июле 1904 г. очень много снежных воробьев, летавших большими стайками, у оз. Кезеной-Ам наблюдал также Н.Я. Динник (1905, с.65), отмечавший, что такого большого количества этих птиц ранее он нигде не встречал. Там же 16.06.1927 снежных воробьев обнаружил и Л.Б. Бёме (1933), до того ни разу не встречавший их во Внутреннем Дагестане. На юге Дагестана, в бассейне р. Самур, в 1926-1929 гг. этот вид встречался отдельными немногочисленными стайками в субальпийском и альпийском поясах, спускаясь в непогоду ниже (Красовский, 1932).

В середине XX в. снежный воробей считался характерным обитателем известнякового Внутреннего Дагестана, выделенного в отдельный зоогеографический район (Волчанецкий, 1973). Во время экспедиций

И.Б. Волчанецкого в 1963-1965 гг. было добыто 6 экземпляров этого вида на северо-восточных склонах Самурского хр., в том числе между с. Тпиг и Рича Агульского р-на, на перевале между с. Рича и Вачи (2700 м н.у.м.) и близ с. Вачи Кулинского р-на, а также 9 экземпляров на известняковом плато у с. Хунзах (Девятко, Джамирзоев, 2012). На восточных же склонах Богосского хр. в верховьях р. Аварское Койсу (Тляратинский р-н) в 1983-2006 гг. снежный воробей всё время был очень редок (Насрулаев, 1990, 2007).

Наоборот, в окрестностях с. Куруш Докузпаринского р-на на самом юге Дагестана, на юго-восточных склонах горы Шалбуздаг в июле 1991 г. снежные воробьи были весьма обычны. Там среди сбитых низкотравных субальпийских пастбищ с участками скальников, каменистых россыпей и отвесных склонов на высоте 2300-2700 м н.у.м. обилие этих птиц составляло 25 ос./км^2, а вблизи фермы возрастало до 60 ос./км^2. При этом за неделю работ там были найдены 3 жилые гнезда снежных воробьев (Бутьев, Лебедева, 1992). В окрестностях с. Куруш эти воробьи были столь же обычны и в июне 1986-1987 гг. (Насрулаев, 2014).

По последним данным Е.В. Вилкова (2001, 2008, 2011, 2013*а*, 2013*б*), сейчас в высокогорьях Дагестана обилие снежных воробьев, без указания их местообитаний и стаций, колеблется в отдельных районах от 1,2 до 6,0 ос./км^2, но во многих местах они не встречаются вовсе. Так, в июле 2010 г. их не удалось найти в Хунзахском р-не, где снежные воробьи были нередки в 1963-1965 гг. (Вилков, 2011; Девятко, Джамирзоев, 2012). Нами снежные воробьи были встречены в Дагестане тоже лишь однажды 30.04.2002 в каменистой балке среди субальпийских лугов на перевале Таратулмеэр между р. Аварское Койсу и Буйнакской котловиной на высоте около 1800 м н.у.м., где наблюдалась пара птиц, молча кормившихся на земле, а затем недалеко была замечена еще одна самка. По сведениям Г.С. Джамирзоева, эти птицы держались здесь и в предыдущие годы (Белик и др., 2002).

На территории Чечни и Ингушетии в районе оз. Кезеной-Ам, лежащего на границе с Дагестаном, снежных воробьев, кроме упомянутых выше находок, в апреле 1966 и 1968 гг. наблюдал также Н.А. Рашкевич (1980), считавший, что этот немногочисленный вид приурочен именно к высоким горам на востоке Чечни, где его численность на горных лугах составляла 1,0 ос./3 км маршрута (Рашкевич, 1973). Но снежные воробьи отмечались и на Боковом хр. – в скалах альпийского и субнивального пояса, где обилие в местах гнездования достигало 4-6 ос./км^2 (Анисимов, 1989). По данным И.И. Гизатулина с соавт. (2001), численность этого вида на альпийских участках региона составляет 1,8 особей на 5 км маршрута.

В Ингушетии снежный воробей обитает в альпийском и субнивальном поясах Бокового хребта, где тяготеет к скальным участкам и каменистым россыпям с бедной растительностью (Батхиев, Точиев, 2007). Для заповедника «Эрзи» он указан как немногочисленный вид Скалистого хребта (хребет Цорейлам), в период кочевок встречающийся также в долинах рек. В частности 07.03.1988 стая около 40 птиц отмечена в Таргимской котловине, а их общая численность на гнездовье в заповеднике «Эрзи» оценена в 10-25 пар (Джамирзоев и др., 2014, 2017).

В Северной Осетии Н.Я. Динник (1886) встречал снежных воробьев на высоте около 2800 м н.у.м. на лугах Мамисонского перевала в верховьях р. Ардон, а также недалеко от перевала из Грузии к верховьям р. Урух. По наблюдениям Л.Б. Бёме (1926), эти птицы гнездились в Северной Осетии только на высотах 1800-2400 м н.у.м. на субальпийских и альпийских лугах со скалами и крупнообломочными каменистыми осыпями, а также в высокогорных селениях в верховьях Гизельдона, Фиагдона и Ардона, и лишь зимой случайно появлялись в предгорьях. Так, 24.03.1898 снежный воробей был добыт у г. Владикавказа, а 25.12.1923 – у с. Редант в долине Терека к югу от Владикавказа (около 800 м н.у.м.). Позже Р.Л. Бёме (1958) уточнил, что снежные воробьи были распространены в Северной Осетии спорадично, селясь колониями по 15-20 пар далеко друг от друга. О спорадичности их распространения свидетельствуют и данные Н.Я. Динника (1886), который встретил этих ярких, заметных птиц на Кавказе всего 6-7 раз, хотя объехал многие высокогорные ущелья.

В 70-90-е годы XX в. снежный воробей считался немногочисленным оседлым видом горных районов Северной Осетии, встречавшимся от субальпийского до нивального пояса на высоте 1900-2500 м н.у.м., где птицы гнездились в скалах и осыпях, а также в каменных постройках старинных осетинских селений – по 1-2 пары в сёлах Зарамагской котловины и Мамисонского ущелья в верховьях р. Ардон (Комаров, 1998*а*, 2006, 2013; Комаров, Липкович, 2000). Летняя численность (май-июнь) составляла там 2,9-4,3 пар/км^2 (Комаров, 2007*б*).

Но мои поиски этих птиц в июле-августе 2007 г. в верховьях Кармадона, Гизельдона, Фиагдона, Ардона и Уруха, в том числе во многих горных селениях, оказались безрезультатными. Ни разу не удалось встретить снежных воробьев и в июне-июле 2008, 2012 и 2014 гг. в Дигории – в ущельях бассейна р. Урух, где исследования проводились как в горностепных котловинах с многочисленными старинными селениями, так и у ледников в субальпийском и альпийском поясах (Белик, 2016).

В Кабардино-Балкарии в первой половине XX в. снежный воробей был обычен как в аридных котловинах под Скалистым хр., так и в

высокогорьях Бокового и Главного хребтов. Так, в 1923 г. эти птицы были обычны в долине р. Баксан по каменистым осыпям и скалам в горах над с. Былым, а 31.07.1923 там были добыты их слётки (Гептнер, 1926). В середине июня 1924 г. выводки часто встречаясь на субальпийских лугах с камнями, скалами и осыпями у сёл Хулам, Безенги и Верхний Чегем, гнездясь в щелях скал и каменных оград на кошарах (Радищев, 1926). А осенью 1949 г. эти птицы оказались весьма обычны в верховьях р. Псыгансу, Черека-Балкарского и Черека-Безенгийского (Насимович, 1950).

Но в 1950-е годы гнездовья снежных воробьев в Кабардино-Балкарии уже не отмечались (Моламусов, 1967). Лишь П.В. Афонин (1985) в 1979-1981 гг. наблюдал этот вид в горах Балкарии, где птицы держались в альпийском поясе с обилием 2 ос./км^2. В.М. Лоскот (1991), проработавший в 1986 и 1988 гг. два летних сезона в самых верховьях Чегема и Черека-Безенгийского, встретил стайку снежных воробьев из 20-22 особей только однажды 29.07.1986 на ледниковой морене в верховьях р. Гара-Аузусу в истоках Чегема. А.Д. Липкович (2000) оценил численность этих птиц, гнездившихся в 1990-е годы в Кабардино-Балкарском заповеднике, в 50-100 пар. Сейчас Р.Х. Пшегусов считает снежного воробья очень редким, предположительно гнездящимся видом Кабардино-Балкарского заповедника, где 2 птицы были обнаружены им в гнездовой период у снеговой линии в верховье р. Гара-Аузусу, а их общая гнездовая численность оценена в 5-10 пар (Джамирзоев и др., 2014, 2017). Нами же при специальных исследованиях в 2004-2007 гг. и 2016-2018 гг. снежные воробьи в горах Кабардино-Балкарии не встречены ни на Скалистом хр., ни в субальпике и альпике Бокового хр.

На Западном Кавказе, в Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае, снежные воробьи раньше, по-видимому, не гнездились, поскольку аридные котловины под Скалистым хр. здесь постепенно смыкаются, покрываясь лесом, особенно к западу от р. Лаба. Сокращается здесь и площадь субальпийских и альпийских высокогорий, зарастающих мезофильным высокотравьем. Об отсутствии этого вида к западу от Эльбруса писал еще Н.Я. Динник (1886), полемизируя с М.Н. Богдановым (1879).

Единственная встреча со снежными воробьями в Карачаево-Черкесии отмечена в Приэльбрусье на куэстах горы Бермамыт на Скалистом хр., где 14.06.2006 была обнаружена колония из 5-10 пар, токовавших и осматривавших места для гнезд на скалах. Но при проверке этого района 20.07.2006 обнаружить птиц не удалось. Они или покинули его уже после окончания гнездового периода, или откочевали ранее на другой гнездовой участок (Белик, 2006). Кроме того, по данным В.А. Тельпова (личн. сообщ.), в июле 2007 г. стайки снежных воробьев были

дважды отмечены на пастбищах на водоразделе между р. Хасаут и Кичмалка, а по опросным сведениям выявлено место гнездования этих птиц в 1980-е годы на развалинах кошары близ с. Кичи-Балык у границы Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии (рис.10).

Встречу же снежного воробья 28.08.1926 на горе Чугуш в Кавказском заповеднике (Туров, 1928) вряд ли можно трактовать как гнездовую (Тильба, Перевозов, 2010). Еще один зимний залет одиночной птицы отмечен в Кавказском заповеднике 31.01.2002 в пос. Гузерипль на р. Белой (Перевозов, 2014).

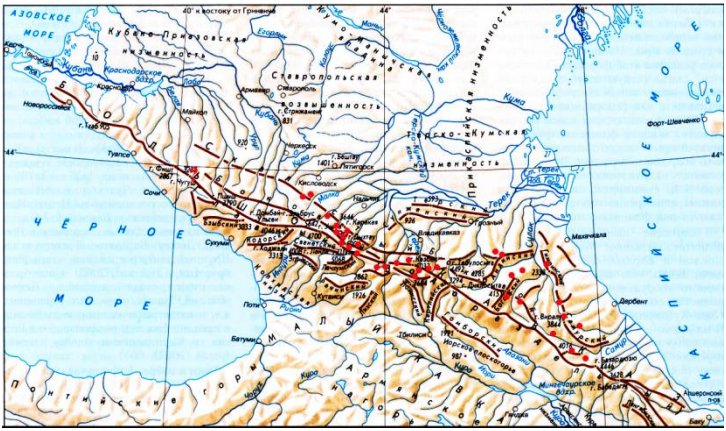


Рис. 10. Распространение снежного воробья на Северном Кавказе

Динамика численности и ее причины

Как видно из изложенного выше, во второй половине XX в. в Кабардино-Балкарии снежный воробей практически полностью исчез. Резко, вплоть до исчезновения сократилась его популяция, по-видимому, и в Северной Осетии. Современная ситуация в Чечне и Ингушетии фактически неизвестна в связи с почти полным отсутствием полноценных полевых исследований. В Дагестане же эти птицы местами сохранились, но их численность там в последние десятилетия тоже снизилась.

Недавнюю находку снежных воробьев на востоке Карачаево-Черкесии можно трактовать как их перекочевку из Кабардино-Балкарии на запад в поисках более оптимальных местообитаний, хотя здесь в слабо изученном высокогорном районе нельзя исключать и пропуск этих редких, спорадично распространенных птиц в предшествующий период. Но в пользу предположения об интенсификации кочевок снежного воробья в нынешний период свидетельствует, возможно, появление этого вида

зимой 2002 г. на р. Белой в Кавказском заповеднике (Перевозов, 2014).

Исходя из имеющихся в настоящее время данных, нашу прежнюю экспертную оценку общей численности снежного воробья на Северном Кавказе и в Европейской части России (Мищенко и др., 2004; Белик, 2005) следует признать завышенной. Она составляет сейчас в этом регионе, очевидно, не более 500-1000 пар, т.е. в 2-5 раз меньше, чем считалось ранее.

Негативная динамика северокавказских популяций снежного воробья привлекла внимание исследователей только в последнее время. В результате он был включен в Красные книги Ингушетии (2007) и Карачаево-Черкесии (2013). Но причины отмеченной выше депрессии численности остаются не выясненными, поскольку сам этот процесс остался в свое время практически не замеченным и не прослеженным в динамике.

Сейчас можно только предполагать, что на снежного воробья, экологически очень близкого к каменному воробью, негативное влияние оказывают, в общем, те же лимитирующие факторы. Среди них на первое место следует поставить, очевидно, полное исчезновение зернового земледелия в горах Центрального Кавказа – в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, что существенно снизило кормовую базу для этих зерноядных птиц в осенне-зимний период. Кроме того, кормовые и защитные условия для снежного воробья в горных степях и в субальпике существенно ухудшились в результате сокращения животноводства, что привело к зарастанию пастбищ высокотравьем, кустарниками и мелколесьем. Особенно это касается горной Балкарии, где после депортации горцев в 1944 г. все ущелья на целое десятилетие почти полностью обезлюдели. Этому способствовал также экономический кризис в конце XX в., когда численность домашнего скота в горах повсеместно сократилась примерно на порядок.

В последние десятилетия пастбищное животноводство в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии постепенно восстанавливается, но когда и как этот процесс сможет отразиться на популяциях снежного и каменного воробьев – пока неясно.

Не исключено влияние на снежного воробья также нынешнего потепления климата, поскольку этот вид, в отличие от каменного воробья, характерен для более высоких и холодных высокогорий, заселяя на Кавказе преимущественно Южно-Юрскую аридную депрессию между Боковым и Главным хребтами, в частности район Казбеги – Коби и Зарамагскую котловину в Северной Осетии.

Экология снежного воробья на Северном Кавказе

Фрагментарные материалы по экологии снежного воробья имеются в ряде фаунистических работ по Северному Кавказу, что позволяет

провести их краткое обобщение.

Снежный воробей ведет в горах оседлый образ жизни, совершая незначительные вертикальные кочевки. Зимой птицы держатся обычно большими, до 40 особей, стаями (Джамирзоев и др., 2014), часто роясь, как домовые воробьи (*Passer domesticus*), на дорогах в конском навозе (Сатунин, 1907). К подножиям гор снежные воробьи спускаются зимой очень редко, лишь случайно (Радде, 1884; Л. Бёме, 1926; Радищев, 1926).

Гнездятся снежные воробьи на высотах от 1700 до 2700 м н.у.м. в Дагестане; от 1800 до 2500 м н.у.м. в Северной Осетии; от 1300-1700 до 2500 м н.у.м. в Кабардино-Балкарии. Единственная колония в Карачаево-Черкесии была найдена на высоте около 2400 м н.у.м. (Белик, 2006). Примерно на тех же высотах или немного выше, от 1500 до 3200 м н.у.м., снежные воробьи обитают и в сухих горах Малого Кавказа (Радде, 1884; Сатунин, 1911; Чхиквишвили, 1933; Ляйстер, Соснин, 1942).

Основным требованием к природным гнездовым местообитаниям снежного воробья является, по-видимому, присутствие скал с грудами камней и каменистыми осыпями под ними, а также наличие сухих, щебнистых, низкотравных склонов среди них, где птицы могут собирать на земле осыпавшиеся семена растений. Поэтому ранее воробьи регулярно встречались в аридных котловинах Северо-Юрской и Южно-Юрской депрессий между Скалистым и Боковым, и между Боковым и Главным хребтами Кавказа, предпочитая, по-видимому, более высокие и холодные котловины. Здесь же они нашли для себя антропогенную замену скалам в виде старинных башен, домов и изгородей из камней, а также сбитые низкотравные пастбища вокруг селений. Аналогичные местообитания характерны и для высоких известняковых плато Внутреннего Дагестана, обрамленных мощными скальными куэстами.

Альпийские же высокогорья привлекают снежных воробьев, очевидно, лишь широким распространением низкотравных альпийских лугов и разрушающихся скал с многочисленными щелями и нишами, и поэтому следует согласиться с Н.Я. Динником (1886), считавшим, что наличие ледников и снежников не является необходимым условием для этого вида. В то же время, как заметил Н.Я. Динник (1886, с.324), снежный воробей «не любит садиться на стебельки и веточки альпийских трав, а выбирает камни, утесы или голую землю».

Гнездятся снежные воробьи отдельными парами или колониями до 15-20 пар (Р. Бёме, 1958), устраивая гнезда в нишах и расщелинах среди скал и камней, а также в различных каменных постройках: башнях, домах, изгородях. Так, Л.Б. Бёме (1926) в Северной Осетии наблюдал гнезда в стенах саклей и башен в самых центрах селений, где снежные воробьи гнездились вместе с домовыми воробьями и горихвостками-

чернушками (*Phoenicurus ochruros*); А.М. Радищев (1926) в Кабардино-Балкарии нашел 2 гнезда: в камнях ограды для кутана (коша) и в щелях скалы очень низко над землей.

На юге Дагестана В.Т. Бутьев и Е.А. Лебедева (1992) обнаружили два гнезда в нишах скалы высотой около 15 м и одно гнездо в расщелине скального выхода высотой 1 м. Там же Н.И. Насрулаев (2014) обследовал два гнезда, сделанные на скале высотой 7 м в нише 40 см глубиной, а также в норе длиной 80 см под камнем на земле у тропы. Наконец, Ю.Е. Комаров (1998*а*) описал в Северной Осетии 6 гнезд, найденных в каменных башнях и домах в старинных селениях Мамисонского ущелья, где гнезда располагались в щелях и трещинах среди камней на высоте 2-7 м над землей.

Гнездо снежного воробья, по описанию А.М. Радищева (1926), свито довольно грубо и очень напоминает гнездо домового воробья. Снаружи оно сложено из трав, внутри же тщательно выложено мягким пухом. По наблюдениям Н.И. Насрулаева (2014), два осмотренных гнезда состояли из толстого слоя овечьей шерсти, под которой находились тонкие стебельки злаков.

Размеры двух гнезд в Северной Осетии составляли: диаметр 165-175; высота – 60-85; диаметр лотка 80-90; глубина лотка 35-55 мм. Размеры кладок в Северной Осетии – 3-4, в среднем (n=7) – 3,7±0,2 яйца: 2 гнезда по 3 яйца; 5 гнезд по 4 яйца. Размер единственного измеренного неоплодотворенного яйца – 22,2×16,9 мм (Комаров, 1998*а*, 2007*а*, 2007*б*).

В гнездах отмечали от 2 до 5 птенцов, в среднем (n=10) – 4,0±0,94 птенца на гнездо: 2; 3; 4; 4; 4; 4; 4; 5; 5; 5 птенцов (Радищев, 1926; Бутьев, Лебедева, 1992; Комаров, 1998*а*; Насрулаев, 2014). В выводках наблюдали по 3-4 слётка (Бутьев, Лебедева, 1992). Лишь однажды был отмечен выводок из 8 птиц, очевидно – с 6 птенцами (Билькевич, 1893).

У оз. Кезеной-Ам в середине апреля 1966 и 1968 гг. птицы держались парами, но к размножению еще не приступили (Рашкевич, 1980). Откладка яиц начинается в начале мая. В районе Крестового перевала на высоте 1700-2300 м н.у.м. 26-27.04.1899 ст.ст., еще в условиях зимней погоды, были добыты две самки с яйцами в яйцеводах (Сатунин, 1907). Весьма активны птицы были там также 30.04.1878 ст.ст. (Михаловский, 1880).

На юге Дагестана на высоте около 2500 м н.у.м. 12.06.1987 было обнаружено гнездо с 5 птенцами возрастом 8-10 дней, а 18.06.1987 – еще одно гнездо с 5 птенцами 7-9-дневного возраста (Насрулаев, 2014). Обычно же с середины июня наблюдается уже вылет птенцов (Комаров, 1998*а*, 2007*б*; Комаров, Липкович, 2000). Однако активное пение самцов отмечается до конца июня (Сатунин, 1907; Белик, 2006), и можно

предполагать наличие у снежного воробья двух кладок в сезон. О наличии второй кладки свидетельствует также и массовое появление молодняка в июле (Богданов, 1879; Баньковский, 1913; Л. Бёме, 1926; Гептнер, 1926; Р. Бёме, 1958; Бутьев, Лебедева, 1992).

Птенцов кормят оба родителя, собирая корм на сбитых лугах в радиусе до 100 м от гнезда. Самец и самка приносят корм обычно совместно до 7 раз за 1,5 часа (Бутьев, Лебедева, 1992), или через каждые 10-15 минут (Насрулаев, 2014). Выкармливают птенцов в основном беспозвоночными: различными жуками, бабочками, двукрылыми, пауками и др. (Бутьев, Лебедева, 1992; Комаров, 1998*а*, 2007*б*).

Брачное поведение

По наблюдениям 14.06.2006 в Карачаево-Черкесии (Белик, 2006), осмотром ниш в поисках места для гнездования (каверн в конгломератовых скалах, щелей среди известняковых плит, ниш под камнями на склонах) в колонии занимались самки, к которым часто подлетали самцы и крутились рядом с ними. Обычно же самцы поодиночке токовали у скал, взлетая на 5-10 м вверх при виде пролетавших мимо птиц, а затем медленно парашютировали на широко раскрытых и приподнятых крыльях и хвосте, демонстрируя ярко-белые второстепенные маховые и боковые рулевые перья. При этом они плавно раскачивались на ветру с боку на бок и издавали нежную, негромкую, высокую звенящую трель: "чвень-цвинь-чвень-цвинь-чвень-цвинь-…", несколько напоминая токование некоторых вьюрковых птиц: зеленушек (*Chloris chloris*), корольковых вьюрков (*Serinus pusillus*) и др.

Заключение

Каменного и снежного воробьев следует считать типичными представителями пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны (Белик, 2013*а*). Это в общем ксерофильные склерофилы, и поэтому потепление и увлажнение климата в горах Кавказа, запустение горных селений и зарастание каменистых пастбищ высокотравьем после сокращения пастбищной нагрузки неблагоприятно сказываются на кормовых и защитных условиях для этих видов в аридных котловинах на Северном Кавказе.

Неблагоприятные лимитирующие факторы, воздействующие на популяции этих видов, относятся к категории естественных биогеоценотических и вряд ли могут быть нейтрализованы системой специальных природоохранных мероприятий (Белик, 1995, 2000). Поэтому включение горных воробьев в региональные Красные книги не сможет решить возникшие сейчас вопросы их охраны на Северном Кавказе, пока не изменится социально-экономическая ситуация в горах или сами эти виды не смогут адаптироваться к складывающимся сейчас новым эколо-

гическим условиям, что впрочем весьма маловероятно, учитывая их конституцию.

Следует заметить, что популяции обоих видов горных воробьев в Европе, в отличие от Северного Кавказа, считаются сейчас стабильными и насчитывают сотни тысяч пар у снежного воробья и даже миллионы пар у каменного воробья. Первый из них абсолютно доминирует в горах Турции, а каменный воробей преобладает в сухих, каменистых ландшафтах Турции и Испании (Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017). Сравнительно обычны эти птицы остаются сейчас и в Армении, не демонстрируя там выраженных негативных трендов. Например, в сентябре 2017 г. в кратере горы Арагац наблюдалась сотенная стая снежных воробьев (В.Ю. Ананян, личн. сообщ.).

Благодарности

Пользуясь возможностью, хочу еще раз искренне поблагодарить А.А. Караваева, А.Г. Перевозова и В.Ю. Ананяна за ценные консультации и предоставленные в мое распоряжение свои неопубликованные данные, И.Б. Савинич за содействие в поисках литературных источников, а также Н.И. Насрулаева за помощь в полевых исследованиях в горном Дагестане.

Литература

Аверин В.Г., 1911. Орнитологические наблюдения летом 1909 и 1910 гг. в окрестностях станицы Митякинской Донецкого округа области Войска Донского // Труды общества испытателей природы при Харьковском ун-те, т.44, приложение. - С.258-285.

Аверин Ю.В., Насимович А.А., 1938. Птицы горной части Северо-Западного Кавказа // Труды Кавказск. заповедника, вып.1.- С.5-56.

Алфераки С.Н., 1910. Птицы Восточного Приазовья // Орнитол. вестник, № 3. С.162-170.

Амосов П.Н., 2012. Птицы (Aves) // Состояние и многолетние изменения природной среды на территории Богдинско-Баскунчакского заповедника.- Волгоград: Царицын.- С.182-211.

Анисимов П.С., 1975. Видовой состав и распределение по биотопом птиц высокогорной части Чечено-Ингушской АССР // Лесоводство, лесные культуры и почвоведение, вып.4.- Л.- С.108-117.

Анисимов П.С., 1989. Редкие и исчезающие позвоночные животные Чечено-Ингушской АССР.- Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. - 157 с.

Афонин П.В., 1985. Структура населения птиц высотных поясов Кабардино-Балкарии // Орнитология, вып.20.- С.104-112.

Баньковский В.Б., 1913. К орнитофауне Закавказья, преимущественно Тифлисской губернии // Изв. Кавказск. музея, т.7, вып.3-4.- С.205-286.

Батхиев А.М., Точиев Т.Ю., 2007. Воробей каменный. Вьюрок снежный // Красная книга Республики Ингушетия: Растения. Животные.- Магас.- С.308-309.

Белик В.П., 1995. Стратегические аспекты охраны уязвимых видов животных // Беркут, т.4, вып.1-2.- С.69-75.

Белик В.П., 1996. Материалы к авифауне степного Подонья // Кавказск. орнитол. вестник, вып.8.- С.3-8.

Белик В.П., 2000. Птицы степного Придонья: Формирование фауны, ее антропогенная трансформация и вопросы охраны.- Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ.- 376 с.

Белик В.П., 2005. Кадастр гнездовой орнитофауны Южной России // Стрепет, т.3, вып.1-2.- С.5-37.

Белик В.П., 2006. Находка снежного вьюрка в Карачаево-Черкесии // Стрепет, т.4., вып.1.- С.119-120.

Белик В.П., 2013*а*. Орнитогеографические связи и районирование Большого Кавказа (новые подходы в анализе фауны) // Стрепет, т.11, вып.1.- С.5-88.

Белик В.П., 2013*б*. Материалы к орнитофауне Северной Осетии // Стрепет, т.11, вып.2.- С.41-53.

Белик В.П., 2016. К орнитофауне Национального парка «Алания», Северная Осетия, Дигория // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.39-64.

Белик В.П., Джамирзоев Г.С., Насретдинов Х., 2002. Обследование КОТР Дагестана // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюлл., № 16.- С.18-20.

Белик В.П., Шергалин Е.Э., Франкьен И.Ж., 2013. М.М. Алфераки – Птицы Нижнего Дона: Passeriformes // Стрепет, т.11, вып.2.- С.5-22.

Бёме Л.Б., 1926. Птицы Северной Осетии и Ингушии (с прилежащими районами) // Уч. зап. Северо-Кавказск. ин-та краеведения, т.1. - С.175-274.

Бёме Л.Б., 1933. По Аварскому и Андийскому округам Дагестанской Республики в целях зоологических наблюдений // Изв. 2-го Сев.-Кавк.пед. ин-та, т.10.- С.127-146.

Бёме Л.Б., 1935. Птицы Северо-Кавказского края. Руководство к орнитологическим экскурсиям по Северному Кавказу для учителей. - Пятигорск.- 140 с.

Бёме Л.Б., Красовский Д.Б., Чернов С.А., 1930. Материалы к познанию фауны позвоночных животных Ингушской Автономной области // Изв. Ингушск. науч.-исслед. ин-та краеведения, вып.2/3.- С.47-111.

Бёме Р.Л., 1958. Птицы Центрального Кавказа // Уч. зап. Сев.-Осетинск. гос. пед. ин-та.- Орджоникидзе, т.23, вып.1. - С.111-183.

Билькевич Ст., 1893. Материалы к исследованию орнитологической фауны Дагестана // Протоколы заседаний О-ва естествоиспыт. при Казанск. ун-те, прил. № 135.- С.1-24.

Богданов М., 1879. Птицы Кавказа // Труды О-ва естествоиспытателей при Казанск. ун-те, т.8, вып.4.- С.1-188.

Бостанжогло В.Н., 1911. Орнитологическая фауна Арало-Каспийских степей.- М.: Типография Московского ун-та.- 410 с.

Браунер А., 1907. Заметки об экскурсиях, совершенных в 1905 г. в Ставропольской губ. и в Крыму // Зап. Новорос. о-ва естествоиспытателей, т.30.- С.113-126.

Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., 2013. Орнитологические наблюдения в Дагестане весной 2013 г. // Труды заповедника «Дагестанский», вып.5.- С.120-143.

Бутьев В.Т., Лебедева Е.А., 1992. Орнитологические наблюдения в окрестностях

селения Куруш // Кавказск. орнитол. вестник, вып.4, ч.1.- С.73-83.

Вилков Е.В., 2001. Особенности летнего населения птиц Агульского района (горы южного Дагестана) // Кавказск. орнитол. вестник, вып.13.- С.27-33.

Вилков Е.В., 2007. География летней локализации птиц в высокогорном Дагестане (на примере окрестностей селения Тлярош) // Труды Географ. общества Дагестана, вып.35.- Махачкала.- С.45-52.

Вилков Е.В., 2008. Структура и территориальное распределение авифауны высокогорного Дагестана в условиях интенсивных миграций // Соврем. пробл. биологии и экологии животных: Всеросс. науч.-практ. конф.- Махачкала: ДГПУ.- С.101-114.

Вилков Е.В., 2010. К вопросу о структуре и территориальном распределении птиц центральной части предгорного Дагестана // Кавказск. орнитол. вестник, вып.22.- С.3-12.

Вилков Е.В., 2011. Структура и экологическое разнообразие птиц Внутригорного Дагестана (на примере селения Гоцатль) // Птицы Кавказа: современное состояние и проблемы охраны.- Ставрополь.- С.25-34.

Вилков Е.В., 2013*а*. Структура и пространственно-временная гетерогенность летнего населения птиц высокогорного Дагестана (на примере Чародинского района) // Юг России: экология, развитие, № 2.- С.77-87.

Вилков Е.В., 2013*б*. История изучения и структурно-территориальные связи птиц высокогорного Дагестана (на примере Чародинского и Тляратинского районов) // Птицы Кавказа: история изучения, жизнь в урбанизированной среде: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.25-52.

Вильконский Ф.В., 1897. Орнитологическая фауна Аджарии, Гурии и северовосточного Лазистана // Мат-лы к познанию фауны и флоры Росс. империи, Отд. зоол.- М.- С.1-121.

Волчанецкий И.Б., 1973. Материалы к изучению зоогеографии Дагестана // Науч. докл. Высш. школы. Биол. науки., № 7.- С.30-36.

Волчанецкий И.Б., Капралова Н.И., Лисецкий А.С., 1950. Об орнитофауне Эльтонского района Заволжья и ее реконструкции в связи с полезащитным насаждением // Зоол. журн., т.29, вып.6.- С.501-512.

Второв П.П., 1962. К ландшафтной орнитогеографии Центрального Кавказа // Орнитология, вып.4.- С.218-233.

Гаврилов Э.И., 1974. Семейство Ткачиковые // Птицы Казахстана, т.5.- Алма-Ата: Наука Каз. ССР.- С.363-406.

Гамбаров К.М., 1954. Материалы по орнитофауне восточной части южного склона Главного Кавказского хребта и прилегающей низменности // Труды Ин-та зоол. АН Аз.ССР, т.17.- С.57-112.

Гептнер В.Г., 1926. Материалы по птицам Горной Балкарии (Некоторые соображения по фауне горной степи массива Эльбрус) // Учен. зап. Сев.-Кавк. института краеведения, т.1. - С.91-118.

Гизатулин И.И., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2001. Птицы Чечни и Ингушетии.- Ставрополь.- 142 с.

Гуль К.К., Власова С.В., Кисин И.М., Тертеров А.А., 1959. Физическая география Дагестанской АССР.- Махачкала: Даг. кн. изд-во.- 250 с.

Даль С.К., 1959. Ландшафтно-экологический очерк позвоночных животных

мест возможной природной очаговости бруцеллеза в Ставропольском крае // Труды Противочумного ин-та Кавказа и Закавказья, вып.2.- Ставрополь.- С.93-144.

Девятко Т.Н., Джамирзоев Г.С., 2012. Каталог орнитологической коллекции Музея природы Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Кавказ, южные регионы России и Украины, Средняя Азия, Казахстан).- Харьков: Харьков. ун-т.- 398 с.

Дерюгин К.М., 1900. Материалы по орнитофауне Чорохского края (юго-западное Закавказье) и окрестностей Трапезонда // Ежегодник Зоол. музея Акад. наук, т.5, № 3.- С.277-319.

Джамирзоев Г.С., Магомедов Г.М., Пишванов Ю.В., Прилуцкая Л.И., 2004. Птицы заповедника «Дагестанский».- Махачкала.- 95 с.

Джамирзоев Г.С., Перевозов А.Г., Комаров Ю.Е., Тильба П.А. и др., 2014. Птицы заповедников и национальных парков Северного Кавказа // Труды заповедника «Дагестанский», вып.8, т.1.- Махачкала.- С.1-428.

Джамирзоев Г.С., Перевозов А.Г., Комаров Ю.Е., Тильба П.А. и др., 2017. Птицы заповедников и национальных парков Северного Кавказа // Труды заповедника «Дагестанский», вып.8, т.2.- Махачкала.- С.1-140.

Джамирзоев Г.С., Перевозов А.Г., Уколов И.И., 2011. Материалы к орнитологической фауне участка «Сарыкумские барханы» ГПЗ «Дагестанский» // Труды заповедника «Дагестанский», вып.4.- Махачкала.- С.121-127.

Динник Н., 1884. Осетия и верховья Риона // Изв. Кавказск. отд. Русского геогр. общества, т.13, № 1.- С.49-100.

Динник Н., 1886. Орнитологические наблюдения на Кавказе // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, т.17, вып.1.- С.260-378.

Динник Н., 1890. Поездка в Балкарию // Зап. Кавказск. отд. Русского геогр. общества, кн.14, вып.1.- С.112-140.

Динник Н., 1890. Путешествие по Дигории // Зап. Кавказск. отд. Русского геогр. общества, кн.14, вып.1.- С.1-61.

Динник Н., 1893. Путешествие по западной Осетии // Зап. Кавказск. отд. Русского геогр. общества, кн.15.- С.51-90.

Динник Н.Я., 1905. По Чечне и Дагестану // Зап. Кавказск. отд. Русского геогр. общества, кн.25, вып.4.- С.1-78.

Жордания Р.Г., 1960. Орнитофауна Лагодехского заповедника и окрестностей // Сообщ. АН ГССР, т.24, № 4.- С.459-464.

Жордания Р.Г., Гогилашвили Г.С., 1976. Птицы Сванетии (Груз. ССР) // Acta Ornithologica, v.15, № 6.- P.323-337.

Журавлёв М.Н., 1990. Орнитокомплексы среднегорной зоны Большого Кавказа // Биота экосистем Большого Кавказа.- М.: Наука.- С.158-175.

Иванов В.Г., Чунихин С.П., 1961. Изменения в распространении и составе авифауны Кабардино-Балкарии под влиянием человека // Уч. зап. Кабардино-Балкарского ун-та, вып.10. - С.199-204.

Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2006. Кладки и размеры яиц птиц Центрального Предкавказья.- Ставрополь.- 220 с.

Караваев А.А., 2000. О летнем населении птиц Скалистого хребта в районе гор Баранаха и Больше // Кавказск. орнитол. вестник, вып.12.- С.119-133.

Караваев А.А., 2010. Пролёт хищных птиц в горных условиях по наблюдениям у г. Карачаевска // Кавказск. орнитол. вестник, вып.22.- С.52-69.

Караваев А.А., Джамирзоев Г.С., Пшегусов Р.Х., 2017. Материалы летних орнитологических наблюдений в национальном парке «Приэльбрусье» // Труды заповедника «Дагестанский», вып.13.- С.111-122.

Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2004. Население хищных птиц в негнездовой период в районе Скалистого хребта Кавказа // Фауна Ставрополья.- Ставрополь, вып.12.- С.48-54.

Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2013. Каменный воробей. Снежный вьюрок // Красная книга Карачаево-Черкесской Республики.- Черкесск: Нартиздат.- С.146-147.

Караваев А.А., Хубиев А.Б., Хохлов А.Н., 2014. Птицы горных лугов Карачаево-Черкесии // Труды Тебердинск. заповедника, вып.58.- 144 с.

Комаров Ю.Е., 1998*а*. О размножении некоторых птиц в Северной Осетии-Алании // Кавказск. орнитол. вестник, вып.10.- С.59-65.

Комаров Ю.Е., 1998*б*. Птицы сельских населенных пунктов Республики Северная Осетия-Алания // Кавказск. орнитол. вестник, вып.10.- С.65-74.

Комаров Ю.Е., 2006. Аннотированный список птиц Северо-Осетинского заповедника // Труды Северо-Осетинского заповедника, вып.1.- Владикавказ.- С.145-165.

Комаров Ю.Е., 2007*а*. Кладки и размеры яиц птиц Республики Северная Осетия–Алания. - Владикавказ.- 110 с.

Комаров Ю.Е., 2007*б*. К биологии некоторых видов птиц РСО-Алании // Кавказск. орнитол. вестник, вып.19.- С.93-105.

Комаров Ю.Е., 2013. Аннотированный список птиц Национального парка «Алания» // Труды Нац. парка «Алания», вып.2.- Владикавказ.- С.102-117.

Комаров Ю.Е., Липкович А.Д., 2000. Класс Птицы // Животный мир Республики Северная Осетия–Алания. - Владикавказ. - С.62-198.

Красная книга Карачаево-Черкесской Республики.- Черкесск, 2013.- 361 с.

Красная книга Республики Ингушетия: Растения. Животные.- Магас, 2007.- 368 с.

Красовский Д.Б., 1932. Материалы к познанию фауны наземных позвоночных Рутульского кантона Дагестанской АССР // Известия 2-го Северо-Кавказск. пед. института, т.9. - Махачкала. - С.186-218.

Кузнецов А.А., 1983. Список птиц Верхней Сванетии // Исследования по фауне Сов. Союза: Распространение и систематика птиц: Сборник трудов Зоол. музея МГУ, т.21.- М.: МГУ.- С.186-190.

Липкович А.Д., 2000. Кабардино-Балкарский заповедник // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международн. значения в Европ. России. - М.- С.365-366.

Лиховид А.И., Тертышников М.Ф., 1977. Орнитологические заметки // Фауна Ставрополья, вып.2.- Ставрополь.- С.73-75.

Лоскот В.М., 1991. Распространение и образ жизни кавказской большой чечевицы *Carpodacus rubicilla rubicilla* (Güld.) // Эколого-популяционные исследования птиц: Труды Зоол. ин-та АН СССР, т.231.- С.43-116.

Ляйстер А.Ф., Соснин Г.В., 1942. Материалы по орнитофауне Армянской ССР (Ornis Armeniaca). - Ереван.- 402 с.

Маландзия В.И., 2000. Особенности орнитофауны Абхазии // Мат-лы науч. сессии, посвящ. 90-летию А.А. Колаковского.- Сухум.- С.82-120.

Михаловский И., 1880. Орнитологические наблюдения в Закавказье летом 1878 г. // Труды С.-Петерб. об-ва естествоиспытателей, т.11, вып.1.- С.12-39.

Мищенко А.Л., Белик В.П., Равкин Е.С. и др., 2004. Оценка численности и ее динамики для птиц Европейской части России (Птицы Европы – II). - М.: Союз охраны птиц России. - 44 с.

Моламусов Х.Т., 1967. Птицы центральной части Северного Кавказа.- Нальчик.- 100 с.

Насимович А.А., 1950. Об организации заповедника высокогорной природы Центрального Кавказа // Охрана природы, сборн.11.- М.- С.72-79.

Насрулаев Н.И., 1990. Птицы восточного высокогорья Богосского хребта // Орнитология, вып.24. - М.- С.154-156.

Насрулаев Н.И., 2007. Птицы верховий реки Аварское Койсу (Внутренний Дагестан) // Горные экосистемы и их компоненты: Труды международ. конф., ч.3.- М.: КМК.- С.7-10.

Насрулаев Н.И., 2014. К экологии снежного воробья *Montifringilla nivalis* Linnaeus, 1766) в окрестности горы Базар-Дюзи (Республика Дагестан) // Горные экосистемы и их компоненты: Мат-лы 5 Всеросс. конф. с международным участьем, посвящ. 25-летию научной школы чл.-корр. РАН А.К. Темботова и 20-летию Института экологии горных территорий им. А.К. Темботова КБНЦ РАН.- Нальчик.- С.77.

Паллас П.С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч.3, половина 2.- Санкт-Петербург: Изд-во АН.- 480 с.

Перевозов А.Г., 2014. Орнитофауна Кавказского заповедника и сопредельных территорий // Труды Кавказск. заповедника, вып.21.- С.109-171.

Поливанов В.М., Витович О.А., Ткаченко И.В., 2000. Птицы Скалистого хребта // Птицы различных ландшафтов России, их экология и охрана: Труды Тебердинск. заповедника, вып.18.- Ставрополь.- С.101-129.

Попкова И.Ф., Попков А.С., 1965. Птицы и млекопитающие Закатальского госзаповедника // Труды заповедников Азербайджана, вып.1.- С.159-187.

Радде Г.И., 1884. Орнитологическая фауна Кавказа. Ornis Caucasica. Систематическое и биолого-географическое описание кавказских птиц.- Тифлис.- 451 с.

Радищев А.М., 1926. Материалы к познанию авифауны Кабарды и Балкарии (отряды Passeriformes и Coraciiformes) // Уч. зап. Сев.-Кавк. ин-та краеведения, т.1. - С.119-146.

Рашкевич Н.А., 1973. Численность и характер пребывания массовых птиц в ландшафтах Чечено-Ингушетии // Изв. Сев.-Кавказск. науч. центра Высшей школы. Серия естеств. наук, № 3.- С.54-57.

Рашкевич Н.А., 1980. Мир пернатых: Птицы Чечено-Ингушетии.- Грозный.- 208 с.

Реуцкий Н.Д., 2005. Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распределения по природно-территориальным комплексам // Астраханский вестник экол. образования, № 1 (31).- С.75-108.

Россиков К.Н., 1884. Поездка в Чечню и нагорный Дагестан (с орнитологической целью) // Записки Кавказск. отд. Русского геогр. общества, т.13, вып.1.- Тифлис.- С.213-277.

Россиков К.Н., 1888. Результаты наблюдений над птицами западной части северо-восточного Кавказа // Труды С.-Петерб. об-ва естествоиспытателей. Отдел зоол. и физиологии, т.19.- С.36-57.

Самородов Ю.А., Бадмаева В.И., 1981. Об орнитофауне Сарпинской долины, возвышенности Ергени и Чограйского водохранилища // Наземные и водные экосистемы: Межвуз. сб.- Горький.- С.128-138.

Сарандинаки Г., 1909. Некоторые данные для орнитологии Ростовского н/Д. округа Донской области // Сб. студ. биол. кружка при Новоросс. ун-те, № 4.- С.1-75.

Сатунин К.А., 1907. Материалы к познанию птиц Кавказского края // Зап. Кавказск. отд. Русского геогр. общества, кн.26, № 3.- С.1-144.

Сатунин К.А., 1911. Систематический каталог птиц Кавказского края // Зап. Кавказск. отд. Русского геогр. общества, кн.28, вып.1.- С.1-86.

Сатунин К.А., Берг Л.С., Кириченко А.Н., Муралевич В.С., 1913. Фауна Черноморского побережья Кавказа // Труды Об-ва изучения Черноморского побережья, т.2.- Санкт-Петербург.- VII+248 с.

Серебровский П.В., 1925. Результаты орнитологических наблюдений в Закатальском округе Закавказья в 1916 г. // Новые мемуары МОИП, т.18, вып.2.- С.1-85.

Строков В.В., 1960. Птицы наземных ландшафтов Сочи-Мацестинского курортного района // Охрана природы и озеленение, вып.4.- М.- С.121-133.

Судиловская А.М., 1954. Семейство ткачиковые // Птицы Сов. Союза, т.5.- М.: Сов. наука.- С.306-374.

Тельпов В.А., Хохлов А.Н., Битаров В.Н., 1988. Заметки о птицах Предгорного района Ставропольского края // Мат-лы по изучению Ставропольского края, вып.15-16.- Ставрополь.- С.214-218.

Тильба П.А., 2006. Авифауна Сочинского национального парка // Инвентаризация основных таксономич. групп и сообществ, созологические исследования Сочинск. нац. парка – первые итоги первого в России нац. парка: Науч. труды Сочинск. нац. парка, вып.2. - М.: Престиж. - С.226-270.

Тильба П.А., Перевозов А.Г., 2010. Новые виды в авифауне Кавказского заповедника // Кавказск. орнитол. вестник, вып.22.- С.138-145.

Туров С.С., 1928. Материалы к познанию фауны Кавказского государственного заповедника: 1: Млекопитающие // Труды Сев.-Кавказск. Ассоциации науч.-исслед. ин-тов, № 44: Науч.-исслед. ин-т при Горских пед. и с./х. ин-тах, вып.2.- Ростов н/Д.- С.1-39.

Хохлов А.Н., 1990. О некоторых малочисленных, малоизученных и залетных птицах Ставропольского края // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.96-101.

Хохлов А.Н., 1993. Животный мир Ставрополья.- Ставрополь.- 165 с.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Тельпов В.А., 2003. К летней орнитофауне долины р. Аликоновки // Фауна Ставрополья, вып.11. - Ставрополь.- С.138-141.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Тельпов В.А., Друп А.И. и др., 2004. К летней орнитофауне долины р. Аликоновки. Сообщение 2 // Фауна Ставрополья, вып.12.- Ставрополь.- С.145-148.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Тельпов В.А., Тельпова В.В. и др., 2005. К летней

орнитофауне долины р. Аликоновки. Сообщение 3 // Фауна Ставрополья, вып.13.- Ставрополь.- С.123-126.

Хохлов А.Н., Тельпов В.А., 1984. Материалы по экологии воробьиных птиц Предгорного района Ставропольского края // Фауна Ставрополья, вып.3.- Ставрополь.- С.149-165.

Хубиев А.Б., Караваев А.А., 2010. Динамика населения хищных птиц у южного склона Скалистого хребта // Кавказск. орнитол. вестник, вып.22.- С.161-172.

Чхиквишвили И.Д., 1933. Материалы по орнитофауне Джавахетии // Джавахетия: Материалы по изучению природных ресурсов Ахалкалакского нагорья.- Тифлис: ЗакГИЗ.- С.303-328.

Эверсманн Э.А., 1866. Естественная история птиц Оренбургского края // Естественная история Оренбург. края, ч.3.- Казань.- 622 с.

Bier H., Heise G., Otto W., 1975. Ornithologische Beobachtungen in Nordkaukasus aus dem Sommer 1970 // Falke, № 22.- S.150-157.

Birds in Europe: population estimates, trends and conservation status. - Cambridge, UK: BirdLife International, 2004.- 374+xxiv p.

European birds of conservation concern: populations, trends and national responsibilities.- Cambridge, UK: BirdLife International, 2017.- 171 p.

Güldenstädt J.A., 1775. Sex Avium descriptions: *Loxia rubicilla*, *Tanagra melanictera*, *Muscicapa melanoleuca*, *Motacilla erythrogastra*, *Scolopax subarquta*, *Scolopax cinerea* // Novi Comm. Acad. Sci. Imp. Petropoli., т.19.- P.463-473.

Hellmayr C.E., 1902. Die Formen von *Passer petronius* // Ornithol. Jahrbuch, Bd.13.- S.126-129.

Linnaeus C., 1766. Systema naturae, т.1.- Holmiae.- 532 p.

Lorenz Th., 1887. Beitrag zur Kenntniss der ornithologischen Fauna an der Nordseite des Kaukasus.- Moskau.- XII+62 S.

Lorenz Th., 2011. Beitrag zur Kenntniss der ornithologischen Fauna an der Nordseite des Kaukasus: Passeriformes (русский перевод) // Стрепет, т.9, вып.1-2.- С.7-37.

Ménétries E., 1832. Catalogue raisonné des objects de zoologie recueillis dans un voyage an Caucase et jusqu'aux frontiéres actuelis de la Perse. - SPb.- 271 p.

Nordmann A., 1840. Catalogue raisonne des oiseaux de la faune Pontique // Voyage dans la Russie meridionale et la Crimee par Mr.A.Demidoff, V.3.- Paris. - P.67-306.

Pallas P.S., 1811. Zoographia Rosso-Asiatica, sistens omnium animalium in extenso Imperio Rossico et adjacentibus maribus observatorium recensionem…, т.2.- Petropoli.- 374 p.

Schmidt K., 1986. Ornithologische Beobachtungen in Georgien // Beiträge zur Vogelkunde, Bd.32, H.4.- S.208-218.

УДК 598.2 (479.225)

К фауне птиц Республики Южная Осетия (Закавказье): состав, структура и распространение

Ю.Е. Комаров
Северо-Осетинский государственный природный заповедник
borodachyu.k@mail.ru

On the bird fauna of the South Ossetia Republic (Transcaucasia): composition, structure and distribution. – Komarov Yu.E. – The article provides materials on avifauna of South Ossetia (RSO), collected in 2011-2016. The list of birds includes 180 species belonging to 49 families, 120 genera. The group of breeding and resident birds includes 93 species, migratory – 73, wintering – 6 and vagrant – 8 species. There are 4 ecological groups in the fauna: dendrophylls (79 species), limnophylls (45), sclerophills (32), campophylls (24). In the breeding avifauna, dendrophylls dominate (52 species). There are 7 types of fauna in avifauna of the region: widespread (72 species), European (54), Siberian (10), Mediterranean (11), Arctic (8), Mongolian (15) and Tibetan (10) types. Euro-Mongol-Tibetan species prevail in the avifauna of the RSO. In terms of numbers in the RSO, 44 species are common, 58 are small, 10 are numerous, 45 are rare and 23 are very rare. The distribution of birds in zones, belts and landscapes of South Ossetia briefly described. In the Red Data Book of the Republic of South Ossetia there are 33 bird species (16 nests, 17 – migratory, vagrant and wintering). Information is given on some rare birds found in South Ossetia.

Key words: avifauna, zoogeographic analysis, South Ossetia Republic.

Республика Южная Осетия (РЮО) расположена на южном склоне Центрального Кавказа и предгорной части Внутренне-Картлийской равнины. Почти 90% территории республики расположено на высотах более 1000 м над уровнем моря. Высшей точкой Республики является гора Халаца (3938 м).

Гористую часть РЮО составляют Двалетский хребет на границе с Россией и, приросшие к нему поперечные хребты − Рачинский с Лихским, Кешелтский, Машхарский, Дзауский, Гудисский, Харульский, Ломисский и Мтиулетский. Между ними расположены глубокие ущелья − Кударгом, Синагурское, Машхарское, Кешелтское, Дзауское, Рокское, Гудисское, Зонкарское, Ксанское, Лехурское, а предгорная часть расположена на крайнем юге республики, где долины рек Проне, Большая и Малая Лиахва, Меджуда и Ксан выходят на северную окраину Внутренне-Картлийской равнины.

Бóльшая часть рек РЮО принадлежат бассейну р. Куры (впадает в Каспийское море): р. Большая Лиахва с левым притоком р. Малая Лиахва, рр. Ксан, Меджуда, Лехура. Водотоки северо-запада Республики − рр. Джоджора и Квирила относятся бассейну р. Риони (впадает в Чёрное

море). Водоразделом бассейнов рек Чёрного и Каспийского морей являются Рачинский и Лихский хребты.

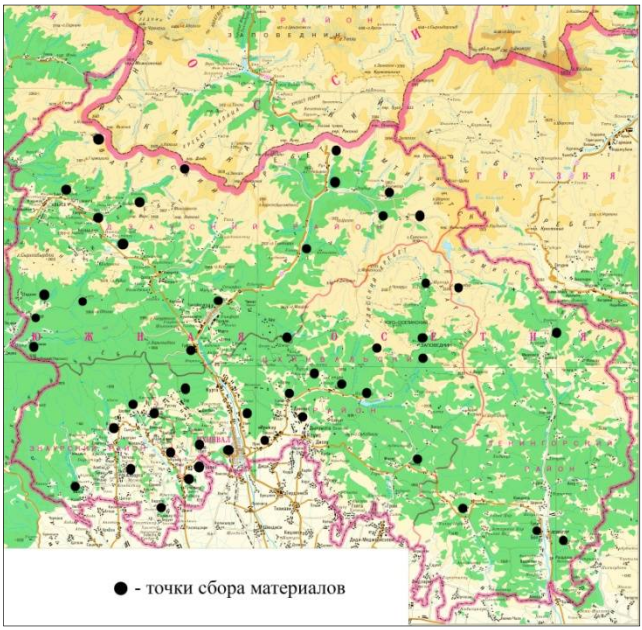


Рис. 1. Карта Республики Южная Осетия

Крупнейшим озером республики является Келистба, расположенное на Кельском вулканическом плато на высоте 2921 м н.у.м. Из небольших озёр наиболее известны Эрцо, Коз, расположенные недалеко от г. Квайса, высокогорное озеро Цетелихатское и водоем Цунар, недалеко от сел. Хетагурово, на Внутренне-Картлийской равнине. Крупнейшим рукотворным водоёмом является Зонкарское водохранилище на р. Малая Лиахва (Дзагоев, 2003).

Климат РЮО формируется под воздействием различных климатообразующих факторов, но прежде всего под влиянием высокогорного рельефа. От северных холодных ветров Южная Осетия защищена Водораздельным хребтом, вследствие чего здесь даже на большой высоте теплее, чем в целом на Северном Кавказе. На дне Дзауской (и других межгорных котловин), в глубоких замкнутых ущельях в зимний период скапливается холодный воздух, который опускается с высоких вершин и плоскогорий вниз по склонам. В среднем за год выпадает 598 мм осадков. В Южной Осетии выделяют несколько типов климата.

1. Сухой, степной климат с умеренно холодной зимой и жарким летом. Температура воздуха в январе от −0,5° до +2°С, а в июле − от 22° до 25°С; в течение года атмосферные осадки составляют 350-600 мм; максимум − в апреле-августе. Этот тип климата распространён на юге республики, на Внутренне-Картлийской равнине.

2. Умеренно-влажный климат с умеренно холодной зимой и продолжительным летом. Температура воздуха в январе от −1° до −8°С, а в июле − от 13° до 20°С; Количество осадков в течение года составляет 700-1400 мм, с максимумом в мае - июне и с минимумом в январе и августе. Распространяется на Машхарском, Чеселтском, Гудисском, Дзауском, Ломисском и Харульском хребтах, на севере Лихского хребта, на высоте 2000-2200 м.

3. Влажный климат с холодной и продолжительной зимой и прохладным летом. Температура воздуха в январе от −8° до −14°С, а в июле − от 3° до 5°С; атмосферные осадки в течение года составляют 1000-1800 мм; максимум падает на май - июнь, минимум − на январь. Распространяется на высоте 2200-3000 м н.у.м.

4. Высокогорный влажный климат вечных снегов и ледников. Распространён на вершинах Главного Кавказского хребта (в районе гг. Халаца, Зикара, Козы-Хох, Дзедо), на высоте выше 3000-3600 м н.у.м. (http:/ru.wikipedia.org).

На перевалах Южной Осетии снег выпадает практически в любое время года. Снежный покров на большой высоте ложится рано. На северных склонах Рачинского, Харульского, Ломисского, Гудисского хребтов, а также на склонах Двалетского хребта, на Машхарском, Чеселтском, Рукском хребтах – на высоте 2000 м это происходит в середине ноября (иногда, во второй половине октября). Сходит снег в самом конце апреля − начале мая, а в некоторых местах и в конце июня. Ледники и фирновые поля покрывают гребни Главного Кавказского хребта и высочайшие вершины Южной Осетии. Краткие физико-географические условия территории РЮО изложены в одном из разделов Красной книги РЮО (Кабулов, Лотиев, 2017).

Несмотря на уникальные природные особенности Республики Южная Осетия (РЮО), её современное биологическое разнообразие практически не изучено. Хотя в некоторых отрядах присутствуют уникальные виды флоры и фауны. Нет сведений и об авифауне региона. Единого списка птиц РЮО в научной литературе советского периода и времён перестройки, мы не нашли. Поэтому составили список авифауны РЮО на основе своих материалов, полученных во время экспедиций 2011-16 гг. (Комаров, 2012 а, б; Комаров, 2014; Габаев, Комаров, 2013). Использовались фондовые материалы краеведческого музея и музея

кафедры зоологии ЮОГУ, а также некоторые грузинские источники (Жордания, Гогилашвили, 1969; Эдишерашвили, 1985, 1987).

Проанализированные материалы позволили выяснить, что на территории РЮО в разные годы было отмечено 180 видов птиц. Летняя фауна (гнездящаяся) выявлена полнее. Остальные группы (пролетные, зимующие, залетные) ещё нуждаются в длительных наблюдениях. Систематика птиц, представленных в таблице 1, приведена по сводке Л.С. Степаняна (2003).

Таблица 1

Список птиц Республики Южная Осетия

№№	Виды птиц	Характер пребывания	Экол. группы	Относительная численность	Примечания
1.	*Gavia arctica*	E	Л	RRR	Корнаев, 1956
2.	*Podiceps nigricollis*	E	Л	RRR	Корнаев, 1956
3.	*Podiceps cristatus*	T	Л	RR	
4.	*Phalacrocorax carbo*	T	Л	RR	
5.	*Botaurus stellaris*	N	Л	RR	Жордания, Гогилашвили,1969
6.	*Ixobrychus minutus*	T	Л	RR	
7.	*Nycticorax nycticorax*	T	Л	C	Комаров, 2017
8.	*Egretta alba*	T	Л	C	
9.	*Bubulcus ibis*	T	Л	RRR	
10.	*Ardea cinerea*	T	Л	C	
11.	*Ardea purpurea*	T	Л	C	
12.	*Ciconia nigra*	T	Л	RRR	Комаров, 2017
13.	*Anser albifrons*	T	Л	RR	
14.	*Cygnus olor*	T	Л	RR	
15.	*Anas platyrhynchos*	N	Л	R	
16.	*Anas strepera*	T	Л	RR	Жордания, Гогилашвили,1969
17.	*Anas crecca*	T	Л	C	
18.	*Pandion haliaetus*	T	Л	RRR	
19.	*Pernis apivorus*	T	Д	R	Жордания, Гогилашвили,1969
20.	*Milvus migrans*	T	Д	CC	
21.	*Circus cyaneus*	T	К	RR	Комаров, 2014
22.	*Circus pygargus*	T	К	C	
23.	*Accipiter gentilis*	N	Д	R	
24.	*Accipiter nisus*	N	Д	R	
25.	*Buteo lagopus*	W	К	R	
26.	*Buteo buteo*	N	Д	C	
27.	*Buteo rufinus*	T	Д	CC	
28.	*Circaetus gallicus*	T	Д	R	
29.	*Hieraaetus pennatus*	T	Д	R	Комаров, 2014

30.	*Aquila rapax*	T	K	R	
31.	*Aquila clanga*	T	Д	RR	
32.	*Aquila pomarina*	T	Д	R	
33.	*Aquila chrysaetos*	N	C	RR	
34.	*Haliaeetus albicilla*	E	Д	RRR	Жордания, Гогилашвили,1969
35.	*Aegypius monachus*	E	Д	RRR	Комаров, 2014
36.	*Gups fulvus*	E	C	RRR	Комаров,2014; Жордания, Гогилашвили,1969
37.	*Gypaetus barbatus*	N	C	RRR	
38.	*Falco peregrinus*	N	C	RRR	
39.	*Falco vespertinus*	T	Д	RR	
40.	*Falco subbuteo*	T	Д	RR	
41.	*Falco tinnunculus*	N	C	R	
42.	*Lyrurus mlokosiewiczi*	N	Д	RR	
43.	*Tetraogallus caaucasicus*	N	C	C	
44.	*Alectoris chukar*	N	C	R	
45.	*Perdix perdix*	N	K	RR	
46.	*Coturnix coturnix*	N	K	C	
47.	*Grud grus*	T	Л	C	
48.	*Crex crex*	N	K	R	
49.	*Fulica atra*	T	Л	RR	
50.	*Burhinus oedicnemus*	T	K	R	
51.	*Pluvialis apricaria*	T	K	RRR	
52.	*Charadrius hiaticula*	T	Л	RR	
53.	*Charadrius dubius*	T	Л	RR	
54.	*Eudromias morinellus*	T	K	RRR	
55.	*Vanellus vanellus*	T	Л	RR	
56.	*Himantopus himantopus*	T	Л	RR	
57.	*Recurvirostra avosetta*	T	Л	RRR	
58.	*Tringa ochropus*	T	Л	R	
59.	*Actitis hypoleucos*	N	Л	R	
60.	*Phalaropus lobatus*	T	Л	RRR	
61.	*Philomachus pugnax*	T	Л	RR	
62.	*Limicola falcinellus*	T	Л	RRR	
63.	*Gallinago gallinago*	T	Л	RR	
64.	*Gallinago media*	T	Л	RR	
65.	*Scolopax rusticola*	T	Д	C	
66.	*Limosa limosa*	T	Л	R	
67.	*Glareola pratincola*	T	K	R	
68.	*Glareola nordmanni*	T	K	R	
69.	*Larus ridibundus*	T	Л	R	
70.	*Larus hyperboreus*	T	Л	RRR	Корнаев, 1956
71.	*Larus canus*	T	Л	R	
72.	*Chlidonias niger*	T	Л	RR	

73.	*Chlidonias leucopterus*	T	Л	RR	
74.	*Sterna hirundo*	T	Л	R	
75.	*Columba palumbus*	N	Д	R	
76.	*Columba livia*	N	C	CC	
77.	*Streptopellia decaocto*	N	Д	CC	
78.	*Streptopellia turtur*	T	Д	RR	
79.	*Streptopellia senegalensis*	N	Д	RR	
80.	*Cuculus canorus*	N	Д	C	
81.	*Bubo bubo*	N	Д	RR	
82.	*Asio otus*	N	Д	C	
83.	*Strix aluco*	E	Д	RR	Жордания, Гогилашвили,1969
84.	*Otus scops*	N	Д	R	
85.	*Athene noctua*	N	C	R	
86.	*Caprimulgus europaeus*	T	C	R	
87.	*Apus apus*	N	C	RRR	
88.	*Coracias garrulus*	T	C	C	Габаев, Комаров, 2013
89.	*Alcedo atthis*	N	C	RR	
90.	*Merops apiaster*	T	C	RRR	
91.	*Upupa epops*	T	C	C	
92.	*Jonx torquilla*	T	Д	R	Жордания, Гогилашвили,1969
93.	*Picus viridis*	N	Д	R	
94.	*Dryocopus martius*	N	Д	RRR	
95.	*Dendrocopos major*	N	Д	C	
96.	*Dendrocopos minor*	N	Д	R	
97.	*Dendrocopos medius*	N	Д	RR	
98.	*Riparia riparia*	N	C	CC	
99.	*Ptyonoprogne rupestris*	N	C	R	
100.	*Hirundo rustica*	N	C	C	
101.	*Delichon urbica*	N	C	C	
102.	*Galerida cristata*	E	K	RR	
103.	*Eremophila alpestris*	N	K	RR	
104.	*Melanocorypha calandra*	T	K	C	
105.	*Alauda arvensis*	N	K	C	
106.	*Lullula arborea*	N	Д	RRR	
107.	*Anthus campestris*	T	K	C	
108.	*Anthus trivialis*	N	Д	C	
109.	*Anthus spinoletta*	N	K	CC	
110.	*Motacilla flava*	T	K	C	
111.	*Motacilla cinerea*	N	Л	R	
112.	*Motacilla alba*	N	Л	C	
113.	*Lanius collurio*	N	Д	C	
114.	*Lanius minor*	T	Д	R	
115.	*Lanius excubitor*	W	Д	R	
116.	*Oriolus oriolus*	T	Д	R	

117.	*Sturnus vulgaris*	T	Д	RR	
118.	*Garrulus glandarius*	N	Д	C	
119.	*Pica pica*	N	Д	C	
120.	*Pyrrhocorax pyrrhocorax*	N	C	C	
121.	*Pyrrhocorax graculus*	N	C	C	
122.	*Corvus monedula*	W	C	RR	Жордания, Гогилашвили,1969
123.	*Corvus frugilegus*	T	Д	C	
124.	*Corvus cornix*	N	Д	C	
125.	*Corvus corax*	N	Д	C	
126.	*Bombycilla garrulus*	E	Д	RR	Габаев, Комаров, 2013
127.	*Cinclus cinclus*	N	Л	RR	
128.	*Troglodytes troglodytes*	N	Д	RR	
129.	*Prunella collaris*	N	C	C	
130.	*Prunella modularis*	N	Д	C	
131.	*Locustella naevia*	T	Л	R	
132.	*Acrocephalus palustris*	T	Л	RR	
133.	*Sylvia atricapilla*	N	Д	C	
134.	*Sylvia communis*	N	Д	C	
135.	*Phylloscopus collybita*	N	Д	R	
136.	*Phylloscopus lorenzii*	N	Д	C	
137.	*Phylloscopus nitidus*	N	Д	R	
138.	*Regulus regulus*	N	Д	RR	Габаев, Комаров, 2013
139.	*Ficedula semitorquata*	N	Д	RR	
140.	*Ficedula albicollis*	T	Д	RR	
141.	*Muscicapa striata*	N	Д	R	
142.	*Saxicola rubetra*	N	K	R	
143.	*Saxicola torquata*	N	K	R	
144.	*Oenanthe oenanthe*	N	C	R	
145.	*Oenanthe isabellina*	T	K	C	
146.	*Monticola saxatilis*	N	C	RRR	Комаров, 2017
147.	*Phoenicurus phoenicurus*	N	Д	C	
148.	*Phoenicurus ochruros*	N	C	C	
149.	*Phoenicurus erythrogaster*	N	C	RRR	Комаров, 2017
150.	*Erithacus rubecula*	N	Д	R	
151.	*Luscinia luscinia*	T	Д	R	
152.	*Luscinia megarhynchos*	N	Д	R	
153.	*Luscinia svecica*	T	Л	R	
154.	*Turdus pilaris*	W	Д	R	
155.	*Turdus torquatus*	N	Д	R	
156.	*Turdus merula*	N	Д	C	
157.	*Turdus philomelos*	N	Д	R	
158	*Turdus viscivorus*	N	Д	R	
159.	*Aegithalos caudatus*	N	Д	RR	
160.	*Parus ater*	N	Д	C	

161.	*Parus major*	N	Д	C	
162.	*Tichodroma muraria*	N	C	RRR	Комаров, 2017
163.	*Certhia familiaris*	N	Д	RR	
164.	*Passer domesticus*	N	C	CC	
165.	*Passer montanus*	N	C	R	
166.	*Fringilla coelebs*	N	Д	R	
167.	*Fringilla montifringilla*	W	Д	R	
168.	*Serinus pusillus*	N	Д	RR	
169.	*Chloris chloris*	N	Д	R	
170.	*Spinus spinus*	N	Д	R	
171.	*Carduelis carduelis*	N	Д	C	Эдишерашвили, 1987; Габаев, Комаров, 2013
172.	*Acanthis flavirostris*	N	Д	R	
173.	*Carpodacus erythrinus*	N	Д	R	
174.	*Carpodacus rubicila*	N	C	RRR	Комаров, 2017
175.	*Pyrrhula pyrrhula*	N	Д	R	
176.	*Emberiza calandra*	N	K	R	
177.	*Emberiza citrinella*	T	Д	CC	
178.	*Emberiza cia*	N	C	R	
179.	*Emberiza hortulana*	T	Д	C	
180.	*Plectrophenax nivalis*	W	K	RRR	

Примечание: N – гнездящийся, T – пролётный, W – зимующий, E – залётный вид; Л – лимнофилы, Д – дендрофилы, К – кампофилы, С – склерофилы; RRR – очень редкие, RR – редкие, R – малочисленные, C – обычные, CC – многочисленные виды.

Как видно из таблицы 2, авифауна территории РЮО не однородна. Здесь отмечено 18 отрядов птиц, включающих 49 семейств, 120 родов и 180 видов птиц. Наибольшее количество этих структурных единиц представлено в отрядах Соколообразных (3, 13 и 24 вида), Ржанкообразных (6, 18 и 25 видов) и Воробьинообразных (20, 50 и 82 вида).

В настоящее время характер пребывания авифауны в Республике включает четыре группы – гнездящиеся и осёдлые виды (93 вида), пролётные (73 вида), зимующие (6 видов) и 8 видов отнесены в группу залётных птиц (табл.3). И более богаты видами отряды: Соколообразных – 24 (13,3%), Ракшеобразных – 25 (13,9%) и Воробьинообразных – 83 (46,1%). Остальные отряды содержат от 1 до 8 видов.

Древесно-кустарниковой растительностью занято около 48% всей территории РЮО. Богатые по видовому составу леса Южной Осетии сочетают в себе растительность умеренного и субтропического поясов. Леса произрастают на высотах от 600 до 2350 м. Они относятся к типу смешанных и хорошо переносят сухой климат. Нижний лесной пояс представлен дубняками (разного возраста), выше по вертикали домини-

рует бук восточный (79% лесопокрытой площади) с примесью граба, клёна. Здесь же имеются большие массивы, состоящие из грабинника (южные склоны ущелий). Ещё выше господствуют хвойные леса (ель, местами пихта и сосна). Выше 2000 м н.у.м. простираются субальпийские и альпийские луга (Дзагоев, 2003).

Таблица 2

Систематический состав авифауны Республики Южная Осетия

Систематическая группа	Количество		
	семейств	родов	видов
Gaviiformes	1	1	1
Podicipediformes	1	1	2
Pelecanifoirmes	1	1	1
Ciconiifoirmes	2	7	8
Anseriformes	1	3	5
Falconiformes	3	13	24
Galliformes	2	5	5
Gruiformes	2	3	3
Charadriiformes	6	18	25
Columbiformes	1	2	5
Cuculiformes	1	1	1
Strigiformes	1	5	5
Caprimulgiformes	1	1	1
Apodiformes	1	1	1
Coraciiformes	3	3	3
Upupiformes	1	1	1
Pipiformes	1	4	6
Passeriformes	20	50	82
ИТОГО:	49	120	180

В западной, и северо-западной частях Республики (до Лихского хр.) под влиянием влажного субтропического климата сформировались ландшафты колхидского типа (низменный субтропический лес). Здесь лесные массивы кроме бука содержат падуб, самшит, лавровишню, плющ колхидский и рододендрон понтийский в подлеске. А полный поясной спектр этого района включает зоны низменных субтропических лесов, смешанных широколиственных и тёмнохвойных лесов, субальпийского, альпийского, субнивального и нивального поясов. Остальную территорию РЮО принято причислять к южно-осетинскому варианту поясности по В.Е.Соколову и А.К. Темботову (1989), в которой поясной спектр ландшафтов состоит из вторичного лесостепья равнины и предгорья, широколиственных лесов, тёмнохвойных лесов, субальпийского, альпийского, субнивального и нивального поясов (Кабулов, Лотиев, 2017).

Таблица 3

Таксономический состав и статус авифауны Республики Южная Осетия

Отряд	Количество видов								Всего	
	гнездящиеся +оседлые		зимующие		пролётные		залётные			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Gaviiformes	-	-	-	-	-	-	1	12,5	1	0,6
Podicipediformes	-	-	-	-	1	1,4	1	12,5	2	1,1
Pelecanifoirmes	-	-	-	-	1	1,4	-	-	1	0,6
Ciconiifoirmes	1	1,1	-	-	7	9,6	-	-	8	4,4
Anseriformes	1	1,1	-	-	4	5,5	-	-	5	2,8
Falconiformes	7	7,5	1	16,7	13	17,8	3	37,5	24	13,3
Galliformes	5	5,4	-	-	-	-	-	-	5	2,8
Gruiformes	1	1,1	-	-	2	2,7	-	-	3	1,7
Charadriiformes	1	1,1	-	-	24	32,9	-	-	25	13,9
Columbiformes	4	4,3	-	-	1	1,4	-	-	5	2,8
Cuculiformes	1	1,1	-	-	-	-	-	-	1	0,6
Strigiformes	4	4,3	-	-	-	-	1	12,5	5	2,8
Caprimulgiformes	-	-	-	-	1	1,4	-	-	1	0,6
Apodiformes	1	1,1	-	-	-	-	-	-	1	0,6
Coraciiformes	1	1,1	-	-	2	2,7	-	-	3	1,7
Upupiformes	-	-	-	-	1	1,4	-	-	1	0,6
Pipiformes	5	5,4	-	-	1	1,4	-	-	6	3,3
Passeriformes	61	65,6	5	83,3	15	20,5	2	25,0	83	46,1
ИТОГО:	93	100	6	100	73	100	8	100	180	100

Примечание: в таблицу помещены виды, которые только гнездятся или осёдло живут, только прилетают зимовать, только встречаются на зимовке или залётах (хотя некоторые виды птиц являются и пролетными и зимующими)

Экологическая структура авифауны, описываемой территории, представлена четырьмя экологическими группами, среди которых преобладают представители дендрофильной (лесной) группы, составляющие 43,9% (79 видов) от всех зарегистрированных птиц (табл.4). Следующей экогруппой по числу отмеченных видов птиц являются лимнофилы (25,0% и 45 видов). Это и неудивительно, т.к. через кавказский перешеек в Закавказье идёт пролёт водных и околоводных птиц с территории России, а РЮО лежит на пролётной трассе. Доля склерофилов (птиц, гнездящихся на скалах и строениях) составляет 17,8% (32 вида). В эту группу входят такие типично горные виды, как беркут, белоголовый сип, бородач, клушица, альпийская галка и др.

Самая малочисленная экогруппа – кампофилы (птицы открытых местообитаний) составляют всего 13,3% (24 вида). Среди представите-

лей этой группы два вида – рогатый жаворонок и горный конёк, являются типичными горными обитателями, пролетают 11 видов, зимует – зимняк и залетает в зимний период – пуночка. Остальные семь видов приспособились к гнездованию в горных условиях: серая куропатка, перепел, коростель, полевой жаворонок и др.

Таблица 4

Экологическая структура авифауны Республики Южная Осетия

Экол. группа	Группы видов по статусу пребывания								Всего:	
	гнездящиеся +оседлые		зимующие		пролетные		залётные			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дендрофилы	52	55,9	3	50,0	20	27,4	4	50,0	79	43,9
Кампофилы	9	9,7	2	33,3	12	16,4	1	12,5	24	13,3
Лимнофилы	7	7,5	-	-	36	49,3	2	25,0	45	25,0
Склерофилы	25	26,9	1	16,7	5	6,9	1	12,5	32	17,8
ИТОГО:	93	100	6	100	73	100	8	100	180	100

Дендрофильная группировка в гнездовой фауне птиц (93 вида) РЮО является преобладающей. Она насчитывает в настоящее время 52 вида и составляет 55,9% (табл.4). Это свойственно всем лесным ландшафтам, сохранившимся на равнинной части (Внутренне-Картлийская равнина) и для горных лесных местообитаний. Немногочисленность представителей этой группы в альпийском поясе связана с отсутствием здесь древесно-кустарниковых биотопов. Дендрофилы изначально разнообразнее по видовому составу, что связано со сложной структурой древостоя, многоярусностью древесных ценозов, хорошими трофическими и защитными возможностями (Komarov, 2017). Группа типично лесных птиц, гнездящихся в горных буковых (большая синица, московка, черный дрозд, зяблик, желтобрюхая пеночка, пёстрый дятел), в грабинниковых и хвойных лесах (обыкновенный снегирь, теньковка, обыкновенная горихвостка и др.), поэтому более многочисленна.

В оставшихся кое-где придорожных лесополосах, садах и селениях, заброшенных после военных конфликтов, и нижних частях горных хребтов, с севера окружающих Внутренне-Картлийскую равнину, сформировался своеобразный орнитокомплекс, состоящий, в основном, из видов, вобранных из неосвоенных населением естественных ландшафтов. Здесь встречаются сорока, серая ворона, серая славка, зяблик, лесной конёк, обыкновенная зеленушка и черноголовый щегол.

Кампофилы насчитывают 9 гнездящихся видов (9,7%). Они встречаются как на равнине (луговой чекан, жёлтая трясогузка, перепел), так и в среднегорье (коростель, полевой жаворонок, просянка и

др.) и на субальпийских лугах (горный конёк, черноголовый чекан).

В Республике хорошо представлена гнездовая склерофильная группа птиц (25 видов или 26,9% фауны). На Внутренне-Картлийской равнине располагается большинство населённых пунктов и наблюдается антропогенная трансформация ландшафта (карьеры и пр.), т.е. есть необходимые местообитания для ряда птиц, предпочитающих окультуренный ландшафт. Это чёрный стриж, береговая и деревенская ласточки, воронок. В береговых обрывах гнездятся зимородки и береговые ласточки. В высокогорье эта группировка доминирует и в видовом составе (22 вида), и в общей численности. К этой группе относятся типично горные виды, гнездящиеся в среднегорье (в заброшенных селениях) и высокогорье (в скальном поясе), – это бородач, беркут, кавказский улар, скальная ласточка, стенолаз, домовый и полевой воробьи и др..

Гнездящаяся в РЮО лимнофильная группировка самая малочисленная (7 видов или 7,5%). Три вида отмечены в среднегорье (оляпка, белая и горная трясогузки), остальные – на равнине Республики (кряква, болотная камышевка, перевозчик, малая выпь). Большинство из зарегистрированных склерофилов, являются пролётными видами (36, 49,3%).

Фауне птиц территорий присущ набор видов, принадлежащих к определённым типам фаун. В РЮО все птицы отнесены к семи типам фаун (Штегман, 1938): транспалеарктам или широкораспространённым видам, европейскому, сибирскому, средиземноморскому, арктическому, монгольскому и тибетскому (табл.5).

Наиболее распространены (72 вида, 40,0%) представители широко распространённых видов птиц и наибольшее их количество отмечено в группах гнездящихся+осёдлых видов (36,38,7%) и пролётных (32, 43,8%). Наименьшее число в группах зимующих (3) и залётных птиц (орлан-белохвост). К европейскому типу фауны относятся 54 вида местной фауны. К сибирскому типу – только 10 видов птиц (зимняк, серый сорокопут, свиристель и др.) и наибольшее количество видов (5) в группе пролётных птиц. В средиземноморском типе фауны – 11 видов (кваква, белоголовый сип, лысуха, золотистая щурка и др.), в арктическом – 8 (плавунчик, турухтан, пуночка и т.д.). Курганник, чёрный гриф, пёстрый каменный дрозд, горихвостка-чернушка и другие относятся к монгольскому типу фауны, включающем 15 видов. К тибетскому типу фауны (10 видов) принадлежат исключительно горные виды, осёдло обитающие в высокогорье Южной Осетии – бородач, кавказский улар, большая чечевица, горный конёк, альпийская завирушка и т.д.

В целом, не принимая в расчёт транспалеарктов, авифауна Республики слагается видами европейско-тибетской фауны с участием монгольского типа.

Таблица 5

Характеристика авифауны Республики Южная Осетия по типу фаун

Тип фауны	Количество видов:								Всего:	
	гнездящиеся +оседлые		зимующие		пролетные		залетные			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Транспалеаркты (широко распространённые)	36	38,7	3	50,0	32	43,8	1	12,5	72	40,0
Европейский	35	37,6	-	-	19	26,0	-	-	54	30,0
Сибирский	2	2,2	3	50,0	5	6,8	-	-	10	5,6
Средиземноморский	3	3,2	-	-	7	9,6	1	12,5	11	6,1
Арктический	-	-	-	-	5	6,8	3	37,5	8	4,4
Монгольский	7	7,5	-	-	5	6,8	3	37,5	15	8,3
Тибетский	10	10,8	-	-	-	-	-	-	10	5,6
ИТОГО:	93	100	6	100	73	100	8	100	180	100

Поскольку по территории РЮО нет сведений о численности большинства видов птиц, решено привести таблицу (табл.1, 6) их относительного обилия. Данные получены за период наших работ в Республике и со временем эти сведения могут стать «точкой отсчёта» для выяснения многолетней динамики численности авифауны территории, хотя бы на таком уровне. Примерные глазомерные бальные оценки численности птиц приведены по В.П. Белику (2000).

На территории РЮО отмечено 44 вида, отнесённых к обычным, регулярно встречающимся птицам, 58 – малочисленных, 10 – многочисленных (табл.6). 45 видов относятся к группе редких птиц и 23 – к очень редко встречающимся птицам (табл.1).

Распределение авифауны по местообитаниям является отдельным вопросом анализа гнездящейся авифауны региона. На Северном Кавказе такие работы проводились во всех субъектах ЮФО (Чунихин, 1962; Комаров, 1995; Гизатулин и др., 2001; и др.). По территории Южной Осетии подобных работ не проводилось.

Видимая жизнь появляется в Южной Осетии ниже границы вечных снегов. На высоте 3500 м узкой полосой по склонам горных хребтов протянулся пояс горно-каменистой тундры с преобладанием мхов и лишайников. Самый верхний – нивальный пояс не имеет постоянного птичьего населения, как и субнивальный, но сюда иногда в трофических поисках залетают некоторые виды птиц (беркут, бородач, клушица, альпийская галка). В гнездовой период в данном ландшафте может встретиться, гнездящаяся в скальных щелях большая чечевица (Комаров, 2017) и залетают, а возможно и гнездятся кавказский улар, альпийская завирушка. Во время ежегодных миграций через нивальный ландшафт

Водораздельного хребта пролетают стаи серых журавлей, золотистых щурок, береговой ласточки, перепелов, обыкновенных канюков, курганников и др. (наблюдения автора).

Таблица 6

Количество и относительное обилие (в %%) авифауны Республики Южная Осетия по отрядам и группам видов

Отряд	Количество видов в группах									
	Обычных (C)	%	Малочисленных (R)	%	Многочисленных (CC)	%	Редких (RR)	%	Очень редких (RRR)	%
Gaviiformes	-	-	-	-	-	-	-	-	1	4,3
Podicipediformes	-	-	-	-	-	-	1	2,2	1	4,3
Pelecanifoirmes	-	-	-	-	-	-	1	2,2	-	-
Ciconiifoirmes	4	9,1	-	-	-	-	2	4,4	2	8,7
Anseriformes	1	2,3	1	1,7	-	-	3	6,7	-	-
Falconiformes	2	4,5	9	15,5	2	20,0	5	11,1	6	26,1
Galliformes	2	4,5	1	1,7	-	-	2	4,4	-	-
Gruiformes	1	2,3	1	1,7	-	-	1	2,2	-	-
Charadriiformes	1	2,3	9	15,5	-	-	9	20,0	6	26,1
Columbiformes	-	-	1	1,7	2	20,0	2	4,4	-	-
Cuculiformes	1	2,3	-	-	-	-	-	-	-	-
Strigiformes	1	2,3	2	3,4	-	-	2	4,4	-	-
Caprimulgiformes	-	-	1	1,7	-	-	-	-	-	-
Apodiformes	-	-	-	-	1	10,0	-	-	-	-
Coraciiformes	-	-	-	-	1	10,0	2	4,4	-	-
Upupiformes	1	2,3	-	-	-	-	-	-	-	-
Pipiformes	1	2,3	3	5,2	-	-	1	2,2	1	4,3
Passeriformes	29	65,9	30	51,7	4	40,0	14	31,1	6	26,1
ИТОГО:	44	100	58	100	10	100	45	100	23	100

В альпийском поясе на низкорослых лугах и лишайниковых пустошах гнездятся рогатый жаворонок, реже горихвостка-чернушка и отдельные пары горного конька, более многочисленного в следующем, субальпийском поясе. Часто сюда спускаются кормиться большая чечевица и кавказский улар. Скалы пояса служат местом гнездования стенолаза и отдельных пар клушицы.

В субальпийском поясе, включающем луга, рододендронники и берёзовое криволесье авифауна более разнообразна. Фон птичьего населения лугов составляет горный конёк. На границе лугов и криволесья

встречается кавказский тетерев. Возможно, что здесь же находятся и его токовища. Нередко осенние группки вида держатся в зарослях кавказского рододендрона, кормясь здесь на плантациях черники и брусники. В субальпийских березняках встречаются белозобый дрозд, а на кустарниках (малина Буша) кулуаров и лавинных прочёсов гнездятся лесная завирушка и серая славка. Обычна в криволесье и кавказская пеночка.

На субальпийских лугах отмечены также отдельные пары перепела и коростеля, а в зарослях рододендрона гнездится обыкновенная чечевица и редко, поднимающийся из лесного пояса чёрный дрозд.

В лесной зоне отмечаются разные типы леса, с характерными орнитокомплексами. Здесь располагаются мелколистные (грабинники) леса, растущие на склонах южных румбов и склонах, покрытых каменными россыпями. Эти леса скрывают развалины старых селений южных осетин. Процесс зарастания их усиливается, т.к. значительно сократилась (из-за военных конфликтов с грузинами в XX в.) численность населения в средних и верхних частях ущелий. Так, по Мало-Лиахвскому ущелью, когда-то густо населённому, последним жилым селением является Зонкар (или Цадыкау), а далее до пяти селений, покинуты жителями во второй половине XX в.

Грабинники Мало-Лиахвского ущелья в гнездовой период содержат орнитокомплекс из 15 видов птиц. Наиболее распространены большая синица (280,0 ос/км^2), желтобрюхая пеночка (217,1 ос/км^2) и чёрный дрозд (80,0 ос/км^2). В сосновых лесах ущелья отмечены желна, обыкновенный снегирь, московка, лесной конёк. Здесь же гнездятся широко распространённые виды – тетеревятник, крапивник, большая синица, длиннохвостая синица, зяблик и теньковка. Выше по ущелью на северном и южном склонах произрастают широколиственные леса (букняки). В них обычны виды, встречающиеся и в орнитокомплексе буковых лесов Северной Осетии – черноголовая сойка, московка, большая синица, лесная завирушка, зарянка, дубонос, черный дрозд и т.д. (Комаров, 1995).

В западной части РЮО есть район с колхидской флорой (окр. сел. Синагур, Кардзман и др.). Это буковые леса с подлеском из лавровишни, падуба, рододендрона понтийского и др. третичных растений. Наиболее часто встречающимся видом здесь является желтобрюхая пеночка. Обычен крапивник, обыкновенный канюк и вяхирь.

В среднегорьях, в распространённых здесь елово-пихтовых лесах обитают орнитокомплексы, характерные и для сосновых сообществ: чиж, обыкновенная горихвостка, пищуха, деряба, певчий и черный дрозды, московка, желтоголовый королёк и др.

На лугах, расположенных в лесном поясе, характерны лесной конёк, обыкновенная чечевица, а при наличии кустов шиповника на лугах

– жулан. В поселениях человека встречается специфический орнитокомплекс, включающий (в гнездовое время) до 20-23 видов авифауны. В г. Цхинвал с его парками, садами и различного типа застройкой, расположенном на границе равнинной и среднегорной частей РЮО, встречаются птицы из разных сред. Домовый воробей, сизый голубь – из поселений, а чёрный дрозд, образующий синантропную городскую популяцию, обыкновенная горихвостка (2 подвида: *P. p. phoenicurus* и *P. p. samamisicus*), белая трясогузка, серая славка, южный соловей, жулан, воронок и др. – из природной среды, окружающей город. Встречается вид, перешедший в антропогенный ландшафт со скального пояса (его первоначальный гнездовой биотоп) в результате строительства человеком каменных многоэтажных домов – чёрный стриж, гнездящийся в г. Цхинвал с плотностью 433,8 ос/км^2 (июнь 2012). В целом же общая гнездовая плотность (май-июнь) авифауны в городе составляет 2288,8 – 3468,8 ос/км^2. В горных селениях состав орникомплексов несколько другой – здесь больше вобранных из окружающих ландшафтов птиц.

Гнездящийся орнитокомплекс водоемов небольшой и не приурочен к определённым поясам и зонам. Он интразонален, как и предыдущий орнитокомплекс селений. Оляпка, горная трясогузка встречаются на всех реках, от низа до верха, но предпочитают средние части рек, расположенные в лесном среднегорье. Бедность лимнофильного орнитокомплекса в горах связана со спецификой горных водотоков – течением, температурой воды, наличием гидробионтов (пищи), отсутствием, как правило, защитных условий для гнездования и регулярными паводками. Более интересна и богаче становится фауна птиц водоёмов в период миграций, особенно на водоёмах Внутренне-Картлийской равнины. Например, на озере Цунар весной и осенью останавливаются на отдых и, возможно, кормёжку ходулочники, перевозчики, речные чайки, крачки, береговые и деревенские ласточки и т.д.

Несмотря на то, что промышленность и сельское хозяйство в Республике ещё не оправились от последних военных событий (август 2008 г.) и пока не оказывают сильного воздействия на фауну птиц, в Красную книгу РЮО, вышедшую в 2017 г., занесено 33 вида птиц, из которых 17 – пролётные, зимующие, залётные и 16 – гнездящиеся (Красная книга РЮО, 2017).

Сведения о некоторых видах

Чернозобая гагара. Залётный вид. Б.Т. Корнаевым (1956) была встречена на р. Б.Лиахва у г. Цхинвал (Сталинири) в ноябре 1928 г. Две птицы держалась на полынье (мороз был –25°) и видимо, кормились.

Черношейная поганка. Пролетный вид. Одна птица добыта 20.05.53 у г. Цхинвал (Корнаев, 1956).

Большая поганка. Пролётный вид. Одна - две птицы каждый год встречаются на озере Цунар (у сел. Хетагурово) и нерегулярно – на городском пруду г. Цхинвал.

Большой баклан. Неежегодно пролётный вид. Встречается отдельными особями (2-10) на р. Б. Лиахва. Летит по пойме реки вверх на перевал.

Большая выпь. Пролётный вид. Встречается по р. Б.Лиахва (от г. Цхинвал и выше). Одиночные птицы иногда останавливаются в камышах небольшого водоема в окрестностях сел. Прус.

Египетская цапля. Редкий пролётный вид. Встречен 26.04.76 на берегу р. Б. Лиахва. Одна птица сидела на камнях у воды. Видимо, отдыхала.

Серая цапля. Обычный, ежегодно пролетный вид. Летит стаями по 8-15 и более птиц. Останавливается на отдых и кормёжку на всех реках, текущих с Водораздельного хребта (Б. и М. Лиахвы, Меджура и др.) и водоёмах Внутренне-Картлийской равнины (озеро Цунар). Отдельные особи встречаются здесь и в зимний период.

Рыжая цапля. Обычный, ежегодно пролётный вид. Стайки цапель (8-12 особей) регулярно отмечаются (23.09.12) в пойме р. Б.Лиахва, а отдельные особи – на озере Цунар у сел. Хетагурово.

Волчок (малая выпь). В окно трикотажного цеха (г. Цхинвал), расположенного у заболоченного участка вдоль железнодорожного полотна, 13.07.17 влетела одна молодая птица.

Чёрный аист. Редкий пролетный вид. Одиночные особи отмечались во время осенних миграций в октябре 1993, 1998, 2006 гг. Птиц наблюдали в пойме р. Б. Лиахва между селениями Уанел – Хеит.

Серый журавль. В 1960-е годы клин серых журавлей сел весной (в возвратный снегопад) на Тбилисскую улицу в г. Цхинвал.

Кряква. По сообщению В.Н. Габаева, в июне 2008 г. на озере Эрцо видели выводок крякв, состоящий их 5 пуховых птенцов и одной взрослой особи.

Чирок-свистунок. Пролётный вид. Встречается небольшими стайками (до 20 особей) во время весенних миграций на водоёмах Внутренне-Картлийской равнины и озере Эрцо.

Зимняк. Вид, зимующий в Южной Осетии. Немногочислен. Одиночные птицы встречены в полях Внутренне-Картлийской равнины (Комаров, 2014).

Орёл-карлик. Редкий вид. Встречен дважды: 15.06.12 и 25.08.12 над М.-Лиахвским ущельем и у г. Цхинвал (Комаров, 2014).

Орлан-белохвост. Залётная птица. Одна особь отмечена в 1960-е годы над озером Эрцо (Жордания, Гогилашвили, 1969).

Чёрный гриф. На территории Южной Осетии является залётным видом и в то же время пролетающим транзитно на перевалы, ведущие в Республику Северная Осетия-Алания (Комаров, 2014). Встречался в Б.-Лиахвском ущелье в весеннее и осеннее время. Видимо, это были трофические перемещения вида.

Белоголовый сип. Редкий осёдлый вид. Встречен у пос. Квайса (Комаров, 2014) и одну птицу наблюдали 09.08.15 у мертвой коровы на свалке пос. Ленингор.

Сапсан. Через республику пролетает к местам зимовок крупный номинативный подвид (*F. p. pelegrinus*). Одиночные летящие птицы отмечены 13.10.10 и 07.11.14 в окрестностях г. Цхинвал (Комаров, 2014). Птицы вылетали из Б.-Лиахвского ущелья. Кавказский подвид (*F. p. brookei*) был встречен только однажды 24.06.15 у сел. Ацрисхев, в глубине М.-Лиахвского ущелья.

Чеглок. Редкий пролётный вид. Немногочисленные встречи приурочены к окрестностям г. Цхинвал (Комаров, 2014), стоящего на пролетном пути многих видов птиц, мигрирующим с верховий Б.-Лиахвского ущелья.

Тетеревятник. 28.03.18 у сел. Балта Знаурского района (в дождь и низкую облачность) одна птица замкнула провода на электролинии. У погибшей птицы обгорели лапы и шея.

Филин. Вечером 08.10.11 в окрестностях сел. Ацрисхев в грабинниковом лесу правого борта М.-Лиахвского ущелья был слышен крик одной птицы, а 09.10.18 на новом городском стадионе нашли подстреленную птицу с перебитым крылом. Одна птица погибла 16.08.12, разбившись о провода ЛЭП в окрестностях пос. Знаур.

Ушастая сова. В Пионерском парке г. Цхинвал 23.05.17 был пойман птенец ушастой совы в первом (белом) пуховом наряде.

Сплюшка. В городском парке г. Цхинвал 23.08.18 была подобрана взрослая особь с повреждённым от удара об стену или дерево крылом.

Ходулочник. Немногочисленный пролётный вид. Встречен весной, 14.04.14, на озере Цунар (в окрестностях сел. Хетагурово). Семь птиц кормилась на мелководье.

Шилоклювка. Весной, 03.04.13, на мелководье озера Цунар (окрестности сел. Хетагурово) встречена одна шилоклювка. Птица кормилась и, видимо, отдыхала (сообщение В.Н. Габаева).

Большой веретенник. В марте 2014 г. на озере Цунар (окрестности сел. Хетагурово) на отмели кормилась одна птица (сообщение В.Н. Габаева).

Бургомистр. Залётный вид. В конце июля 1937 г. на Кельском озере, расположенном на высоте около 3000 м н.у.м., добыта одна пти-

ца. В желудке были обнаружены остатки насекомых и кости лягушки (Корнаев, 1956).

Кольчатая горлица. В начале 1980-х годов в Южной Осетии (и в г. Цхинвал) встречались единичные горлицы, с 1982 г. они становятся более многочисленными, а в весенне-летний период 2012-2013 гг. численность птиц составляла 34,9-110,3 ос/км^2.

Малая горлица. Расселяющийся вид. В Южную Осетию проник, видимо, с территории Азербайджана, через Грузию. Встречен только в г. Цхинвал. Впервые пара птиц отмечена 22.04.2011 на улице Чочиева, 25.05.13 одна птица замечена у завода «Эмаль» и две птицы кормились 24.07.13 на асфальте у Российского посольства.

Обыкновенная кукушка. Под г. Цхинвал 03.07.13 пойман лётный птенец.

Сизоворонка. В Южной Осетии регулярно пролётный вид. 20.05.12 одна птица замечена на проводах ЛС у сел. Прис, 20.08.12 у г. Цхинвал на проводах ЛЭП сидела одна птиц (рис.1), а 06.05.13 у сел. Дампалет видели 5 сизоворонок.

Рис.1. Сизоворонка (фото Д.С.Шевцова)

Рис.2. Пролетный чернолобый сорокопут (фото Д.С. Шевцова)

Средний дятел. В саду сел. Ацрисхев 27.08.12 держались две птицы: самец и самка.

Желна. Крик одной птицы был слышен 20.06.14 из грабинника левого борта М.-Лиахвского ущелья недалеко от сел. Ацрисхев. 18.11.14 крик одной птицы был услышан в буковом лесу М.-Лиахвского ущелья.

Береговая ласточка. В 60-70-е годы XX в. колония (25-35 пар) была в обрыве берега р. Проне в окрестностях сел. Бекмар, но исчезла в связи с оползнями и зарастанием берега.

Чернолобый сорокопут. Немногочисленный пролётный вид. Передвигается одиночно или небольшими группками (2-5 особей) по пойме р. Б.Лиахва на перевалы Водораздельного хребта (осенью) и обратно (весной). 4 птицы встречены 11.05.13 на восточной окраине г. Цхинвал (рис.2).

Грач. Ежегодно пролетает территорию РЮО, редко встречается на зимовке (Эдишерашвили, 1985).

Серая ворона. Осёдлый вид района исследования. В гнездовой период малозаметна. В остальные сезоны отмечена на городской свалке г. Цхинвал и самом городе (Комаров, 2012), а также практически во всех селениях предгорий (Прис, Дменис и др.).

Свиристель. Неежегодно залётный вид. Зимующие стайки вида встречены в садах и парках г. Цхинвал. Так, 18.04.13 отмечены 6 птиц в саду личного подворья в г. Цхинвал и стая в 33 птицы отдыхала на верхушке вяза городского парка, а 11.05.13 стайка, состоявшая из 17 птиц, кормилась гнилым виноградом на одной из улиц центра г. Цхинвал.

Оляпка. Редкая осёдлая птица. Одиночные птицы отмечаются в зимний период на р. Б.Лиахва (Комаров, 2017).

Корольковый вьюрок. На поляне, у смытого селем сел. Хахет (недалеко от сел. Синагур), 16.06.13 на алыче сидели две птицы.

Пуночка. В 2013 г., в зимний период, в г. Цхинвал на пересечении улиц С.Таболова и Лужкова сфотографировали одну птицу.

Конечно, приведённый список авифауны РЮО далеко не полный и дальнейшие фаунистические исследования его дополнят, особенно в экогруппах пролетных и залётных видов. Но данная работа и не претендовала на полную исчерпанность вопроса. Авифаунистические работы только начаты и, несмотря на небольшое количество лет наблюдений (2011-2016 гг.) нам удалось составить основу для дальнейших исследований исключительно интересной территории, которой является территория Республики Южная Осетия.

В заключении хочу выразить большую признательность администрации Юго-Осетинского природного заповедника в лице директора А.З. Бестаева и заместителя по НИР З.Е. Кабулова, телеведущему программы местного телевидения «По тропам родного края» В.Н. Габаеву за возможность поездок по РЮО, помощь и благожелательное отношение к нашим работам.

Литература

Белик В.П., 2000. Птицы степного Придонья: Формирование фауны, её антропогенная трансформация и вопросы охраны.- Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ.- 376 с.

Габаев В.Н., Комаров Ю.Е., 1913. Авифауна окрестностей г. Цхинвала Республики Южная Осетия // Кавказ. орнитол. вестник, вып. 25. - С.24-43.

Гизатулин И.И., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2001. Птицы Чечни и Ингушщетии. - Ставрополь: Ставропольское отделение СОПР. - 142 с.

Дзагоев А.Д., 2003. География Южной Осетии: учебное пособие. - Владикавказ: ОЛИМП. - 224 с.

Жордания Р.Г., Гогилашвили Г.С., 1969. Птицы Лихского хребта и сопредель-

ных мест.- Тбилиси: Мецниереба. - 54 с.

Кабулов З.У., Лотиев К.Ю., 2017. Краткая физико-географическая характеристика Республики Южная Осетия // Красная книга Республики Южная Осетия.- Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых.- С.14-16.

Комаров Ю.Е., 1995. Эколого-географический анализ авифауны республики Северная Осетия-Алания.- Авторефер. дисс. … канд. биол. наук.- М.- 22 с.

Комаров Ю.Е., 2012а. К зимней авифауне антропогенного ландшафта Республики Южная Осетия // Горные экосистемы и их компоненты: Мат-лы IV Междунар. конф., посвящ. 80-летию основателя ИЭГТ КБНЦ РАН чл.-корр. А.К. Темботова и 80-летию Абхазского гос. ун-та.- Сухум. - С.103-104.

Комаров Ю.Е., 2012б. Птицы, планируемые к занесению в Красную книгу Республики Южная Осетия // Стрепет, т.10, вып.2. - С.117-128.

Комаров Ю.Е., 2014. К фауне хищных птиц Республики Южная Осетия // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопред. регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана: Мат-лы Междунар. конф.- Ростов н/Д.- С.161-167.

Комаров Ю.Е., 2017. Класс Птицы – Aves // Красная книга Республики Южная Осетия.- Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых.- С.232-253.

Корнаев Б.Т., 1956. Чернозобая гагара, бургомистр, черношейная поганка в Южной Осетии // Природа, № 3. - М. - С.102.

Красная книга Республики Южная Осетия, 2017. - Класс Птицы // Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. - С.232-253.

Соколов В.Е., Темботов А.К., 1989. Млекопитающие Кавказа. Насекомоядные. - М.: Наука. - 548 с.

Степанян Л.С., 2003. Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий.- М.: ИКЦ «Академкнига».- 807 с.

Чунихин С.П., 1962. Вертикальная поясность и распределение птиц Кабардино-Балкарии. - // Орнитология, вып.5.- С.186-192.

Штегман Б.К., 1938. Основы орнитогеографического деления Палеарктики // Фауна СССР. Птицы, т.1, вып.2. - 208 с.

Эдишерашвили Г.В., 1985. Зимующие воробьиные птицы Цхинвали и его окрестностей // 6 конф. молодых научных сотрудников и специалистов Института зоологии АН ГрССР.- Тбилиси.- С.24-25.

Эдишерашвили Г.В., 1987. Гнездование щегла в г. Цхинвали // Тезисы докл. 40 научн. сессии ЮОГПИ.- Цхинвали. - С.111-112.

Южная Осетия //http:/ru.wikipedia.org, дата обращения: 12.11.18 г.

Komarov Yu., 2017. Forest storey groupings of birds in North Ossetia // Norwegian Journal of development of the International Science, vol.1, № 9.- S.12-22.

УДК 598.2: 591.5 (470.632)

Динамика населения птиц города Карачаевска

А.А. Караваев
Тебердинский государственный биосферный заповедник
karav49@mail.ru

Bird population dynamics of the city of Karachaevsk. – Karavaev A.A. – The article discusses the dynamics of the bird population of Karachayevsk under the influence of anthropogenic transformations of the urban environment over the period 1996-2015. Reducing the area of tree plantations in the area of multi-storey buildings and in the city park, changing their age and species composition, tighter building of streets in shopping malls, an increasing intensity of car traffic led to a decrease in the species composition and number of birds of the tree-shrub complex. In the area with multi-storey buildings in 2013-2015 the average annual number of birds decreased from 917 ind./km^2 in 2006–2008 to 550 ind./ km^2, in the area with private buildings - from 885 to 676 ind./ km^2, in the park - from 1349 to 646 ind./ km^2. The number of bird species recorded in the population counts in the area with multi-storey buildings decreased from 48 to 33 species.

Key words: avifauna, bird population, dynamics, Karachaevsk, Northern Caucasus, Russia.

В 2013-2015 гг. мы продолжили изучение населения птиц г. Карачаевска, начатое нами в 1996 г. (Караваев и др., 2013). Необходимость проведения этих исследований была обусловлена заметными изменениями экологических условий обитания птиц в городе, вызванными антропогенными преобразованиями. На протяжении всех этих лет в городе продолжалась вырубка деревьев и застройка освободившихся территорий новыми торговыми рядами.

Особенно значительные изменения произошли на ул. Ленина (район многоэтажной застройки), по которой мы проводили учеты птиц. Если до 2009 г., по нашей оценке, было вырублено около 45% древесных насаждений (Караваев, Казиев, 2009), то к настоящему времени эта улица утратила уже около 60-70%, по сравнению с 1996 г. Кроме того вырубались многолетние деревья не только под застройку зданий и под автомобильные стоянки, но и для замены новыми молодыми посадками преимущественно из хвойных пород. Полностью были уничтожены в городе тополь серебристый (*Populus alba*) и тополь пирамидальный (*Populus bolleana*), сильно пострадали насаждения из кленов (*Acer campestre, Acer platanoides*) и каштана (*Aesculus hippocastanum*). У многих деревьев были обрезаны 2/3 кроны (рис.1-2). Сокращение площадей зеленых насаждений на ул. Ленина стало основной причиной снижения численности многих видов птиц, экологически связанных с древесно-

кустарниковой растительностью. Вместо зеленых насаждений вдоль тротуаров по ул. Ленина появились сплошные ряды торговых точек, которые тянутся в отдельных местах на сотни метров. Были также расширены пешеходные тротуары. Улица стала чище, мусорные контейнеры были убраны внутрь жилой застройки.

За эти годы заметно возросла интенсивность автомобильного движения (примерно в 5-8 раз). У домов во многих местах вместо зеленых насаждений появились места для стоянок машин. В результате интенсивного движения автотранспорта и связанного с этим шумового загрязнения, для многих птиц усилился фактор беспокойства. Также на улицах появились очень громкие динамики, призывающие население к молитвам. Всё это пугает многих осторожных птиц и должно сказываться на их присутствии в городе.

По ул. Пушкина (район частной застройки) тоже отмечены изменения, хотя и не столь масштабные: на многих домах шиферные крыши были заменены металлическими, появилось несколько заброшенных участков, заросших сорной растительностью, заменены плафоны уличного освещения, увеличилось движение автомобильного транспорта. Следует также отметить, что в 2014 г. был неурожай грецкого ореха и многих других плодовых деревьев из-за сильного заморозка в конце марта того года, что тоже сказалось на численности некоторых видов птиц в этом районе.

Рис. 1. Торговые ряды по ул. Ленина, сменившие зеленые насаждения; май 2014 г.

Рис. 2. Обрезанные стволы каштанов по ул. Ленина; март 2010 г.

Очень сильным преобразованиям подвергся парк г. Карачаевска (рис.3-4). Общее описание парка представлено нами ранее (Караваев, Казиев, 2008). Однако в последующие годы произошли существенные изменения в его облике, и значительно изменились условия обитания здесь птиц. Начиная с конца 2006 г. в парке стали вырубать старые деревья, прежде всего те, которые имели отмершие ветви. К концу 2007 г.

практически не осталось деревьев, где большие пестрые дятлы делали свои дупла. С сентября 2009 г. стали вырубать тую (*Biota orientalis*) и к концу ноября её осталось около 60% от первоначального количества, к апрелю 2010 г. – 30%, а к концу 2010 г. осталось только два дерева на окраине парка. Вырубка деревьев (ясеня, кленов, каштана, тополя, сосен) продолжалась вплоть до 2014 г. В 2011 г. обрезали все нижние ветви на соснах, оставив лишь около 30-40% в верхней части кроны. Обрезали верхние части ветвей на многих лиственных деревьях. В настоящее время древесное покрытие составляет около 40%, поляны – 60%, тогда как до 2009 г. эти цифры имели обратные значения. В 2015 г. были посажены молодые саженцы ясеня, рябины и других деревьев.

Рис. 3. Участок парка г. Карачаевска, где были обрезаны нижние ветви на соснах; октябрь 2011 г.

Рис. 4. Участок парка г. Карачаевска; ноябрь 2014 г.

С 2011 г. начали расширять пешеходные дорожки и аллеи парка, покрывая их тротуарной плиткой. Регулярно стали выкашивать травянистую растительность. В 2012 г. расчистили южную часть парка под застройку зданий и заложили их фундаменты. Затем в 2015 г. эту территорию присоединили к детскому саду «Красная шапочка».

Естественно, что подобные изменения в биотопах населенного пункта должны будут определенным образом изменить фауну и население птиц города. Выявить эти изменения и его масштабы являлось основной задачей нашей работы. По полученным материалам можно будет в определенной степени делать выводы об адаптациях птиц к новым условиям изменившейся среды.

Все работы по количественным учетам птиц проводили по тем же методикам и по тем же участкам города, которые были описаны нами ранее (Караваев, Казиев, 2009; Караваев и др., 2013).

Для анализа многолетней динамики населения птиц в районе

многоэтажной застройки г. Карачаевска результаты учетов были представлены по трем периодам: 1996-1998 гг., 2006-2008 гг. и 2013-2015 гг. В таблице 1 эти материалы представлены соответственно тремя рядами цифр по каждому виду птиц. По многим видам нет третьего ряда. Это означает, что данный вид не был встречен на учетах в 2013-2015 гг.

Таблица 1

Сезонная динамика населения птиц многоэтажной застройки в г. Карачаевске, в 1996-1998 гг. (верхний ряд цифр), в 2006-2008 гг. (средний ряд), в 2013-2015 гг. (нижний ряд) (протяженность маршрутных учетов 436 км)

Виды	Численность птиц, особей/км^2											
	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Accipiter gentilis	0,09 -	- 0,05	0,05 -	- -	0,02 -	- 0,03	- 0,03	- -	- 0,06	- -	- -	- -
Accipiter nisus	- 0,06	- -	- -	- -	- 1	- -	0,04 -	- -	- -	- -	- -	- -
Buteo lagopus	- -	- -	- -	0,08 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Columba livia	21 176 126	174 99 121	120 86 39	43 130 143	83 90 73	107 96 143	115 158 95	119 93 135	126 134 138	97 129 84	149 110 214	93 129 158
Streptopelia decaocto	3 -	- -	- -	- -	5 -	13 -	20 -	17 -	6 -	5 -	1 -	- -
Apus apus	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - 3	- 0,3 16	+ 0,4 25	- - 32	- - -	- - -	- - -
Upupa epops	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	1 -	- -	- -
Picus viridis	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- 4 -	- 8 1	- - -	- - -
Dendrocopos major	3 4 -	3 1 -	3 3 -	4 2 -	7 1 -	5 1 -	2 1 -	13 4 3	28 3 4	11 - 4	15 0,9 2	12 3 -
Dendrocopos medius	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- 2	- -	- -	- 1	- 1
Dendrocopos minor	1 -	3 -	- -	1 1	- 0,6	4 1	8 -	- 0,9	- 3	- -	- -	- 1
Ptyonoprogne rupestris	- -	- -	- -	- -	- -	- -	13 3	14 6	17 3	4 -	- 6	- -
Hirundo rustica	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	1 - 22	1 2 3	11 - 14	- - 22	- - 2	- - -
Delichon urbica	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - 33	31 101 126	41 104 116	104 175 168	65 152 148	- 148 24	- - -

Motacilla cinerea	- -	- -	- -	- -	- -	7 4	3 5	4 -	- -	- -	- -	- -
Motacilla alba	10 5 13	- 0,09 -	- - -	- - -	2 33 21	40 77 61	43 37 32	52 50 61	73 57 23	123 220 41	326 103 81	84 52 39
Lanius collurio	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - 4	- - -	- - -	- - -	- - -
Garrulus glandarius	3 4 3	4 4 1	4 9 3	8 9 3	16 14 2	13 6 2	8 3 2	20 3 -	6 7 -	11 14 -	15 2 -	6 4 -
Pica pica	- -	- -	0,7 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Nucifraga caryocatactes	- 3	- -	- 1	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- 4
Corvus frugilegus	- - -	- 10 -	- 193 8	- 26 -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -
Corvus cornix	- 18 24	1 29 17	3 19 13	1 14 24	4 16 16	0,3 24 11	4 25 18	5 20 37	1 19 16	1 71 11	3 11 34	- 18 13
Corvus corax	0,1 -	- -	0,08 -	- 0,03	0,05 -	0,04 -	- -	- -	- -	0,03 -	0,03 0,06	0,04 0,05
Bombycilla garrulus	- -	- -	- -	- -	- -	50 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Troglodytes troglodytes	2 -	- 0,9	- 0,9	- 2	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- 2
Prunella modularis	1 3 -	5 4 2	2 2 -	2 - -	2 1 -	1 - 6	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - 3
Sylvia atricapilla	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	6 15 3	6 - -	- - -	- - -	- - -	- - -
Phylloscopus trochilus	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- 0,7 -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - 3
Phylloscopus collybita	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	1 3 -	2 - -	- - -	2 - 3	7 33 3	2 17 11	7 4 11
Phylloscopus nitidus	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- 2	- -	- -	1 -	2 -	3 -
Regulus regulus	- 1 16	2 5 3	3 2 12	2 - -	9 3 -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- 8 -
Ficedula semitorquata	- -	- -	- -	- -	- -	- -	2 1	- -	- -	- -	- -	- -

Muscicapa striata	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	6 - -	2 - 4	4 - -	- - -
Phoenicurus phoenicurus	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	6 13 18	16 54 46	13 45 42	22 - 3	2 - -	4 - -	- - -
Phoenicurus ochruros	- 0,8 -	- - -	- - -	- - -	- - -	8 20 10	12 24 13	17 18 7	10 9 13	6 12 5	5 6 -	4 1 -
Erithacus rubecula	1 0,8	- -	- -	2 -	1 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Turdus merula	39 25 5	33 20 11	6 31 5	27 25 6	43 26 8	38 28 37	36 47 18	51 92 23	22 16 35	11 - -	4 2 -	30 6 12
Turdus philomelos	- -	- -	- -	- -	- -	0,3 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Turdus viscivorus	- 1	- 1	- -	2 2	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Aegithalos caudatus	- - -	- - -	- - 35	- 22 -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -
Parus palustris	- -	- -	- 1	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Parus ater	25 28 14	20 25 41	14 18 20	26 27 3	22 23 8	11 32 26	13 8 10	19 25 5	17 8 12	28 4 3	23 21 13	18 33 16
Parus caeruleus	10 5 3	4 7 8	8 9 4	14 19 -	16 11 -	13 10 8	11 8 -	27 35 23	12 8 13	18 1 10	23 8 8	16 6 10
Parus major	24 57 51	26 37 30	22 60 24	30 42 30	32 43 31	25 32 33	21 63 22	21 59 13	12 38 16	21 58 12	39 42 27	22 72 16
Sitta europaea	- 5	4 1	3 7	2 13	11 10	9 15	15 7	2 4	- 12	3 14	4 18	7 6
Sitta crueperi	- - 20	- - 16	- - -	- - 3	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - 10
Certhia familiaris	- 1 3	9 3 6	3 3 6	7 - -	- 3 2	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -
Passer domesticus	37 303 97	43 188 148	38 140 41	32 261 151	105 237 109	191 235 192	208 522 313	253 559 260	242 772 292	151 806 213	115 660 62	144 218 90
Passer montanus	68 19 16	25 4 -	3 7 -	- 8 -	59 - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	38 - -

Fringilla coelebs	57 46 19	69 54 10	40 80 32	30 57 4	59 38 10	31 35 34	32 45 16	43 37 52	73 12 22	70 6 20	66 47 24	54 41 38
Fringilla montifringilla	- -	- 1	- 0,9	- 5	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Serinus pusillus	- -	- -	- -	- -	3 -	- -	- 3	- 5	- -	- -	9 -	- -
Chloris chloris	32 1 -	21 2 3	20 5 -	23 3 -	33 29 -	36 52 145	36 46 98	28 41 43	22 29 27	12 17 8	29 6 2	25 9 -
Spinus spinus	- -	- -	- -	- -	14 -	9 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Carduelis carduelis	- 7 -	- 3 -	- - -	- - -	4 - -	43 9 3	23 53 24	19 16 3	26 3 -	26 - 4	31 5 14	9 11 -
Carpodacus erythrinu	- -	- -	- -	- -	- -	- -	2 1	- -	- -	- -	- -	- -
Pyrrhula pyrrhula	- - -	- - -	2 0,9 2	- 0,7 -	0,7 - -	2 - -	2 - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -
Coc. coccothraustes	- - -	- - 2	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	- - -	9 - 22	4 - 2	- - -	- 4 -
Emberiza cia	- 2	- -	2 -	5 -	4 -	1 -	7 -	6 -	- -	- -	5 -	4 -
Всего 59 видов	337 715 410	446 498 419	297 678 244	261 666 367	535 580 280	665 693 765	692 1233 874	791 1221 855	847 1309 853	680 1561 595	874 1214 519	576 632 419

Примечание: отсутствие третьего ряда означает отсутствие регистраций данного вида на учетах в 2013-2015 гг.

За время изучения фауны птиц в г. Карачаевске в районе с многоэтажной застройкой на учетах было зарегистрировано 59 видов (табл.1). Причем в первый период исследований (1996-1998) отмечено 48 видов, во второй период (2006-2008) – тоже 48 видов, а в третий период (2013-2015) – только 33 вида. С одной стороны это объясняется несколько меньшим объемом работ (77,6 км маршрутных учетов), проведенных в последний период исследований (первая группа птиц), а с другой стороны – теми изменениями в городской среде, которые отрицательно сказались на фауне и населении птиц (вторая группа птиц). В первую группу вошли редкие или случайно залётные в городскую среду виды, такие как ястреб-тетеревятник и ястреб-перепелятник, зимняк, удод, сорока, кедровка, черноголовая гаичка. Вторую группу птиц, не отмеченных в последнее время, составили средний и малый дятлы, скальная

ласточка, горная трясогузка, ворон, свиристель, крапивник, желтобрюхая пеночка, полуошейниковая мухоловка, зарянка, певчий дрозд, деряба, обыкновенный поползень, вьюрок, корольковый вьюрок, чиж, обыкновенная чечевица, горная овсянка. Основной причиной их отсутствия стали антропогенные изменения последних лет. Как видим, вторая группа намного больше первой (18 против 7 видов). Таким образом, антропогенные изменения, связанные с уменьшением объема зеленых насаждений, с увеличением застроенных площадей, ростом фактора беспокойства в связи с увеличением количества автотранспорта на дорогах и стоянок машин, привели к сокращению фауны птиц города в районе многоэтажной застройки.

Исчезновение из фауны кольчатой горлицы связано с хищничеством сойки и серой вороны, которые активно вселялись в эти же годы в городскую среду. Однако в последний период отмечены и два новых вида, ранее здесь не регистрировавшихся: жулан и черноголовый поползень. Первый встречен на закрытой территории электроподстанции на окраине города, второй вид появился в городе в связи с инвазией, вызванной неурожаем семян пихты и ели в высокогорных районах Карачаево-Черкесии.

Произошедшие антропогенные изменения в районе с многоэтажной застройкой в целом привели к снижению численности птиц. Если общая численность птиц в период до 2008 г. значительно выросла, то изменения, произошедшие в дальнейшем, привели к заметному её снижению. Так, среднегодовые численности птиц по рассматриваемым периодам равнялись 583, 917 и 550 ос./км^2. Наибольший вклад в такую динамику внесли изменения численности самых массовых птиц города, прежде всего, домового воробья. Этого вида стало меньше в связи с тем, что с улицы Ленина убрали стихийно застроенные торговые ряды и заменили их на более благоустроенные постройки. В результате для воробьев сократилась возможность гнездования, и ухудшились кормовые условия. По-видимому, произошло перераспределение населения домового воробья с ул. Ленина во внутренние районы, где сохранились мусоросборные контейнеры.

Кроме домового воробья, заметно уменьшилась численность зеленого и большого пестрого дятлов, белой трясогузки, сойки, грача, черноголовой славки, теньковки, горихвостки-чернушки, черного дрозда, московки, лазоревки, большой синицы, полевого воробья, зяблика и черноголового щегла. Кроме того, как показано выше, около 25 видов вообще не были встречены на учетах в последние годы исследований.

Численность осталась практически прежней или изменилась весьма незначительно у сизого голубя, воронка, серой вороны, желтого-

лового королька, обыкновенной горихвостки, обыкновенной пищухи. Отмечен рост численности лишь черного стрижа, деревенской ласточки, жулана, обыкновенной зеленушки.

В районе частной застройки всего отмечено 49 видов (табл.2). Причем в 2006-2008 гг. было зарегистрировано 45 видов, в 2014-2015 гг. – 40. В последние годы не были встречены на учетах ястреб-перепелятник, средний дятел, грач, болотная камышевка, обыкновенная каменка, рябинник, певчий дрозд, обыкновенная пищуха, обыкновенная чечевица. Большинство из этих видов и ранее были редкими, поэтому их регистрация относится к сфере случайности. В то же время здесь были впервые отмечены вертишейка, горная трясогузка, серая мухоловка и корольковый вьюрок, которые тоже принадлежат к группе редких или малочисленных птиц населенных пунктов Кавказа. Поэтому нет оснований говорить об определенном изменении фауны птиц в районе частной застройки г. Карачаевска.

Таблица 2

Сезонная динамика населения птиц частной застройки в г. Карачаевске в 2006-2009 гг. (верхний ряд цифр) и в 2014-2015 гг. (нижний ряд цифр) (протяженность маршрутных учетов 260 км)

Виды	Численность птиц, особей/км^2											
	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Accipiter gentilis	- -	- -	- -	- -	0,1 -	- -	- -	- -	- -	- -	- 0,4	- -
Accipiter nisus	0,02 -	- -	0,1 -	0,3 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Columba livia	6 11	5 36	4 36	0,9 23	2 46	- 5	2 31	2 34	2 37	- 64	3 57	5 70
Jynx torquilla	- -	- -	- -	- -	- -	- 2	- 2	- -	- -	- -	- -	- -
Picus viridis	0,3 -	- 0,4	- -	0,3 -	- 1	- -	- -	- -	2 -	2 1	1 2	0,5 1
Dendrocopos major	4 2	2 1	2 -	4 -	0,6 -	- -	- -	0,8 6	2 6	7 1	- 4	4 5
Dendrocopos medius	- -	0,6 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Dendrocopos minor	0,8 -	- -	- -	- -	4 1	- 1	- -	2 -	2 -	- -	0,8 -	- -
Ptyonoprogne rupestris	- -	- -	- -	- -	- -	- -	3 6	8 -	- 3	- -	7 -	- -
Hirundo rustica	- -	- -	- -	- -	- -	- 2	9 19	4 21	- 14	- 80	4 10	- -
Delichon urbica	- -	- -	- -	- -	- -	- 2	9 8	2 -	11 5	18 33	- -	- -

Motacilla cinerea	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- 2	- -	- -	- -	- -
Motacilla alba	- -	- -	- -	- -	35 13	64 33	22 21	48 41	44 57	44 69	69 48	18 33
Lanius collurio	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	8 4	9 -	- 2	- -	- -
Garrulus glandarius	6 2	5 5	16 3	4 5	9 5	4 1	4 2	1 -	- 1	- 4	0,8 2	4 7
Corvus frugilegus	- -	1 -	25 -	11 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Corvus cornix	3 11	5 8	2 3	10 4	4 12	3 2	2 8	4 13	- 7	- 5	0,6 9	0,9 9
Troglodytes troglodytes	13 5	14 4	5 -	7 1	3 5	8 14	2 5	3 3	8 -	- -	- -	2 3
Prunella modularis	44 17	24 15	24 10	16 6	2 1	5 9	3 6	10 12	- 2	- -	- -	4 -
Acrocephalus palustris	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	5 -	- -	- -	- -	- -
Sylvia atricapilla	- -	- -	- -	- -	- -	15 29	33 40	50 25	22 8	- 3	- -	- -
Phylloscopus collybita	1 -	- -	- -	- -	2 1	6 6	2 -	- -	- -	15 6	19 14	3 16
Phylloscopus nitidus	- -	- -	- -	- -	- -	- -	4 3	- -	- -	- -	1 -	- -
Regulus regulus	- -	- -	- -	2 -	- -	- 2	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Muscicapa striata	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- 6	- 2	- -
Oenanthe oenanthe	- -	- -	- -	- -	1 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Phoenicurus phoenicurus	- -	- -	- -	- -	- -	60 67	93 72	84 60	35 8	11 6	3 -	2 -
Phoenicurus ochruros	- -	- -	- -	- -	- -	0,8 3	2 -	- -	- -	- -	3 -	1 -
Erithacus rubecula	37 34	11 10	10 9	4 4	12 19	3 24	2 3	- -	- -	- -	- 1	12 5
Turdus pilaris	3 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Turdus merula	102 100	131 108	130 84	139 76	61 75	49 40	98 33	65 50	71 74	27 45	15 36	60 86
Turdus philomelos	- -	- -	- -	- -	0,3 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Turdus viscivorus	0,1 -	0,2 1	- 1	2 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	0,8 -
Aegithalos caudatus	0,8 -	4 -	4 -	18 -	5 -	- -	- 9	- -	- -	- -	- -	- -

Parus ater	15 6	18 2	19 6	6 -	3 6	0,8 6	- 4	8 -	7 -	9 8	17 -	32 10
Parus caeruleus	14 10	8 1	13 2	11 10	8 1	0,8 5	14 6	17 19	9 4	27 4	22 6	15 8
Parus major	71 34	79 27	82 18	87 28	57 63	49 48	39 37	83 33	64 22	55 26	57 36	77 38
Sitta europaea	0,1 -	1 -	3 -	- -	2 -	1 5	- -	6 -	- 4	8 2	- -	0,7 -
Certhia familiaris	- -	0,6 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	0,8 -
Passer domesticus	261 305	260 133	334 188	494 294	443 424	380 402	464 396	574 488	947 574	689 600	501 169	342 252
Passer montanus	160 15	192 64	127 18	121 50	17 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	10 -
Fringilla coelebs	94 28	34 25	51 17	54 6	10 13	11 20	18 8	12 37	43 19	- 68	22 15	33 42
Serinus pusillus	- -	- -	- 12	- -	- -	- -	- 9	- -	- -	- -	- -	- -
Chloris chloris	3 2	5 1	25 -	14 -	12 6	32 49	35 29	21 44	32 25	45 19	2 4	3 5
Carduelis carduelis	12 7	- 2	1 1	- 3	- 2	6 19	8 22	5 7	18 3	- 12	13 7	3 -
Carpodacus erythrinus	- -	- -	- -	- -	- -	- -	4 -	0,8 -	- -	- -	- -	- -
Pyrrhula pyrrhula	- 3	- -	- -	3 6	- 6	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Coccothraustes coccothraustes	- -	- -	3 2	- -	- 3	- -	- -	- -	11 26	23 -	- -	- -
Emberiza cia	14 -	17 2	26 -	9 -	4 -	- -	11 -	- -	- -	- -	- -	- -
Всего 49 видов	865 592	817 443	906 410	1017 516	697 703	698 796	883 779	1024 901	1339 899	980 1064	761 422	634 590

Общая численность птиц в районе частной застройки в 2014-2015 гг. была несколько ниже, по сравнению с 2006-2008 гг. Так, среднегодовая численность по этим периодам составила соответственно 676 и 885 ос./км^2.

Снизилась численность малого пестрого дятла, скальной ласточки, сойки, крапивника, лесной завирушки, обыкновенной горихвостки, черного дрозда, длиннохвостой синицы, московки, лазоревки, большой синицы, обыкновенного поползня, домового и полевого воробьев, зяблика, зеленушки, горной овсянки. Наиболее значительное снижение численности произошло в населении домового и полевого воробьев, а также большой синицы. Вероятно, это связано с сокращением мест, удобных для гнездования и ночевок этих птиц после современного ремонта домов и хозяйственных построек.

У ряда видов численность птиц возросла: сизого голубя, деревенской ласточки, серой вороны, черноголового щегла, обыкновенного снегиря. Причины роста численности этих птиц для нас не вполне ясны.

В целом же население птиц района частной застройки г. Карачаевска изменилось, как мы видим, незначительно по сравнению с районом многоэтажной застройки и парка.

Самые большие изменения в населении птиц произошли в парке г. Карачаевска (табл.3). За всё время исследований здесь на учетах численности птиц было зарегистрировано 57 видов. Причем, за период 2006-2009 гг. отмечено 48 видов, за период 2012-2015 гг. – 51 вид. Впервые в 2012-2015 гг. на учетах были встречены вертишейка, скальная и деревенская ласточки, жулан, малая и полуошейниковая мухоловки, черноголовый поползень и корольковый вьюрок, но не были отмечены кольчатая горлица, кедровка, горихвостка-чернушка, рябинник, вьюрок, горная овсянка. Таким образом, фауна птиц парка изменилась незначительно.

Таблица 3

Сезонная динамика населения птиц парка г. Карачаевска в 2006-2009 гг. (верхний ряд, 74 учета) и 2012-2015 гг. (нижний ряд, 131 учет)

Виды	Численность птиц, особей/км^2											
	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Accipiter gentilis	0,1 0,05	- -	0,1 0,02	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Accipiter nisus	2 -	- -	1 0,03	2 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- 0,04	4 -
Columba palumbus	- -	- -	- -	- 2	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	4 -
Columba livia	31 101	27 205	8 32	35 89	25 77	26 177	123 33	27 152	30 18	15 87	25 153	23 85
Streptopelia decaocto	- -	- -	- -	- -	- -	3 -	- -	- -	- -	- -	- -	- -
Asio otus	- -	- -	- -	- -	5 3	8 3	- +	- +	- -	- -	- -	- -
Jynx torquilla	- -	- -	- -	- -	- -	- 1	- 1	- 10	- -	- -	- -	- -
Picus viridis	3 -	8 -	3 3	6 1	3 1	- -	- -	- -	- 2	- -	15 -	11 -
Dendrocopos major	27 21	23 23	22 42	26 26	18 21	8 5	11 8	19 8	23 27	23 15	20 20	26 31
Dendrocopos medius	3 -	4 1	2 2	- 2	- 1	- -	- -	- -	- 3	15 2	- 2	8 3
Dendrocopos minor	- -	1 -	2 1	- 2	7 1	8 3	15 1	- 2	15 -	8 -	- -	- 1
Ptyonoprogne rupestris	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- -	- 3	- -	- -

Hirundo	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
rustica	-	-	-	-	-	-	-	15	10	11	3	-
Motacilla	1	-	-	-	2	8	8	-	-	-	5	4
alba	10	1	-	-	2	9	20	30	32	68	88	115
Lanius	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
colluria	-	-	-	-	-	-	1	-	11	-	-	-
Garrulus	24	37	34	39	92	45	15	42	76	15	45	19
glandarius	6	8	21	11	8	8	4	2	3	14	13	21
Nucifraga	5	4	2	2	-	-	-	-	-	-	-	26
caryocatactes	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Corvus	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
frugilegus	-	-	-	142	-	-	-	-	-	-	-	-
Corvus	69	84	133	54	102	83	77	99	45	23	51	53
cornix	122	106	110	107	101	83	98	111	59	90	82	75
Troglodytes	17	14	6	4	5	4	-	-	-	-	-	8
troglodytes	3	3	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Prunella	15	10	6	2	3	-	8	-	-	-	-	8
modularis	3	3	7	1	3	3	-	-	-	-	-	5
Sylvia	-	-	-	-	-	-	54	34	38	-	-	-
atricapilla	-	-	-	-	-	2	18	11	6	3	-	-
Phylloscopus	-	-	-	-	-	4	4	-	-	-	-	-
trochilus	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-
Phylloscopus	1	-	-	-	3	23	31	30	38	68	51	8
collybita	-	-	-	-	1	4	3	-	-	20	25	13
Phylloscopus	-	-	-	-	-	-	-	15	-	15	10	-
nitidus	-	-	-	-	-	-	1	-	9	3	2	-
Regulus	60	37	24	30	90	-	-	-	-	-	-	38
regulus	32	14	4	10	3	-	-	-	-	-	3	11
Ficedula	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
parva	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-
Ficedula	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
semitorquata	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-
Muscicapa	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-
striata	-	-	-	-	-	-	17	8	12	16	-	-
Phoenicurus	-	-	-	-	-	15	61	64	8	8	10	-
phoenicurus	-	-	-	-	-	51	67	55	19	19	3	-
Phoenicurus	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-
ochruros	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Erithacus	6	-	-	-	-	23	8	-	-	-	-	-
rubecula	-	-	-	-	1	5	-	-	-	-	-	-
Turdus	2	5	1	4	-	-	-	-	-	-	-	-
pilaris	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Turdus	39	48	58	35	137	246	223	147	280	114	15	30
merula	5	6	8	16	21	51	24	27	33	8	2	10
Turdus	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
philomelos	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1

Turdus	2	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-
viscivorus	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Aegithalos	51	38	27	9	-	-	8	-	60	53	10	-
caudatus	12	21	14	8	13	-	-	-	8	36	-	3
Parus	155	136	154	102	127	91	100	155	114	144	111	125
ater	26	33	44	41	35	40	28	38	66	25	37	48
Parus	24	16	22	35	30	23	15	38	45	23	55	27
caeruleus	13	8	5	10	12	17	2	38	15	31	8	7
Parus	107	100	129	128	145	114	138	178	91	83	86	144
major	32	32	36	50	38	42	38	53	34	36	26	43
Sitta	36	36	34	50	60	49	31	45	61	68	56	53
europaea	11	6	5	5	5	9	4	8	10	2	9	11
Sitta	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
krueperi	39	38	22	15	17	-	-	-	1	-	13	45
Certhia	27	18	27	15	5	-	-	-	15	-	-	15
familiaris	10	6	8	8	7	-	-	-	-	-	-	6
Passer	50	30	21	4	25	19	85	208	212	91	-	-
domesticus	23	44	4	20	20	26	65	128	83	63	48	9
Passer	2	82	89	120	40	-	-	-	-	-	-	-
montanus	8	27	3	9	1	-	-	-	-	-	-	5
Fringilla	484	475	317	180	195	186	135	136	265	144	247	1079
coelebs	47	45	78	73	119	105	103	99	97	38	77	102
Fringilla	8	14	3	-	-	-	-	-	-	-	-	30
montifringilla	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Chloris	76	21	16	33	80	79	108	106	83	76	252	405
chloris	-	-	1	3	6	117	86	63	57	16	3	6
Serinus	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
pusillus	-	-	3	2	-	-	-	-	-	-	-	-
Spinus	-	-	-	-	17	-	-	-	-	-	-	15
spinus	-	-	-	2	18	6	-	-	-	-	-	-
Carduelis	95	6	-	2	8	19	-	8	-	-	76	174
carduelis	3	-	-	1	5	2	10	6	1	6	6	6
Acanthis	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8
cannabina	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
Loxia	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	30	53
curvirostra	12	12	-	34	-	1	-	-	-	19	10	6
Carpodacus	-	-	-	-	-	-	8	4	-	-	-	-
erythrinus	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-
Pyrrhula	1	7	95	226	15	-	-	-	-	-	-	-
pyrrhula	-	-	5	2	3	-	-	-	2	-	-	-
Coccoth.	1	6	4	11	-	-	-	-	-	-	10	15
coccothraustes	-	4	1	-	3	-	4	8	4	5	4	3
Emberiza	4	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
cia	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	1448	1294	1254	11566	1241	1088	1266	1355	1499	986	1186	2413
57 видов	539	654	462	92	550	778	639	872	622	636	639	671

Однако в населении птиц произошли существенные изменения. Антропогенное преобразование парка привели к снижению общей численности птиц боле чем в два раза (среднегодовая в 2006-2009 гг. равнялась 1349 ос./км^2, в 2012-2015 гг. – 646 ос./км^2). Отмечено явное снижение численности у 32 видов птиц. Самое большое сокращение численности отмечалось в населении сойки, черного дрозда, всех видов синиц, обыкновенного поползня, полевого воробья и большинства видов вьюрковых птиц. Основными причинами снижения численности птиц в парке было ухудшение кормовых условий после вырубки туи (биоты) и ясеня (*Fraxinus excelsior*), семенами которых в осенне-зимний период кормились многие птицы (дятлы, синицы, вьюрковые и др.), не стало также дуплистых деревьев, возрос фактор беспокойства. Снижение общей численности птиц в парке привело к тому, что стал реже встречаться ястреб-перепелятник.

Увеличили свою численность в парке только сизый голубь, белая трясогузка, серая ворона, серая мухоловка. Первые два вида – птицы открытых пространств, и рост их обилия объясняется реакцией на увеличение площади, не занятой древесными насаждениями, и на выкашивание травянистого яруса. Благодаря этой же причине в парке получили возможность кормиться деревенские ласточки и серые мухоловки.

У остальных видов наблюдались незначительные изменения численности, не позволяющие делать какие-либо выводы.

Из хищных птиц в г. Карачаевске относительно регулярно встречались только **ястреб-тетеревятник** и **ястреб-перепелятник**. Судя по результатам учетов, их численность в последние годы стала ниже во всех трех рассматриваемых нами биотопах. По-видимому, это связано как с возросшим фактором беспокойства, так и с ухудшением кормовых условий ястреба-перепелятника (уменьшилась численность воробьиных птиц, особенно в парке города). Все другие хищные птицы залетают в городскую среду лишь случайно, пролетая транзитно.

В городе отмечено три вида **голубей**: вяхирь, кольчатая горлица и сизый голубь. Первые два в настоящее время – редкие залетные виды, которые обычно регистрируются в миграционные периоды.

Кольчатая горлица в конце XX века в Карачаевске была обычной птицей. Максимальная её численность отмечалась в мае-июне (в районе городской застройки 17-20 ос./км^2). В октябре-ноябре основная масса птиц из города отлетала, и зимой встречались лишь единичные особи (табл.1). Мы предполагаем, что миграция горлиц происходила на север в населенные пункты предгорного пояса, где зимой сохранялась относительно высокая её численность (Караваев и др., 2013). В начале XXI века численность кольчатой горлицы в городе стала сокращаться, и

уже на учетах в 2006-2008 гг. мы её даже не отмечали. Основной причиной быстрого сокращения численности было хищничество серой вороны и сойки, которые в этот период активно осваивали здесь городскую среду. Сказалось также вырубка елей, на которых птицы ночевали и гнездились.

Численность **сизого голубя** в районе многоэтажной застройки, практически не изменилась (среднегодовая численность по периодам исследования соответственно была 104, 119, 122 ос./км^2). Однако наблюдался заметный рост численности в районе частной застройки, где раньше этот вид был малочисленным (среднегодовая численность в 2006-2009 гг. – 3 ос./км^2, в 2014-2015 гг. – 38 ос./км^2). Сизые голуби приспособились кормиться вместе с домашними птицами, не боясь человека и домашних животных. Голуби научились извлекать корм из мешков с зерном, проделывая в мешковине дырки.

В последние годы возросла численность сизого голубя также в парке благодаря тому, что после вырубки многих деревьев парк стал более светлым, с большими полянами, а кроме того благодаря регулярному выкашиванию травянистого яруса. Среднегодовая численность в 2006-2009 гг. составляла 33 ос./км^2, в 2012-2015 гг. – 101 ос./км^2.

Сезонная динамика сизого голубя неустойчивая, с резкими перепадами численности в различные периоды года. По нашему мнению, это объясняется перемещениями голубей в районы с более благоприятными кормовыми условиями, которые складываются в различных районах под действием как антропогенных факторов, так и природных.

Ушастая сова стала регулярно отмечаться в парке с 2005 г. и по ул. Мира. Вероятно, совы гнездились в старых гнездах серых ворон. Поэтому начало гнездования ушастой совы в г. Карачаевске совпало с активным заселением городской среды серой вороной.

В г. Карачаевске зарегистрировано 5 видов **дятлов** (табл.1-3). Причем вертишейка в 2015 г. регулярно держалась в парке с конца мая и в июне. Отмечены были два самца, не сумевшие найти себе гнездовую пару. Токующие вертишейки отмечены также в районе частной застройки.

Черный стриж стал чаще учитываться на учетах в районе с многоэтажной застройкой (табл.1). По-видимому, это связано с его гнездованием в щелях под оконными отливами, которые появились при установке современных пластмассовых окон.

Зеленый дятел начал заселять город в начале XXI века (Караваев, Хубиев, 2007). Однако последующая вырубка деревьев в парке и на улицах города отрицательно сказались на его численности. В настоящее время зеленый дятел в городе не гнездится.

Большой пестрый дятел стал тоже редко встречаться на улицах города. Численность этого вида почти не изменилась лишь в парке, где дятлы кормятся семенами сосны. Однако в последние годы мы больше уже не находили гнезд дятлов ни в парке, ни на улицах города.

Средний пестрый и **малый пестрый дятлы** на учетах в последний период наших исследований уже не отмечались в районе с многоэтажной застройкой, их численность в других биотопах города также снизилась (табл.1-3). Особенно редким стал малый дятел после вырубки в городе практически всех пирамидальных тополей, с которым этот вид был тесно связан экологически.

Скальная ласточка в последние годы не была отмечена на учетах в районе многоэтажной застройки. Этот вид ранее гнездился на открытых балконах и лоджиях. С одной стороны стали застеклять балконы, с другой – люди стали разорять гнезда, препятствуя гнездованию птиц. В настоящее время скальная ласточка продолжает гнездиться лишь в недостроенных многоэтажных зданиях.

Деревенская ласточка заметно увеличила свою численность в городе, адаптировавшись к гнездованию в подъездах многоэтажных зданий. Увеличилась её численность и в районе с частной застройкой, что, по-видимому, объясняется постепенным увеличением домашнего скота в пригородах Карачаевска. Рост численности этого вида отмечен на учетах во всех трёх рассматриваемых нами биотопах.

Состояние популяции **воронка** г. Карачаевска практически не изменилось (табл.1).

Обыкновенная сойка во всех трех биотопах стала малочисленной (табл.1-3), что объясняется, прежде всего, сокращением площади зеленых насаждений в городе и возросшим фактором беспокойства. В последние годы мы уже не отмечали её гнездование в городе.

Кедровка была обычной птицей в г. Карачаевске лишь во время её залёта в 2008 г. (Караваев и др., 2009). Других залётов этого вида за весь период наших исследований не происходило.

Грач встречался в г. Карачаевске в период зимовки, в последний период стал отмечаться реже, что связано со значительной вырубкой грецкого ореха и с улучшением санитарного состояния города.

Численность **серой вороны**, судя по результатам учетов в районе с многоэтажной застройкой и в парке, изменилась незначительно. Явный рост численности её произошел в пригородах (табл.1-3), что связано с продолжающейся адаптацией вида к гнездованию в городской среде.

Залетов **свиристелей** в г. Карачаевск в последнее время не наблюдалось, что связано с вырубкой тополя серебристого, на котором этот вид раньше мог кормиться зимой ягодами омелы (*Viscum album*).

В связи с сокращением в городе площадей древесно-кустарниковых насаждений, снизилась численность практически всех видов птиц дендрофильной экологической группы: крапивника, лесной завирушки, большинства славковых и мухоловковых, синицевых, поползневых и вьюрковых. Для наглядности приведем несколько примеров:

Среднегодовая численность **черного дрозда** в районе многоэтажной застройки снизилась по периодам соответственно с 28 до 26 и 13 ос./км^2, в районе частной застройки с 79 до 67 ос./км^2, в парке с 114 до 18 ос./км^2. Черный дрозд перестал гнездиться по ул. Ленина и в парке.

Среднегодовая численность **московки** снизилась в районе многоэтажной застройки по периодам соответственно с 20 до 21 и 14 ос./км^2, в районе частной застройки с 11 до 4 ос./км^2, в парке с 126 до 38 ос./км^2.

Среднегодовая численность **зяблика** снизилась в районе многоэтажной застройки по периодам соответственно с 52 до 41 и 23 ос./км^2, в районе частной застройки с 32 до 25 ос./км^2, в парке с 320 до 82 ос./км^2.

Литература

Караваев А.А., Витович О.А., Хубиев А.Б., Казиев У.З., 2009. Об инвазии кедровки в Карачаево-Черкесию в 2008 г. (Северный Кавказ) // Кавказск. орнитол. вестник, вып. 21. – Ставрополь. – С. 148-151.

Караваев А.А., Казиев У.З., 2008. Птицы парка г. Карачаевска // Кавказск. орнитол. вестник, вып. 20. – Ставрополь. 2008. – С. 98-108.

Караваев А.А., Казиев У.З., 2009. Население птиц жилой застройки города Карачаевска // Кавказск. орнитол. вестник, вып. 21. – Ставрополь. – С. 152-165.

Караваев А.А., Казиев У.З., Хубиев А.Б., Хохлов А.Н., 2013. Птицы населенных пунктов Карачаево-Черкесии // Тр. Тебердин. госуд. природ. биосф. заповедника, вып. 54. – Кисловодск. – 1-248 с.

Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2007. Поведение и бюджет времени зеленого дятла в зимний период // Кавказск. орнитол. вестник, вып. 19. – Ставрополь. – С. 77-81.

Экология и поведение птиц

Некоторые птицы нагорного Дагестана

П.Е. Самсонов
Журнал охоты, 1875, № 6.- С.24-31.

Горная курочка. *Perdix saxatilis*

Насколько степь и вообще плоскости однообразны в своих климатических условиях, и насколько на них неясно обрисовываются ее обширные границы каждой перемены растительного или животного царства – настолько в горных местностях все влияния температуры разнообразно и отчетливо выражаются на органической жизни каждой горы, каждого ската, смотря по его положению, наклону, ширине ущелья, а главное по мере возвышения. Нет надобности в горных местностях проезжать тысячи верст, а можно и в один день легко побывать в двух-трех разных климатах, начиная от очень жаркого, со всею роскошью южной растительности, где Гекко и голубая ящерица лепятся по стенам сакель и скал, – и кончая суровым севером со свойственными ему снегами и еловым лесом, в котором рыскает чернобурая лисица и водятся тетерева. Здесь как бы начертаны границы для каждой породы животных и как по ступенькам перейдете вы от фазана к глухарю; не смешаются ни на одной ступени разные породы и как на размежеванных местностях держатся каждая порода своего района, только заяц и горная курочка не совсем подчиняются общему закону: один, все тот же русак, одинаково живет и скрадывает свой след как перед логовом в колючих кустах терна, ища разсадки кукурузы, так и в можжевеловых кустах почти подснежной полосы; курочка же, хотя никогда не подымается выше своего предела (приблизительно от 1000 до 2000 фут высоты) и на этой высоте всегда выводится, но осенью, когда цыплята совсем поматереют, а в особенности, когда приближается суровая в горах погода, иногда спускается, и забивается даже в бурьяны и кусты совсем у подножья гор. Как-то странно бывает тогда ехать или ходить по горам средней высоты и не слышать ее звонкого клохтанья, не видеть ее проворной фигурки, быстро бегающей между острых скал; так она, можно сказать, присуща скалам и так оживляет эти голые, выжженные солнцем пустынные местности почти всего нагорного Дагестана.

Но как только солнечные лучи прогонять мартовские вьюги, в горах потекут со всех сторон ручьи от таявшего снега, поползет талая

земля по скатам – тогда настает время курочке спариваться и она с своим верным спутником жизни опять подымается в свои скалы. Это бывает в апреле. Мне никогда не случалось находить гнездо курочки, несмотря на то, что много ходил по горам в конце апреля – и потому предполагаю, что она гнездится, вероятно, в очень глухих местах, куда редко попадает человек; но около половины или конца мая мне случалось уже видеть выводки курочек на взлете, величиною с воробья; выводки часто бывают большие, и нередко можно осенью поднять их табун штук в двадцать; но они вообще любят общество или скорей, так сказать, семейное соседство, потому что держатся выводок от выводка в очень недальнем расстоянии. В узких скалистых ущельях перелетают друг к другу, разбегаются, часто перемешиваются и собираются на крик своей матери иногда только к вечеру.

Фиг. 2. Горная курочка. Perdix saxatilis.

Очень красивая пером горная курочка чрезвычайно живая и проворная птица, и постоянно в движении; она залетает в кусты и между камней только в жаркое время дня, да еще когда ее видит собака, а то, перебегая с удивительною быстротою, перескакивая с камня на камень, она звонко перекликается громким криком весьма похожим на куриный, когда она на земле; но как только поднялась и полетала – курочка совершенно завизжит тем звуком, как ежели бы гибким и тоненьким хлыстом быстро рассекать воздух, или похоже на свист пули, только звук ее гораздо резче и громче.

Я долго думал, что звук этот происходит от ее быстрого полета и крепких маховых перьев, но после мне часто случалось на дальнем полете не слыхать этого визга и видеть целый табун курочек, молча перелетающий ущелия, почему нельзя было не убедиться, что курочка визжит совершенно произвольно. Странно однако что она никогда не визжит на земле.

Утомительна и трудна охота на курочек, так как они всегда держатся в каменистых крутых местах и застать их в домах можно только случайно, да ежели и подымешь на плоском месте, то они сейчас же заберутся на свои голые скалы и утесы. Но я любил эту охоту: есть что-то фантастическое в этой птице. Иногда, сложив крылья, как камышек кидается она вниз с отвесной высоты и с визгом рассекает синюю глубь узкого ущелья; иногда так стремительно подлетит она к какой-нибудь скале, что так и кажется должна была бы в дребезги разбиться об острые ребра или зубцы ее, а между тем она сразу останавливает свой полет перед самым камнем и опять бежит, быстро перебирая красными ножками.

Как какие-нибудь гномы юркают курочки между каменьями, в особенности, когда целый выводок бежит по одному направлению; то покажутся они на каком-нибудь ребре или шпиле, высоко вытянув шею, то исчезнут в темной щелке и опять мелькнут на плоском камне; приложиться не успеешь – и опять их не видно, а вдруг с шумом вырвутся где-нибудь из-под самой ноги – и с визгом рассыплется целый выводок по ущелью; переместятся, – и звонко закудахтают со всех сторон, всегда выбежав на верхушку какого-нибудь высокого камня. Всё придает охоте на курочек какую-то фантастичность и поэзию: самый крик ее, звонко раздающийся и повторяющейся со всех сторон гулким эхо, визг ее полета, а главное местность, в которой живет курочка – эти ущелья и скалы с их разнообразными контурами, освещаемые или яркими лучами утреннего солнца или принимающие все голубые и неопределенные оттенки вечера, – всё это не может не восхищать, и нельзя не чувствовать всю прелесть обстановки. Тут ярко осветит закатывающееся солнце какую-нибудь зубчатую стену красного порфира, там мешаются желтые и оранжевые тоны песчаника, с темною и густою зеленью ползучих растений или где-нибудь, как бархатной пеленою, покрытая мхом скала отделяется на лазури неба; – голубые тени, темнота и глубь пропасти, на дне которой почти всегда шумит горный с хрустальною водою поток, тишь кругом, и этот дивный горный воздух невольно наполняют душу каким-то отрадным чувством спокойствия; как-то полно дышится на этой высоте и как-то мелко сознаешь себя и все людские заботы и страстишки перед этим величием и спокойствием природы. – Не раз случалось мне оставлять свое преследование недобитого выводка, сесть или лечь над каким-нибудь отвесом и долго, долго смотреть в даль, любуясь и мечтая, и забываться. Много горя и забот в этих мечтаниях, но как будто окунаешься в свежие мысли и чувства при горном воздухе и свете.

Собственно же способ охоты на курочек почти тожественен с охотою на серых куропаток с лягавой собакою: курочка отлично вы-

держивает стойку, и крепко залегает в удобных для этого местах; но взрослая курочка далеко и быстро бежит, что очень горячит молодых собак, поэтому для этой охоты нужно собак твердых и степенных с тихим подходом, так как приходится часто взлезать на большие кручи, а это очень утомительно при горячей собаке, за которой по необходимости должен следовать форсированным шагом. По собственному опыту могу сказать, что лучшими для этой охоты собаки все-таки английские сеттера; они своим быстрым поиском избавляют вас от лишней ходьбы; при хорошем сеттере мне не раз случалось, остановившись на какой-нибудь возвышенности, пустить собаку по скату, который она вырыщет иногда до низу по разным направлениям, и спуститься уже к ней, прямо на стойку. Дробь для курочек надо употреблять более крупную, так как взрослая курочка вообще крепка к ружью. Подъем и полет ее чрезвычайно быстры и с неожиданными порывами в сторону, да и собственно шум подъема, неожиданность резкого визга, все это затрудняет стрельбу этой птицы, требует большой быстроты приклада и навыка, и неопытный, горячий охотник много разсорит дроби и сожжет пороху, прежде чем ему удастся похвалиться хорошим полем.

Но из птиц не одна курочка оживляет горную, каменистую местность; стоит (почти во всем нагорном Дагестане) только подняться еще тысячи на полторы футов, и хотя уже не встретишь больше курочки на больших высотах, но зато мы перейдем в область **горной индейки**.

Горная индейка (*Megaloperdix Caucasica*) – величиною с самку глухаря; перо ее, серо железного цвета с белыми искрами, на зобу и горле белое, чрезвычайно пушисто и должно хорошо предохранять птицу от сурового климата, в котором горная индейка всегда живет так как никогда не спускается с весьма значительной, почти подснежной, полосы; между голых камней держится она гораздо реже курочки, а любит преимущественно крутые, но покрытые мелкою луговою растительностью сланцы.

Насколько курочка любит сообщество, и выводки ее живут в самом близком соседстве друг от друга (даже общество людей не пугает курочку и очень нередко можно видеть ее и слышать ее веселый крик на самой скале, под которой лежит целый аул) – настолько горная индейка живет угрюмо и одиночно, в пустынных, далеких от всякого жилья местностях; выводки ее не сближаются один с другим, не перекликаются по ущельям и вообще довольно редки; горной индейки я нигде много не находил и больших выводков не видал, обыкновенно штук пять, шесть, но часто и меньше. Определить точно время спаривания и высиживания яиц трудно, потому что она держится на таких высотах, где даже в конце апреля и начале мая ходить почти невозможно, по случаю еще не

растаявших снегов, но надо предполагать, что она гнездится и выводит цыплят не дожидаясь наступления теплой погоды, во-первых потому что уже в июле и августе их можно видеть почти совсем взрослыми, а во вторых потому, что на этих высотах уже в октябре начинаются весьма сильные снега и стужа, а для такой крупной птицы нужно время, чтобы помататереть насколько это необходимо для перенесения суровости климата, без вредных для нее последствий.

Охотиться собственно на горных индеек не приходится; она вообще довольно редкая птица, никогда нигде не залегает, весьма строга, держится в открытых местностях, где ни деревцо, ни кустик не дают возможности к ней подойти – и она издали может видеть приближающаяся человека. Поэтому, ежели и удается убить одну или две индейки, то только случайно; я же употреблял следующее средство: ежели замечу издали горных индеек, то на той же стороне горы и по возможности на той же вы соте выберу себе какую-нибудь скалу или ямку, в которой по возможности хорошо укрываюсь; затем посылаю какого-нибудь человека обойти и спугнуть индеек, которые большею частью летят прямо перед собою, не опускаясь и не подымаясь, вдоль по тому же скату, на котором они находились, огибая все его выпуклости и далеко от земли не отделяясь. Несколько раз можно их перегонять, прежде нежели они наконец решатся совсем отделиться от своего ската и или перелететь чрез гребень, или переместиться по ту сторону ущелья. Таким способом часто удается выстрелить и убить эту всегда редкую дичинку; но далеко не всегда убитую принесешь домой: то она упадет на какой-нибудь обломок скалы, до которого нельзя добраться и только с досадой смотришь как ветерком раздуваются ее пушистые перья, то, ежели упадет на крутой скат мелкого сланца, покрытый сухой и скользкой травкою, она бьется в предсмертных судорогах и кубарем катится все ниже и ниже, пока совсем не исчезнет в пропасти; еще досаднее ежели раненая – с перебитым крылом, но еще бегает; в таких случаях не совсем хладнокровный охотник легко может весьма дорого поплатиться за свою охоту; стоит только, разгорячившись преследованием, поскользнуться или оступиться – и от охотника окажется на дне пропасти – только изуродованный кусок мяса. По всему этому видно, что трудно собственно охотиться на горную индейку; только иногда, проездом или мимоходом, погоняешь ее на каком-нибудь склоне, иногда и убьешь, и даже принесешь домой, но как ни дорога охотнику такая дичина – однако долго за нею гоняться решительно не достанет ни сил, ни возможности.

Горцы – местные жители, ежели и убивают иногда горную индейку, то это всегда бывает с подхода, из винтовки пулею. С гордостью

несут они ее в ближайшее местное управление в пешкеш* своему начальнику или кунаку из офицеров. Однако мне случилось видеть раз пойманную живьем индейку и я был поражен, зная дикость этой птицы на свободе, ее спокойствием и даже ручностью в неволе. Несмотря на то что была весьма недавно поймана, она жила тут же в комнате между людьми, ходила между самыми ногами, клевала брошенные ей зерна, нисколько не опасаясь ни шума, ни движения; хотя у нее не были подрезаны крылья, но она ни разу не пробовала даже подняться с земли. Впрочем мне не раз случалось удивляться тому спокойствию с которым переносят заключение некоторые именно самые дикие птицы, живущие далеко от всякого поселения человека. Обыкновенно птица долго не привыкает к заключению в клетке, бьется, часто не ест очень долго; ежели выпустят ее из клетки, то сейчас же бросается в окно – на свет, и разбивает стекло ежели в силе, от стремительности с какой желает выбраться на свободу. Совсем не то пойманная птица в местностях горных и пустынных, где можно только изредка встретить человеческое существо, которое не иначе движется как по узкой тропинке и в известном направлены; там мне случилось видеть несколько экземпляров живьем пойманных птиц и все они не только с первого дня, но даже с первого часу осваивались совершенно; все они ели и пили тут же между людьми, часто даже из рук с первого же дня, и ничем не выражали хотя бы малейшего желания опять выбраться на свободу, как будто ею никогда и не пользовались; живут как ручные, смирные, но ежели строго наблюдать, то положительно можно заметить как будто некоторую автоматичность, точно все движения без цели: корма не ищет, не будет бегать за ним из угла в угол, а поставить перед нею – будет есть и пить, хоть из рук; от человека уже совсем не уходит и едва сторонится от ноги, которая могла бы наступить, или руки, желающей ее взять. Мне неоднократно случалось наблюдать это, и невольно всякий раз я задавался мыслию: «да не случается ли в организме только что пойманной птицы, почти никогда не видавшей человека, какого-нибудь переворота вследствие потрясения от испуга при поимке».

П.Е. Самсонов

* Подарок.

Горная курочка

Л.Б. Беме

Украинский охотник и рыболов, 1926, № 5.- С.21-22.

Привольная страна Дагестан…

Здесь в дебрях камыша подстерегает добычу короткохвостый камышовый кот, и вспугивают длиннохвостых фазанов бродячие табуны диких свиней, здесь же в ноябре слышатся ревы оленей. В горах держатся туры, горные индейки, кавказские тетерева, куницы, куропатки, рыси, а иногда заходят и барсы. И вот здесь в горной части Дагестана и живет одна из самых привлекательных наших охотничьих птиц – горная курочка, о которой мне хочется рассказать подробнее*.

В Нагорном Дагестане курочка распространена очень широко, она держится здесь от "самого синего моря“ и до высоты в 7-8.000 ф., но излюбленным ее местопребыванием является тот участок, который фито- и зоогеографы выделяют под названием "горной степи"; наиболее характерными растениями этого участка являются колючие кустарники, а из них различные астрагалы, растущие колючими подушками, а из животных – описываемые нами птицы.

Географически выделение этого участка очень трудно, так как языками он заходит иногда очень глубоко в смежные с ним, в общем же можно принять, что высота его над уровнем моря от 2, до 4000 ф. Как показывает само название участка – это "степь в горах". Здесь цепи довольно пологих холмов перемежаются с идущими во всех направлениях грядами голых скал, с каменистыми желтыми вершинами, с узкими, глубокими балками с оврагами, густо поросшими различными колючими кустарниками, из которых главнейшие терн и держи-дерево, и здесь в некоторых местах бьют из земли удивительно полноводные родники с чистой, как хрусталь, водой.

Вот в этих местах с утра до вечера можно слышать звонкий голос горной курочки, ее характерное "кудахтанье", за которое она и получила свое название, которое звучит вроде "ко-кок-ко-ко-кок" и слышно при ветре за 2-3 версты. Здесь же постоянно можно и видеть их, так как курочки очень подвижны, особенно не прячутся, а держатся зачастую совершенно открыто, полагаясь, и не без основания, на свои прекрасно

* Кроме Дагестана, горная курочка встречается в подходящих местах всего Северного Кавказа, но везде в очень незначительном количестве, и только в Дагестане ее очень много. Кроме Северного Кавказа она есть в Закавказье, Турции, Персии, Туркестане и в других прилегающих районах.

развитые чувства слуха и зрения и на свою способность к очень быстрому бегу и не менее быстрому полету.

Разбиваются на пары горные курочки в марте; в средине или в конце мая самка откладывает в простую ямку, под каким-нибудь камнем или скалой, 8-15 яиц, по форме очень похожих на яйца куропаток, но отличающихся от них пятнистостью и более крупной величиной, из которых недели через три выводятся цыплята. Едва обсохнув, цыплята начинают бегать, а дней через 5 и перелетать небольшие расстояния. В начале июля цыплята достигают половины величины взрослой птицы, а к середине августа их при взлете не отличить от стариков. Молодые курочки отличаются по оперению от старых тем, что на боках у них нет красивых палево-белых, окаймленных черной каймой полос, горло их грязно-серого цвета, нет воротника и весь тон оперения более грязный, без голубоватых тонов, свойственных старым птицам, а спина и зоб кое-где покрыты перьями с светлыми каплевидными вершинами. Держатся курочки весь год, кроме периода вывода птенцов, небольшими табунками в 8-20 особей в каждом, никогда не собираясь, как это делают иногда серые куропатки, в стаи до 200 и более штук. Очень часто, на месте водопадов, в местах ночевок, несколько табунов собираются вместе, но сейчас же расходятся каждый порознь. Как мы уже говорили, курочки очень подвижны и крикливы, и их крик слышится целыми днями. Голос молодых отличен от взрослых и более всего напоминает "чирчик" куропаток, но глуше и тише последнего.

Посмотрим, как проводит свой день выводок курочек примерно в конце июля месяца, когда молодежь набралась уже вполне сил.

Для того чтобы наблюдать их, выйдем из аула еще до появления первых признаков рассвета, когда яркие южные звезды светят с темного черно-синего неба, когда с моря долетят первые дуновения легкого, предутреннего ветерка и зашумят в больших листьях старых орехов и каштанов. Вот сады, обычно окружающие все аулы срединного Дагестана, остались сзади нас, скоро мы и у цели. Выбрав какой-нибудь густой куст держи-дерева с мягкий дерном перед ним и устроившись поудобнее, вооружившись биноклем и терпением, давайте ждать. Вдали, где ущелье выходит к морю, горизонт посветлел, а вслед за этим и звезды начали делаться все менее и менее ярки. Пока все еще тихо. Но вот на краю ущелья, где острые зубцы скал торчат вверх, точно пальцы какого-нибудь чудовища, послышалась звонкая песнь какой-то птички – это чекан плешанка, первый проснулся и приветствует начинающийся день, из каменистой балки ему отозвалась другая птичка – это синий каменный дрозд, а вон из под обломка скалы, почти у самой вершины горы, на плоскую площадку выбежали и курочки, и сразу же все уще-

лье, все утесы и скалы наполнились их коканьем. Покричав и обчистившись немного, все птицы шумными стаями на крыльях понеслись вниз в долину на сжатые хлебные нивы, на бахчи, на посевы проса и на вспаханные под озими поля и начали кормиться*. Стайки их разбегаются, склонив головки к земле, по всему полю, но время от времени то одна, то другая птица, прекратив еду, останавливается неподвижно и обращается вся в слух и внимание, если где-нибудь вблизи покажется арба с человеком, или лунь налетит на кормящихся птиц, они сбегаются все вместе и серой кучкой торопливо бегут под прикрытие какого-нибудь куста или скалы. Покормившись часов до 9 утра, птицы направляются на водопой, если родник бьет где-нибудь близко, то пешком, если же далеко – то часть пути на крыльях. Курочки особенно любят собираться у самого истока родника, и здесь их всегда можно бывает видеть особенно большими обществами. Однажды у аула Карабудах-Кент (Дагестан) я вспугнул из одного места у начала родника не менее 150-200 штук их.

Здесь, напившись воды, курочки проводят всю жаркую половину дня, купаясь в пыли, отдыхая под кустам терновника и держи-дерева и чистя свои перья. Часам к 4 они снова направляются на свои пастбища, а часам к 6 отправляются на ночлег в скалы или в глубокие обрывистые балки.

Охота на горных курочек особенно приятна в конце октября, когда нет уже летней томительной жары, а курочки все перелиняли в свой великолепный взрослый наряд. Охота за ними никогда не бывает добычливой – слишком хорошо бегают курочки и из-под стойки собаки успевают убежать за 40 и более шагов, да и само лазанье, то вверх, то вниз по крутым осыпям и склонам очень утомительно. Лучше всего охотиться за ними, как и за куропатками, в самую жаркую пору дня, когда они отдыхают в тенистых местах и у водопоев, только здесь можно получить удовольствие сделать дуплет из-под стойки по курочкам, но в повадках птиц много различий, укажу на главнейшие: известно, что сгоняемый в первый раз табун куропаток поднимается сразу, все птицы летят вместе, и "разбить" такой табунок можно после трех, четырех удачных выстрелов, курочки же с первого раза поднимаются вразброд по 2-4 птицы и летят сразу же в разные стороны. Если табун куропаток садится в поле в какой-нибудь густой куст, можно с уверенностью спокойно идти к кусту и непременно застать куропаток в нем, курочек же, севших в такое же точно место, никогда там не найдешь, ибо они сейчас

* В литературе есть указание на чрезвычайную драчливость горных курочек, я довольно много видел их на воле в разные времена года и ни разу не видел их дерущимися. В неволе же они дерутся постоянно, но не жестоко.

же начинают бежать дальше, совершено не заботясь о том, что кругом место открытое. Курочку с перебитым крылом, упавшую в кусты держи-дерева, даже, при помощи собаки поймать невозможно, так она быстро бегает. (Бегущую по полю курочку не всегда удается нагнать при преследовании бегом). Поэтому на охоте за ними пропадает много подранков. Стрельба курочек довольно трудна, так как они обладают очень быстрым полетом, гораздо более быстрым, чем полет куропаток. Лезгины и аварцы иногда охотятся на курочек при помощи ястребов-тетеревятников, я много раз видел этих птиц у аварцев охотников, но самого процесса охоты не видел и поэтому о ней ничего сказать не могу. Но известно, что чем труднее охота, тем больше удовольствия она доставляет, а когда ее объектом является такая красивая птичка с красными ногами и клювом, с ярким оперением, такая милая по своим повадками и образу жизни, то добычливость здесь явилась бы скорее минусом, чем плюсом.

Я много поездил по нашей стране, много наблюдал птиц и зверей и, когда взглянув на карту, я вспоминаю места, где я был, то вероятно, как и у многих натуралистов-охотников, большинство их ассоциируется у меня в памяти с теми зверями и птицами, которых я в них видел; и вот, когда я гляжу на карту срединного Дагестана, то невольно у меня перед глазами встают дикие ущелья, колючие кусты астрагала, желтые скалы на фоне вечернего неба, а на них непременно силуэты горных курочек, и я явственно слышу их бодрое и звонкое коканье.

Да, хорошая страна Дагестан!

Л.Б. Беме.

Владикавказ – апрель 1926.

УДК 598.279.24 (470+477+574)

Дербник на южной границе ареала

В.П. Белик
Южный федеральный университет
vpbelik@mail.ru

The Merlin on the southern border of the range. **– Belik V.P. –** Analysis of the literature data suggests that in the middle of the 19th century the breeding area of the Merlin included the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe to the west to the Dnieper River. Later the border of the range gradually retreated to the east and now it passes probably along the Volga-Ural interfluve. In the past in this territory apparently the steppe subspecies *F. c. pallidus* lived. The reasons for the reduction of the range may be associated with a decrease in the forage reserve, as well as with competition from the Hobby.

Key words: Merlin, *Falco columbarius*, distribution, reduction of the range.

В последних сводках по орнитофауне Северной Евразии указывается, что дербник *Falco columbarius aesalon* распространен от Прибалтики к востоку до бассейна Енисея и Байкала, к югу – до Латвии, Минской, Смоленской, Московской и Рязанской обл., района Казани, а на Урале – до 55-й параллели; степной же подвид *F. c. pallidus* обитает от долины Урала к востоку до западных предгорий Алтая и к северу до 54-55-й параллелей (Степанян, 2003). Кроме того, с середины XX века дербники гнездятся на востоке Литвы (Raudonikis, 2007), а с конца XX века их отмечают летом и в Калининградской обл. (Grišanov u.a., 2015).

Указанные выше представления Л.С. Степаняна (2003) сложились во многом, по-видимому, под влиянием взглядов Г.П. Дементьева (1951, с.137), считавшего, что указания о гнездовании дербника в Тульской и Тамбовской обл. требуют подтверждения, а сведения о его гнездовании на Украине (на границе Полтавской и Харьковской обл., в Черниговской обл. и на Дону) были вовсе каким-то недоразумением. Это же мнение фактически полностью отразил в сводке о хищных птицах Украины также В.М. Зубаровский (1977).

Однако авторы недавней монографии о дербнике (Морозов, Брагин, Ивановский, 2013), проанализировавшие данные Н.А. Зарудного (1888, 1892, 1911) и Н.Н. Сомова (1897) о находках гнездовий дербника во второй половине XIX века в Днепропетровской, Полтавской и Харьковской обл., пришли к несколько иной точке зрения, сделав обоснованное заключение о сокращении численности и исчезновении этого вида на Украине в конце XIX века.

Н.Н. Сомов (1897) привел сведения профессора Н.Ф. Белецкого о гнездовании дербника на р. Самара в Новомосковском районе Днепро-

петровской обл., где в 1870-е годы этот сокол был даже нередок. Одновременно появились публикации о находках гнезд дербника в долине р. Орчик, притока Орели в бассейне Днепра (Зарудный, 1888, 1892, 1911; Сомов, 1897). Там в окрестностях сёл Гряково и Ольховатка в Валковском уезде Харьковской губернии и Константиноградском уезде Полтавской губернии в 1869 и 1875 гг. эти птицы были нередки, и из их гнёзд неоднократно брали птенцов для воспитания в неволе. А в 1890-1891 гг. на р. Орчик Н.А. Зарудный добыл несколько дербников, но не препарировал их. Однако птицы к тому времени стали уже очень редки; ни разу не отмечали их гнездовий тогда и в других районах Харьковской губернии (Сомов, 1897). Интересно заметить, что и на Самаре, и на Орчике дербники в XIX веке гнездились в сходных биотопах: в заболоченных ольшаниках в речных поймах и долинах рек с песчаными террасами.

Подтвердив сведения о гнездовании дербника в XIX веке на Украине, В.В. Морозов с соавт. (2013, с.129) отметили далее, что какие-либо материалы о гнездовании этого вида в других областях, лежащих к востоку от Харьковской обл. (на территориях современных Луганской обл. Украины, Воронежской, Ростовской, Саратовской и Волгоградской обл. России) отсутствуют (рис.1).

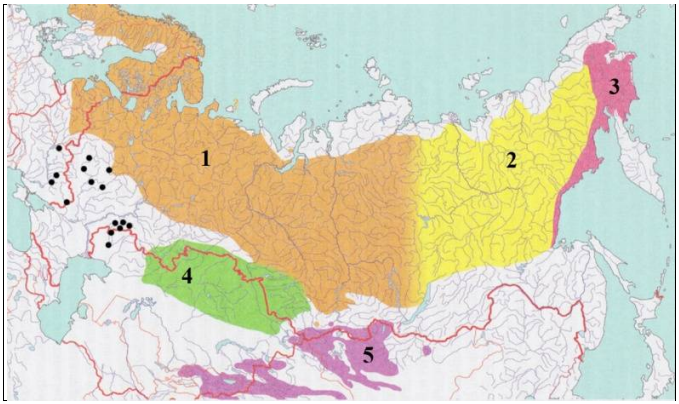


Рис. 1. Гнездовой ареал дербника *Falco columbarius* в Северной Евразии (по: Морозов и др., 2013; с дополнениями).
1 – *F. c. aesalon*; 2 – *F. c. insignis*; 3 – *F. c. pacificus*; 4 – *F. c. pallidus*; 5 – *F. c. lymani*.
Точками показаны места находок по литературным данным (см. текст)

Однако авторам, по-видимому, остались не известны некоторые работы XIX–XX веков, в которых имелись указания о летнем пребывании и даже о гнездовании дербника в степной и лесостепной зонах Вос-

точной Европы. В этих работах зачастую нет конкретных фактических данных, подобных сведениям Н.А. Зарудного, тем не менее, в целом они позволяют сделать заключение о более широком распространении дербника на юге России в прошлом.

Так, П.Н. Данилов (Daniloff, 1864) в середине XIX века сообщал о гнездовании дербника в Орловской губернии. Н.П. Данилов-старший был известным в то время охотником и соколятником, а его сын рос и охотился вместе с отцом и вряд ли мог ошибаться в определении этого сокола. К довольно редким гнездящимся и правильно зимующим птицам юго-восточной части Орловской губернии относил дербника также С.И. Огнев (1908). О гнездовании дербника в Остерском уезде Черниговской губернии писал П.Г. Емельяненко (1916). М.А. Мензбир (1879, 1882) считал дербника обычным гнездящимся видом северных уездов Тульской губернии. На территории соседней Рязанской обл. во второй половине XIX – первой половине XX века, а также в 1960-1972 гг. дербник считался редким гнездящимся видом, но позже его отнесли к категории возможно гнездящихся, и встречи с ним стали единичными (Иванчев, 2005, 2011).

В Тамбовском крае, по данным С.А. Предтеченского (1928), дербник нередко наблюдался зимой, но отдельные экземпляры старых и молодых птиц встречались и летом, поэтому не исключалась возможность их гнездования в лесах Тамбовского уезда. Одна птица была добыта там 29.07.1917, а в общей таблице, посвященной птицам, автор характеризует этот вид как «зимующий, редкий летующий, гнездящийся?». В последней декаде августа 1942 г. три дербника, возможно выводок, в течение нескольких дней держались на лесной поляне в Воронежском заповеднике, пока не была добыта самка (Барабаш-Никифоров, Павловский, 1948; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963). Самка была добыта также 14/27.07.1910 на песчаной террасе Северского Донца у стан. Митякинской в Ростовской обл. на границе с Украиной (Аверин, 1911).

В Заволжье дербники неоднократно отмечались весной и летом 1960-1961 гг. в Духовницком, Пугачевском, Ивантеевском, Перелюбском и Озинском районах на востоке Саратовской обл. (Лебедева, 1961), а в Александровогайском р-не Саратовской обл. самец степного дербника наблюдался 07.05.2000 (Антончиков, Пискунов, 2003). Наконец, 20.04.1996 и 19.05.1996 дербники были 4 раза встречены мною в районе Камыш-Самарских озер в Волго-Уральском междуречье в Казахстане (Белик, 2008).

Два самца, подолгу сидевшие на земле на кочках, очевидно карауля жаворонков, в апреле наблюдались на соре у бывшего аула Тасты-Кулак. Обе птицы были очень светлыми, почти белыми снизу, и в поле

определены как *F. c. pallidus*. А в мае дербники 2 раза отмечены в песках к югу от с. Новая Казанка, где они охотились, стремительно летая невысоко над землей. Первая птица наблюдалась днем издали в бугристых песках, а второй самец вечером пролетел на окраине сора совсем близко от меня, так что его удалось хорошо рассмотреть. Вполне возможно, что это были местные гнездовые птицы, заселявшие многочисленные гнезда хищных птиц или сорок на кустах тамарикса и джузгуна вокруг соров и среди песков (Белик, 2008).

Следует заметить, что эти местообитания во многом напоминали характерные стации дербников в Наурзумском заповеднике Казахстана, где они предпочитают участки крупнобугристых песков с мелкими берёзовыми и осиновыми колками по западинам и с куртинами сосен на буграх (Морозов и др., 2013).

Таким образом, сейчас можно полагать, что в середине XIX века дербники были распространены по степной зоне к западу до Днепра, в начале XX века – до Северского Донца, в середине XX века – до Верхнего Дона, а в настоящее время они еще гнездятся, возможно, в Заволжье – по Узеням и по северной кромке Волго-Уральских песков (рис.1). Но везде они, как реликтовая форма, на границах ареала были крайне редки и, очевидно, легко ускользали от внимания немногочисленных исследователей.

Касаясь подвидового статуса дербников, обитавших в прошлом на Украине, В.В. Морозов с соавт. (2013) сослались на мнение М.В. Баника, считавшего, что это были, вероятно, птицы подвида *F. c. aesalon*. Свою точку зрения М.В. Баник аргументировал не совсем корректными аналогиями, сравнивая дербника с гоголем (*Bucephala clangula*) и луткoм (*Mergus albellus*), которые, действительно, по поймам крупных южных рек – Днепра, Дона, Волги – проникают далеко в глубь степной зоны. Однако значительно уместнее было бы сопоставить распространение дербника со степными птицами, тоже сократившими свое присутствие на западной границе ареала в XIX–XX веках: степным лунем (*Circus macrourus*), степным орлом (*Aquila nipalensis*), стрепетом (*Tetrax tetrax*), красавкой (*Anthropoides virgo*), степной тиркушкой (*Glareola nordmanni*), кречеткой (*Chettusia gregaria*), большим и средним кроншнепами (*Numenius arquata* и *N. phaeopus*), некоторыми жаворонками и др.

Кроме того, имеются прямые указания о встречах степного дербника *F. c. pallidus* в Полтавской обл. (Гавриленко, 1929, 1958), которые, правда, позже оспаривались В.М. Зубаровским (1977). Но гнездование степного дербника в Полтавской губернии косвенно подтверждают и слова Н.А. Зарудного, который сообщал, что не препарировал добытых там птиц, поскольку имел в своей коллекции много дербников из Орен-

бургской губернии (Сомов, 1897). И сейчас вряд ли можно полагать, что этот чрезвычайно наблюдательный натуралист просто не заметил различий между полтавскими и оренбургскими птицами. Скорее – наоборот!

Следует коснуться также вопроса о возможных причинах исчезновения дербника из европейских степей. Ранее данная проблема никем не анализировалась, и поэтому в настоящее время об этом можно говорить только в виде очень осторожных гипотез. Среди них – вероятное сокращение кормовой базы вследствие снижения численности мелких степных птиц (жаворонков, коньков, каменок) и грызунов (мышовок, пеструшек, полевок и др.) после распашки целины, изменений климата и других причин (см.: Белик, 2000, 2015 и др.).

О резких, почти 10-кратных колебаниях численности дербника, наблюдавшихся на севере Белоруссии в связи с динамикой популяций полёвок рода *Microtus*, сообщают, например, В.В. Морозов с соавт. (2013), что позволяет предполагать важную роль этих грызунов в трофике дербника. Об этом же свидетельствует и увеличение его плодовитости в леммингговые годы, когда появляются кладки из 6-7 яиц (Дементьев, 1951; Морозов и др., 2013).

По-видимому, и характерная для дербника охота из засады на земле связана не только с выслеживанием жаворонков, но и грызунов. Так, например, в огромной колонии обыкновенных полёвок (*Microtus arvalis*) в Болгарии 09.12.1974 охотилось сразу до 5 дербников, карауливших зверьков возле их нор (Нанкинов, 2009).

Кроме кормовой базы на численности дербника могла сказаться и конкуренция с экологически близким чеглоком (*Falco subbuteo*) – значительно более сильной и агрессивной птицей, чем дербник. О конкурентных взаимоотношениях этих двух видов, об их частичной аллопатрии и аллобиотопии вкратце писал еще В.М. Галушин (1980). К этому можно добавить также и сезонный викариат чеглока и дербника на юге Европы.

Усиление же конкуренции этих видов в XIX веке могло быть обусловлено расселением и увеличением численности чеглока в степной, да и в лесной зоне, связанным с ростом городов и сёл и обитающих в них популяций городской и деревенской ласточек (*Delichon urbica* и *Hirundo rustica*), служащих чеглоку важными кормовыми объектами. Кроме того, рост людского населения в европейской части России повсеместно сопровождался вырубкой лесов, особенно вдоль рек, что расширяло жизненное пространство также и для ласточки-береговушки (*Riparia riparia*) – еще одного важнейшего трофического ресурса чеглоков.

В последние десятилетия на юге России местами наметились негативные тенденции в популяциях чеглока, возможно – как ответ на

депрессию численности многих видов ласточек (Белик и др., 2003). В связи с этим в ближайшем будущем не исключено восстановление гнездовий дербника в европейских степях за счет его расселения из Казахстана на запад.

К сожалению, детальные анализы многовековой динамики ареала и численности чеглока нам неизвестны, и изложенные выше выводы остаются пока не более чем рабочие гипотезы. Пользуясь возможностью, хочу поблагодарить здесь В.С. Сарычева, в немалой степени способствовавшего подготовке данной работы, а также Е.А. Брагина и Г.В. Гришанова за ценные консультации.

Литература

Аверин В.Г., 1911. Орнитологические наблюдения летом 1909 и 1910 гг. в окрестностях станицы Митякинской, Донецкого округа области Войска Донского // Тр. Об-ва испытателей природы при Харьков. ун-те, т.44, прил.- С.258-285.

Антончиков А.Н., Пискунов В.В., 2003. Численность хищных птиц, гнездящихся в Саратовской области // Материалы 4 конф. по хищным птицам Сев. Евразии.- Пенза.- С.127-129.

Барабаш-Никифоров И.И., Павловский Н.К., 1948. Фауна наземных позвоночных Воронежского государственного заповедника // Труды Воронежского заповедника, вып.2.- Воронеж: Воронеж. обл. кн. изд-во.- С.7-128.

Барабаш-Никифоров И.И., Семаго Л.Л., 1963. Птицы юго-востока Черноземного центра.- Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.- 212 с.

Белик В.П., 2000. Птицы степного Придонья: Формирование фауны, ее антропогенная трансформация и вопросы охраны.- Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ.- 376 с.

Белик В.П., 2008. Материалы к мониторингу орнитофауны Камыш-Самарских озер (Западный Казахстан) // Стрепет, т.6, вып.2.- С.5-28.

Белик В.П., 2015. Степные птицы в XXI веке: проблемы и перспективы // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Материалы Международной конф.- Ростов н/Д.: Академцентр.- С.11-37.

Белик В.П., Поливанов В.М., Тильба П.А., Джамирзоев Г.С., Музаев В.М. и др., 2003. Современные популяционные тренды гнездящихся птиц Южной России // Стрепет, вып.1.- С.10-30.

Гавриленко Н.И., 1929. Птицы Полтавщины.- Полтава.- 133 с.

Гавриленко М.І., 1958. Нові та маловідомі птахи Полтавщини // Матеріали про охорону природи на Україні, вип.1.- К.: Видавництво АН УРСР.- С.96-111.

Галушин В.М., 1980. Хищные птицы леса: Жизнеописания, проблемы, решения.- М.: Лесн. промышленность.- 158 с.

Дементьев Г.П., 1951. Отряд хищные птицы // Птицы Сов. Союза, т.1.- М.: Сов. наука.- С.70-341.

Емельяненко П.Г., 1916. Птицы Остерского уезда Черниговской губернии // Птицеведение и птицеводство, т.7, вып.3.- С.106-172.

Зарудный Н.А., 1888. Орнитологическая фауна Оренбургского края // Записки Импер. Академии Наук. Приложение к тому LVII, № 1.- СПб.- 338 с.

Зарудный Н.А., 1892. Птицы долины р. Орчика и окололежащей степи // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отдел зоол., вып.1.- С.138-155.

Зарудный Н.А., 1911. Несколько заметок по орнитофауне Харьковской и Полтавской губерний // Орнитол. вестник, № 3-4.- С.272-277.

Зубаровський В.М., 1977. Фауна України, т.5: Птахи, вип.2: Хижі птахи. - Київ: Наук. думка.- 331 с.

Иванчев В.П., 2005. Динамика орнитофауны Рязанской области (с конца XIX до начала XXI вв.) // Труды Окского заповедника, вып.24.- С.534-567.

Иванчев В.П., 2011. Дербник // Красная книга Рязанск. обл.- 2-е изд.- Рязань.- С.84.

Лебедева Л.А., 1961. К вопросу о видовом составе и распространении птиц в саратовском Заволжье // Распространение ценных и ограничение распространения вредных животных в Саратов. обл.: Тез. науч.-произв. совещ.- Саратов.- С.11-14.

Мензбир М., 1879. Орнитологическая фауна Тульской губернии // Bull. de la Soc. Imper. des Naturalistes de Moscou, т.54, № 2.- С.307-423.

Мензбир М.А., 1882. Орнитологическая география Европейской России, ч.1.- М.- 525 с. (с.303)

Морозов В.В., Брагин Е.А., Ивановский В.В., 2013. Дербник.- Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова.- 180 с.

Нанкинов Д.Н., 2009. Дербник *Falco columbarius* в Болгарии // Русский орнитол. журнал, т.18, № 475.- С.547-555.

Огнев С.И., 1908. Материалы для фауны зверей, птиц и гадов юго-восточной части Орловской губернии // Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т.98, труды зоол. отделения, т.13.- С.10-63.

Предтеченский С.А., 1928. О фауне наземных позвоночных Тамбовского края // Изв. Тамбовского об-ва изучения природы и культуры местного края, № 3.- С.3-31.

Сомов Н.Н., 1897. Орнитологическая фауна Харьковской губернии.- Харьков.- 680 с.

Степанян Л.С., 2003. Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области).- М.: Академкнига.- 808 с.

Daniloff P., 1864. Catalogue des oiseaux, de la partie sud-est du gouvernement d`Orel // Bull. de la Soc. Imper. des Naturalistes de Moscou.- P.452-464.

Grišanov G.V., Grišanova J.N., Alex U., 2015. Die Avifauna der Hochmoore des Kaliningrader Gebietes – ein Blick in die Vergangenheit und in die Gegenwart // Ornithologische Mitteilungen, T.67, № 9/10.- S.231-250.

Raudonikis L., 2007. Startsakalis *Falco columbarius* Linnaeus, 1758 // Red data book of Lithuania.- Kaunas: «Lutute».- P.204.

Охраняемые птицы

УДК 598.279.24 (574.5+575.1-4)

Лаггар на юге Северной Евразии

Э.А. Рустамов, С.Л. Скляренко
Мензбировское орнитологическое общество
elldaru@mail.ru

The Laggar Falcon in the South Eurasia. – Rustamov E.A., Sklyarenko S.L. – The distribution, habitats, population, ecology, economic value and protection issues and records of the Laggar Falcon in Central Asia are described together with morphological and field features and moult in the paper. The article is an abbreviated version of the species account on the Laggar Falcon prepared for the book «Birds of Russia and adjacent regions».

Key words: Laggar Falcon, *Falco jugger*, distribution, habitats, population, ecology, Central Asia.

Лаггар (*Falco jugger*) в основной части своего распространения – оседлый вид (Brown, Amadon, 1968; Roberts, 1991; Naoroji, 2006), но на севере ареала – в пределах Средней Азии – его гнездование не доказано. Здесь он совершает, вероятно, лишь местные кочевки.

Общая характеристика и полевые признаки. Лаггар крупнее пустельги (*Falco tinnunculus*), но мельче балобана (*Falco cherrug*), с которым очень схож, однако стройнее его и легче в полёте. В окраске взрослых птиц характерен белый низ, тогда как у балобана низ желтоватый, обычно с бурыми пятнами (Корелов, 1962). Для лаггара характерны также бурые бока тела и одноцветные бурые «штаны». Крылья длиннее, чем у балобана, а хвост менее закруглен. Голос – продолжительное и пронзительное «ви – ии – ии» (Ali Salim, 1964).

Описание. Взрослые птицы на спинной стороне серовато-бурые, на темени с беловатыми каймами перьев; на нижней стороне – белые с бурыми боками, иногда с бурыми пестринами на брюхе и груди. Средние рулевые одноцветно бурые, остальные – бурые с беловатыми поперечными полосами на внутренних опахалах (Дементьев, 1951). Удлиненные перья на голенях, «штаны» – бурые. Радужина темнобурая, клюв голубоватый, к концу черный, когти черные. Восковица и ноги желтые, у молодых голубоватые (Корелов, 1962). Молодые птицы в годовом наряде сверху бурые с рыжими каймами, а снизу охристо-беловатые с широкими продольными полосами бурого цвета.

Внутреннее опахало второго первостепенного махового обычно без вырезки, цевка оперена только в верхней трети, наружный палец заметно длиннее внутреннего (Дементьев, 1951). Размеры: крыло самцов – 305-335 мм, самок – 323-375 мм; хвост самцов – 164-187 мм, самок – 169-210 мм; цевка – 46-54 мм; масса – 525-850 г (Иванов и др., 1951; Дементьев, Рустамов, 1957; Корелов, 1962; Ferguson-Lees, Christie, 2001). Размер взрослых птиц из Индии – 430-460 мм (Grimmet, Inskipp, Inskipp, 1999).

Линька. Обе самки из предгорий Восточного Копетдага были линными: у первой сменялись мелкое перо и седьмые первостепенные маховые перья, а также рулевые с одной стороны; у второй птицы также сменялись мелкое перо на теле, четвертые-седьмые первостепенные маховые и средние рулевые, которые выпали (Дементьев, Рустамов, 1957). Добытые 10.05.1949 и 24.06.1949 в 30-40 км к югу от Газни на юге Афганистана самец и самка оказались молодыми особями, у которых сменялось мелкое оперение тела (Paludan, 1959), а у молодого самца, доставленного в начале апреля 1955 г. из окрестностей Ташкента в зоопарк, 29.09.1955 наблюдалась смена мелкого оперения на спинной стороне тела (Дементьев, Рустамов, 1957).

Распространение. На юге Средней Азии находится северный предел распространения лаггара, ареал которого охватывает равнинные части Индии, за исключением крайних южных, восточных и северных областей (Ali, 1964; Ali, Ripley, 1968, 1978; Grimmet, Inskipp, Inskipp, 1999), южные и северо-восточные районы Пакистана и юго-восточные Афганистана, где его добывали, в частности, у Джелалабада (Meinertzhagen, 1938, 1939) и Газни (Paludan, 1959). В Средней Азии этот сокол всегда имел ограниченное распространение, встречался лишь в предгорьях Восточного Копетдага у села Чаача, на верхней Сырдарье у пос. Чиназ и в долине Чирчика у г. Ташкент (Дементьев, 1951; Дементьев, Рустамов, 1957), возможно – на хребте Каратау в Южном Казахстане, в долинах Ангрена и Ферганы в Восточном Узбекистане (Зарудный, 1911; Корелов, 1962; Митропольский, Фоттеллер, Третьяков, 1987).

Таким образом, учитывая низкую численность лаггара на краю ареала, его распространение в Средней Азии весьма спорадично (рис.1). Например, он никогда не регистрировался в Бадхызе (Сухинин, 1971, 1979), несмотря на подходящие условия обитания, относительную близость к основной части ареала и хорошую изученность бадхызской авифауны, но вместе с тем отмечался в северных предгорьях Восточного Копетдага.

Местообитания. В Средней Азии, судя по всему, для этого сокола наиболее подходящими местообитаниями являются аридные предго-

рья и адыры, но не исключено, что он может быть встречен в оазисах и речных долинах. В основной части ареала – в Индостане, лаггар обитает на равнинах и в предгорьях, а в горах, например в Гималаях, – не выше 1000 м. Населяет в основном открытые аридные ландшафты – кустарниковые полупустыни, сельскохозяйственные массивы с отдельными деревьями и разреженные леса; легко мирится с присутствием человека, гнездясь в городах и поселках и их окрестностях, но избегает густонаселенных мест с сильным фактором беспокойства (Ali, 1964; Ali, Ripley, 1968, 1978; Cade, 1982; Roberts, 1991; Grimmet, Inskipp, Inskipp, 1999; Naoroji, 2006).

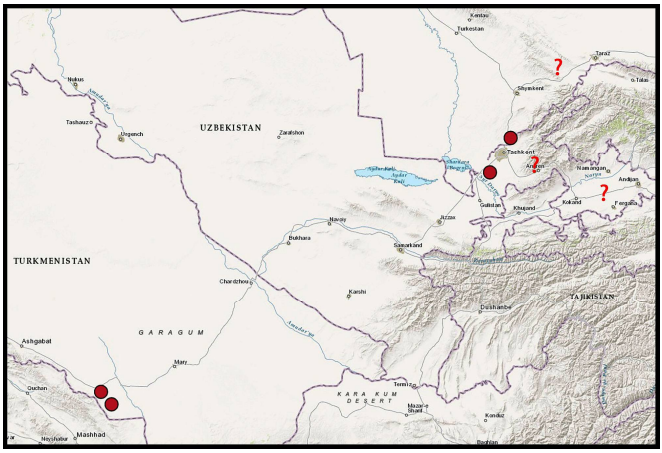


Рис.1. Известные места встреч лаггара в Средней Азии

Численность. Численность в Средней Азии крайне низкая, так как лаггар распространен здесь у северного предела своего ареала. В этом регионе известен лишь по четырем достоверным находкам: двум из Восточного Узбекистана: 26.04 / 08.05.1878 у пос. Чиназ (Мензбир, 1916) и в начале апреля 1955 г. в окрестностях г. Ташкент, а также двум из одного и того же места в Южной Туркмении – 14.04.1946 и 21.05.1955 в 25 км восточнее села Чаача (Дементьев, Рустамов, 1957). Частота встреч могла быть, по-видимому, выше, если допустить, что лаггара в полевых условиях могли путать с очень близким видом – балобаном. Поэтому, как справедливо подмечает О.В. Митропольский с соавторами (1987), необходимо обращать внимание на случаи гнездования птиц «типа балобанов», особенно на деревьях, поскольку балобан на юге Средней Азии свои гнезда на деревьях не устраивает. В любом случае, необходимо накопление новых данных.

В Индостане в 1960-е годы считался одним из обычнейших соколов (Ali, 1964), в 1970-х годах мировая популяция оценивалась в 10.000-25.000 пар или более (Cade, 1982; Ferguson-Lees, Christie, 2001), в начале XXI века наблюдается ее сокращение (BirdLife, 2010). Из неблагоприятных факторов, влияющих на состояние численности, отмечено браконьерство и отлов этого сокола, которого можно рассматривать как ловчую птицу наряду с балобаном и шахином (*Falco pelegrinoides*). В качестве основной угрозы рассматривается интенсификация использования пестицидов на Индостане. Так, в Пакистане с 1981 по 1992 г. оно возросло в 7 раз (BirdLife, 2018).

Размножение. Данные по размножению лаггара в Средней Азии крайне скудны. Здесь местами для устройства гнезд могут быть минареты или другие постройки. Возможно, лаггару принадлежало гнездо, обнаруженное в начале июня 1983 г. (но, к сожалению, разоренное) на верху башни испарителя Ангренской ТЭЦ в Узбекистане (Митропольский, Фоттеллер, Третьяков, 1987). В индийской части ареала эти сокола используют для гнездования высокие деревья, а также ниши и выступы утесов, зданий и башен, крутые речные обрывы. Как и другие крупные сокола, они занимают гнезда других видов хищных птиц (чаще коршунов *Milvus migrans*) или врановых, но иногда откладывают яйца на почти голую поверхность (Ali, 1964; Brown, Amadon, 1968). Сами гнезд не строят (Brown, Amadon, 1968; Naoroji, 2006), хотя есть наблюдения, что лаггары могут, по меньшей мере, достраивать и ремонтировать гнездо (Roberts, 1991).

В кладке 2-5, чаще – 3-4 яйца, обычно розовато-бежевого цвета с густыми красновато-коричневыми пятнами (Ali, 1964; Brown, Amadon, 1968). Их размеры 39,9×51,1 мм (Мензбир, 1916), а по данным из Индостана – 36,2-41,7×46,5-54,7, в среднем (n=65) – 39,3×49,8 мм (Brown, Amadon, 1968). Кладку начинают с января, но большинство пар в феврале, иногда в марте - апреле, а отдельные пары на северо-западе ареала – даже в мае (Brown, Amadon, 1968).

В Средней Азии сезон размножения приходится на апрель-май: встречи взрослых самок с наседными пятнами датируются 14.04.1946 и 21.05.1955, а встречи молодых – в конце октября 1908 г., конце июля 1909 г. и начале апреля 1955 г. (Дементьев, Рустамов, 1957). В Южном Афганистане молодые с неразвитыми гонадами отмечены 10.05.1949 и 24.06.1949 (Paludan, 1959). Насиживает в основном самка, птенцов выкармливают оба родителя (Ali, 1964; Roberts, 1991).

Опубликованные данные о гнездовании лаггара в Дагестане (Гусев, Штегман, 1959) оказались ошибочными, поскольку добытые там птицы (коллекция ЗИН РАН), за которыми авторы вели наблюдения,

переопределены В.М. Лоскотом как *Falco cherrug* (Коблик, Редькин, Архипов, 2006).

Питание. Способы добычи корма обусловливают достаточно широкий спектр питания лаггара, который включает как насекомых, так и позвоночных животных – ящериц, птиц мелких и средних размеров (трясогузки, коньки, бюльбюли, скворцы, сизоворонки, голуби, грачи и др.), мелких млекопитающих, в основном грызунов (суслики, песчанки). У населенных пунктов основной корм – сизые голуби *Columba livia* (Дементьев, 1951, 1952; Paludan, 1959; Ali, 1964; Ali, Ripley, 1968, 1978; Brown, Amadon, 1968).

Враги, неблагоприятные факторы. Браконьерский отлов и контрабанда этого сокола, которого, наряду с балобаном и шахином, можно рассматривать как ловчую птицу, наносят непоправимый урон и без того крайне низкой популяции вида в Средней Азии.

Хозяйственное значение и охрана. В силу большой редкости практическое значение ничтожно мало. Может быть использован в соколиной охоте, хотя обладает худшими ловчими качествами, чем балобан. Лаггар истребляет грызунов – переносчиков трансмиссивных заболеваний. В среднеазиатских странах был внесен лишь в Красную книгу Туркменистана (Рустамов, 1999), но в ее последующее издание (2011) лаггар не занесен. Включен в Приложение 1 Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), с 2004 г. со статусом «близкий к угрожаемому» (NT) включен в «Красный список» IUCN. Поселяясь в местах по соседству с человеком, лаггар менее осторожен, чем балобан. Необходима пропаганда охраны этой птицы, строгая регламентация соколиной охоты и контроль за использованием пестицидов.

Литература

Гусев В.М., Штегман Б.К., 1959. Первые данные о гнездовании индийского балобана в пределах СССР // Докл. АН СССР. Нов. сер., т.126, № 2.- С.432-434.

Дементьев Г.П., 1951. Отряд хищные птицы *Accipitres* или *Falconiformes* // Птицы Советского Союза, т.1. - М.: Сов. наука. - С.70-341.

Дементьев Г.П., 1952. Птицы Туркменистана. - Ашхабад: АН ТССР. - 547 с.

Дементьев Г.П., Рустамов А.К., 1957. О распространении сокола-лаггара (*Falco jugger* Gray) в Средней Азии // Зоол. журн., т.36, вып.5. - С.792-794.

Зарудный Н.А., 1911. Заметки по орнитологии Туркестана // Орнитол. вестник, № 1. - С.3-16.

Иванов А.И., Козлова Е.В., Портенко Л.А., Тугаринов А.Я., 1951. Птицы СССР, ч.1 // Определители по фауне СССР, издаваемые ЗИН АН СССР, т.39. - Л.: АН СССР. - 280 с.

Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю., 2006. Список птиц Российской Федерации. - М.: Товарищество научных изданий КМК. - 256 с.

Корелов М.Н., 1962. Отряд хищные птицы *Falconiformes* // Птицы Казахстана, т.2. - Алма-Ата: АН Каз.ССР. - С.488-707.

Мензбир М. А., 1916. Falconiformes, вып.1 // Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического Музея Императорской Академии Наук. Птицы (Aves), т.6.- Петроград. - 344 с.

Митропольский О.В., Фоттеллер Э.Р., Третьяков Г.П., 1987. Отряд соколообразные *Falconiformes* // Птицы Узбекистана, т.1. - Ташкент: Фан. - С.123-246.

Рустамов А.К., 1999. Лаггар *Falco jugger* Gray, 1834 // Красная книга Туркменистана, т.1. - Ашхабад: Туркменистан. - С.244.

Сухинин А.Н., 1971. Экология сов и хищных птиц Бадхыза (Юго-Восточная Туркмения). - Ашхабад: ЫЛым. - 100 с.

Сухинин А.Н., 1979. Видовой состав птиц Бадхыза // Охрана природы Туркменистана, вып.5. - Ашхабад: ЫЛым. - С.36-45.

Ali S., 1964. The Book of Indian Birds. - Bombay: BNHS. - 162 p.

Ali S., Ripley D.S., 1968. Handbook of the birds of India and Pakistan, v.1: Divers to Hawks. – Bombay: Oxford University Press. - 380 p.

Ali S., Ripley, D.S., 1978. Dillon Handbook of the Birds of India and Pakistan: Together With Those of Bangladesh, Nepal, Bhutan and Sri Lanka, Volume Divers to Hawks.- Delhi, London, New York: Oxford University Press. - 444 p.

BirdLife International (2018) IUCN Red List for birds. Downloaded from http://www.birdlife.org on 11/11/2018.

Brown L., Amadon D., 1968. Eagles, Hawks and Falcons of the World, v.2. - New York: McGraw-Hill. - 946 p.

Cade T.J., 1982. The Falcons of the World.- Cornell University Press, Ithaca. - 192 p.

Ferguson-Lees J.I., Christie D.A, 2001. Raptors of the World.- London: A & C Black Publishers Ltd.- 992 p.

Grimmet R., Inskipp C., Inskipp T., 1999. Pocket Guide to the Birds of the Indian Subcontinent. Oxford UP. - 384 p.

Meinertzhagen R., 1938. On the Birds of Northern Afganistan // Ibis. - P.480-520, 671-717.

Meinertzhagen R., 1939. Notes of Afgan Birds // Ibis. - 347 p.

Naoroji R., 2006. Birds of Prey of the Indian Subcontinent. - Om Books International, New Delhi, India. - 692 p.

Paludan, K., 1959. On the birds of Afghanistan // Videnskabelige Meddelelser fra Dansk Naturhistorisk Forening, v.122. - Kobenhavn. - 322 p.

Roberts T.J., 1991. The birds of Pakistan, v.1: Non-Passeriformes. – Karachi: Oxford University Press. - 598 p.

УДК 598.292.2: (471.324+325)

К распространению и экологии серого сорокопута на юге Центрального Черноземья

А.Ю. Соколов
Государственный природный заповедник «Белогорье»
falcon209@mail.ru

Distribution and ecology aspects on the Great Grey Shrike in the south of the Central Black Earth Region. – Sokolov A.Yu. – Within Voronezh and Belgorod Regions, the Great Grey Shrike is a very rare breeding and common wintering species. The paper describes its breeding distribution and number in this territory, and also some aspects of its ecology and behavior.

Key words: Great Grey Shrike, *Lanius excubitor*, Voronezh Region, Belgorod Region, breeding number, nesting, wintering, hunting behavior.

Серый сорокопут включен в Красные книги Воронежской и Белгородской обл. как редкий вид с категорией III (Вакуленко, 2005; Соколов, 2012). При этом случаи его гнездования, носящие спорадический, не ежегодный характер, зарегистрированы только в границах Воронежской обл., а на территории Белгородской обл. известны лишь встречи птиц вне репродуктивного периода.

Примечательно, что с середины XIX в. и до начала 1960-х годов достоверные факты размножения этого сорокопута в Воронежской обл. тоже не указывались никем из авторов, проводивших здесь довольно объемные исследования (Северцов, 1950; Огнев, Воробьев, 1923; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963). Не исключено, однако, что из-за весьма низкой численности и крайней нерегулярности гнездования на юге Черноземья, размножавшиеся птицы попросту не встречались исследователям в годы их работы. Как показывают современные наблюдения в районах, где на протяжении последних трех десятилетий было отмечено наибольшее количество случаев гнездования, птицы могут по 5-10 лет не встречаться в репродуктивный период.

Прежняя оценка гнездовой численности в 10-15 пар для территории Воронежской области (Соколов, 2012), по-видимому, была несколько завышенной. Очевидно, что даже по самым оптимистичным прогнозам она едва ли превышает 5-10 пар в годы с оптимальными условиями (Соколов, в печати). Более всего фактов размножения было зарегистрировано в Хреновском бору и его ближайших окрестностях.

На первый взгляд, данное заключение может показаться субъективным по причине того, что Хреновской бор в бассейне р. Битюг является местом проведения сравнительно регулярных обследований, в отличие от ряда прочих перспективных в фаунистическом отношении

районов области. Однако более продолжительные и методичные наблюдения в Усманском бору на территории Воронежского заповедника свидетельствуют об обратном. В границах этого заповедника и на сопредельных территориях (с обилием потенциально подходящих гнездовых и охотничьих биотопов) с середины 1980-х годов были отмечены всего 2 достоверных случая размножения (Лихацкий, Венгеров, 1987; П.Д. Венгеров, устн. сообщ.). В то же время в Хреновском бору и на прилежащих участках долины р. Битюг на сегодняшний день зарегистрировано не менее 13 таких случаев (Соколов, 2012, в печати). Южнее этой территории достоверно известны лишь 2 встречи явно местных выводков (Сарычев, 1999; Химин, 2012).

В качестве гнездовых местообитаний в известных случаях птицы в равной степени использовали как опушки лиственных пойменных лесов, так и аренных сосняков. За единственным исключением размножающиеся пары на одних и тех же местах повторно никогда не регистрировались. Лишь в 2017 и 2018 гг. пара (очевидно, одна и та же) гнездилась на одном локальном участке Хреновского бора. Поскольку последний довольно регулярно посещается автором с 2005 г., можно с уверенностью говорить, что прежде сорокопуты здесь в течение длительного времени не встречались.

Участок представляет собой комплекс чередующихся песчаных холмов, образовавшихся в свое время вследствие эоловых процессов, и неглубоких котловин, общей площадью около 20-25 га, в разной степени заполняющихся водой в зависимости от уровня осадков. Несколько наиболее крупных соседних котловин при максимальном их заполнении (что случается с интервалами раз в 10-15 лет) образуют единый водоем – оз. Лебяжье, являющееся гидрологическим памятником природы регионального значения. В последние годы здесь после весеннего таяния снега до середины лета сохраняются лишь небольшие изолированные озерца.

Примерно 40-50 лет назад песчаные холмы почти сплошь были засажены сосной, однако к настоящему времени остались преимущественно одиночные, причем частично угнетенные деревья; основная же их масса выпала за последние 15-20 лет из-за поражения корневой губкой. Помимо сосны на данном участке произрастает дуб (тоже одиночными деревьями) и осина (небольшими группами во влажных понижениях); местами по берегам озер образуются куртины кустарниковой ивы (sp.).

В 2017 г. участок посещался только один раз – 4 июня. Практически в центре его на высоком сухом дереве были замечены 2 серых сорокопута, как выяснилось позже – взрослая птица и уже хорошо летавший птенец (рис.1). Сорокопуты подпустили к себе почти вплотную, чего прежде никогда не отмечалось (минимальная дистанция вспугивания

при встречах с серыми сорокопутами составляла обычно 70-100 м), после чего взрослая птица (по-видимому, самка), почти непрерывно издавая характерные тревожные сигналы, несколько раз слетала с дерева и зависала на высоте не более 10 м в трепещущем полете.

На ее голос вскоре прилетел и второй родитель, тоже начавший проявлять беспокойство. Птенец тем временем перелетал по соседним деревьям, усаживаясь преимущественно на крайние сухие ветки. Поиски в ближайших окрестностях других слетков в течение 20-25 минут положительных результатов не принесли. За это время птицы куда-то перелетели и больше в тот день обнаружены не были.

Рис. 1. Молодой сорокопут. Окр. оз. Лебяжье, Хреновской бор, Воронежская обл., 04.06.2017. Фото А. Соколова

В 2018 г. были предприняты целенаправленные поиски. Впервые участок посещался 23 апреля; была встречена как минимум одна птица. Во время следующего посещения – 30 апреля – отмечены уже оба партнера из пары, что позволило рассчитывать на возможность гнездования и в этот год. При этом попытки найти гнездо положительных результатов не принесли. Очередной визит состоялся 19 мая. Изначально на гнездовом участке был отмечен самец. Самка во время безуспешных поисков гнезда неоднократно вылетала, а затем вновь довольно скрытно удалялась.

По всем расчетам в это время в гнезде должны были находиться уже птенцы, однако при специальных наблюдениях с большой дистанции процедуру кормления зафиксировать так и не удалось. В течение примерно часа самец лишь дважды совершил охотничьи броски, но пойманную добычу (вероятно, крупных насекомых) съедал сам. Между тем, он несколько раз активно отгонял с участка самцов жулана.

Найти гнездо удалось только 26 мая. Место его расположения выдала самка, несколько раз прилетавшая кормить птенца, который, как и в предыдущем году, оказался в единственном числе. Очевидно, самке не оставляло большого труда прокормить его без помощи самца, чем, возможно, и объяснялась абсолютная пассивность последнего. Здесь следует обратить внимание на сравнительно маленькие размеры осталь-

ных выводков, зарегистрированных в регионе. В тех случаях, когда удалось отследить количество вылетевших птенцов, кроме описанных выше, отмечено по три выводка из 3-х и 2-х слетков и еще в одном случае был только 1 лётный птенец (Лихацкий, Венгеров, 1987; Сарычев, 1999; Турчин и др., 1999; Химин, 2012; П.Д. Венгеров, устн. сообщ.; данные автора).

Найденное в 2018 г. гнездо было устроено в верхней мутовке одиночной сосны, растущей посередине небольшой поляны (рис.2). Она была существенно ниже всех соседних деревьев (ее диаметр на уровне груди – 19 см) и имела наименее развитую крону, из-за чего во время поисков сначала была оставлена без внимания. Тем не менее, высота расположения гнезда составила около 7,5-8 м. Обнаружить его можно было только с близкого расстояния. Птенец был уже практически полностью оперившимся и готов к вылету. 12 июня на участке были встречены молодая птица и один из родителей. Следует отметить, что это единственный факт находки гнезда серого сорокопута в регионе; в остальных случаях поиски были либо безуспешными, либо регистрировались уже лишь лётные выводки.

Рис. 2. Гнездо серого сорокопута. Окр. оз. Лебяжье, Хреновской бор, Воронежская обл., 26.05.2018. Фото А. Соколова.

Характерной особенностью поведения взрослых сорокопутов на гнездовом участке является агрессивная реакция (в наблюдавшихся случаях – со стороны самца) на появление в относительной близости от гнезда (что фактически выдает наличие последнего) значительно превосходящих по размерам потенциальных врагов, в первую очередь – хищных птиц. Автором во время посещения гнездовых участков разных пар отмечено проявление агрессии по отношению к охотившейся по соседству самке болотного луня (*Circus aeruginosus*) и к пролетавшим

транзитом перепелятнику (*Accipiter nisus*) и канюку (*Buteo buteo*). Л.Л. Семаго (1986) в одном из очерков, посвященном паре могильников (*Aquila heliaca*), гнездившихся в 1980-е годы в Хреновском бору, подробно и эмоционально описал наблюдавшиеся им постоянные нападки сорокопута-самца на орлицу.

На юге Центрального Черноземья в период с середины - конца октября и по начало апреля довольно регулярно отмечаются встречи серых сорокопутов, не представляющие редкости в это время. Зимующие птицы держатся в различных естественных и в разной степени трансформированных биотопах: на пойменных лугах, в степных балках, на обширных полянах и пустошах в лесных массивах разного типа, на участках не распахиваемых угодий в агроценозах и непосредственно на сельскохозяйственных полях; иногда они залетают на окраины населенных пунктов. По данным зимних маршрутных учетов обилие сорокопута в разные годы и в разных стациях центральной части Воронежской области составляет от 0,1 до 3,0 ос./км^2 (Соколов, 2012).

Наиболее ранние осенние встречи зарегистрированы 07.10.2013 и 11.10.2018. В целом в первой половине октября они носят единичный характер; сравнительно массово птицы начинают появляться с конца этого месяца. Степень их привязанности к конкретным участкам на протяжении зимовки, по-видимому, определяется в первую очередь обилием потенциальной добычи. Во многих местах более-менее постоянных наблюдений птицы регистрируются при каждом посещении. Однако, безусловно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что это всегда одни и те же особи.

Как показывают наблюдения в центральной части Воронежской области, пищевой спектр серого сорокопута в зимний период включает доступные виды мелких грызунов, землероек, мелких воробьиных птиц. В частности, в качестве жертв непосредственно были отмечены полевая мышь (*Apodemus agrarius*), обыкновенная полевка (*Microtus arvalis*), обыкновенная бурозубка (*Sorex araneus*), чиж (*Spinus spinus*), зеленушка (*Chloris chloris*), черноголовый щегол (*Carduelis carduelis*), обыкновенная лазоревка (*Parus caeruleus*). Кроме того, автору неоднократно доводилось наблюдать попытки охоты сорокопутов на малого дятла (*Dendrocopos minor*).

Как известно, серый сорокопут чаще других представителей рода делает запасы пищи. Наиболее распространенным способом запасания является накалывание добычи на острые шипы деревьев или кустарников – дикой груши, лоха, боярышника, терна и т.п., реже – на обломанные сухие веточки других деревьев или грубые стебли бурьяна. Иногда, не имея возможности наколоть жертву, сорокопут зажимает ее в раз-

ветвлениях ветвей или стеблей (рис.3). Неоднократные подобные находки свидетельствуют о том, что добыча оставляется про запас не только в годы ее обилия. Примечательно, что среди запасов серого сорокопута удавалось находить только тушки млекопитающих; очевидно, пойманных птиц сорокопуты всегда съедают сразу.

Рис. 3. Запасы добычи серых сорокопутов. Бобровское Прибитюжье, Воронежская обл. Фото А. Соколова.

Основные способы охоты серого сорокопута неоднократно были описаны в литературе. При этом высматривание добычи перед броском с использованием зависания в трепещущем полете является довольно распространенным приемом, часто практикуемым большинством птиц при добывании грызунов. Но этот прием отнюдь не является необычным элементом охотничьего поведения данного вида, как считает Е.А. Попов (2017).

Значительно реже используется способ охоты «в угон» за летящими птицами. Между тем, несмотря на, казалось бы, далеко не самые впечатляющие летные возможности, сорокопуты нередко весьма настойчиво преследуют по воздуху потенциальную жертву на сравнительно большое расстояние – до сотни метров, а иногда и более того. Один из наблюдавшихся автором случаев такой охоты заслуживает более подробного описания.

Данные наблюдения были проведены 17.02. 2010 на опушке Хреновского бора в районе бывшего пос. Зеленый луг Бобровского р-на Воронежской обл. Изначально внимание привлекли звуки, издаваемые сорокопутом – характерное «журчащее» верещание. Как оказалось, птица подавала голос в полёте, преследуя в охотничьем броске щегла, который, спасаясь, тоже непрерывно кричал. В момент обнаружения птицы находились на высоте 80-100 м над землей; потенциальная жертва явно рассчитывала найти убежище в крайних рядах посадки сосны, до которых оставалось еще более 100 м.

Спустя несколько секунд с начала наблюдения к первому преследователю присоединился второй сорокопут, имевший заметно меньшие размеры. Он намеренно держался на некотором расстоянии чуть сбоку и пытался перехватить щегла, отрезая ему путь, когда тот совершал повороты в стороны. Вскоре второй сорокопут погоню прекратил; чем закончилась охота первого, проследить не удалось, поскольку птицы скрылись из вида за кронами сосен.

Вокализационная активность самцов в центральной части Воронежской области начинает проявляться обычно со второй половины февраля – т.е. фактически еще задолго до окончания зимовки. Между тем, сравнительно активно вокализирующих птиц в отдельных случаях автору доводилось слышать и в августе, и в начале ноября.

Зимующие серые сорокопуты на юге Центрального Черноземья в массе встречаются на протяжении большей части марта; наиболее поздние встречи обычно регистрируются до конца 1-й декады апреля. До этого времени птицы продолжают держаться в тех же биотопах, что и зимой – на полях, лугах, в балках и т.п., что однозначно исключает их гнездовой статус.

Литература

Барабаш-Никифоров И.И., Семаго Л.Л., 1963. Птицы юго-востока Черноземного центра. - Воронеж: Изд-во ВГУ. - 210 с.

Вакуленко А.Г., 2005. Серый сорокопут // Красная книга Белгород. обл.: Редкие и исчезающие растения, грибы, лишайники и животные.- Белгород.- С.499.

Лихацкий Ю.П., Венгеров П.Д., 1987. Дополнительные сведения о гнездящихся видах Воронежской области // Орнитология, вып.22. - С.185-186.

Огнев С.И., Воробьев К.А., 1923. Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии.- М.: «Новая деревня». - 225 с.

Попов Е.А., 2017. Наблюдение за трепещущим полётом серого сорокопута *Lanius excubitor* // Рус. орнитол. журн., т.26, эксп.-вып.1536.- С.5183-5184.

Сарычев В.С., 1999. Материалы по некоторым редким видам птиц Воронежской области // Редкие виды птиц и ценные орнитологические территории Центрального Черноземья.- Липецк.- С.69-71.

Северцов Н.А., 1950. Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии.- М.: Изд-во АН СССР.- 308 с.

Семаго Л.Л., 1986. Орел-могильник // Перо ковыля.- Воронеж: Изд-во ВГУ.- С.70-78.

Соколов А.Ю., 2012. Серый гусь, пискулька, белоглазый нырок, европейский тювик, дупель, степная тиркушка, серый сорокопут (Мат-лы к Красной книге Воронежской обл.) // Мониторинг редких и уязвимых видов птиц на территории Центр. Черноземья.- Воронеж: «Научная книга». - С.119-132.

Соколов А.Ю. Серый сорокопут // Красная книга Воронежской области. В печати.

Турчин В.Г., Соболев С.Л., Сотникова Е.И., Воробьев И.И., 1999. Некоторые регионально редкие виды птиц долины р. Битюг // Редкие виды птиц и ценные орнитол. территории Центрального Черноземья.- Липецк.- С.64-65.

Химин А.Н., 2012. Материалы по редким видам птиц Павловского Придонья // Мониторинг редких и уязвимых видов птиц на территории Центрального Черноземья. - Воронеж: «Научная книга». - С.256-260.

Краткие сообщения

УДК 598.288.5 (470.62)

Новые сведения о пребывании пестрого каменного дрозда в Краснодарском крае

П.А. Тильба, Р.А. Мнацеканов, И.С. Найданов, С.Л. Попов
Союз охраны птиц России
ptilba@mail.ru

New data on the status of the Rock Thrush in the Krasnodar Region. – Til'ba P.A., Mnatsekanov R.A., Naidanov I.S., Popov S.L. – Data on the registration of the Rock Thrush on 10.05.2014 in the eastern part of the Krasnodar region are given – in the mountain-steppe zone, at a considerable distance from the known breeding sites. It is suggested that the expansion of its breeding range due to the penetration of birds from the territory of the Karachay-Cherkess Republic.

Key words: Rock Thrush, *Monticola saxatilis*, area, Krasnodar region, Russia.

Пёстрый каменный дрозд (*Monticola saxatilis*) является одной из редких гнездящихся перелётных птиц горной части Северо-Западного Кавказа, занесённых в Красную книгу Краснодарского края, где его распространение изучено лишь в общих чертах. В 1950-х – 1970-х годах единичные пары этого вида гнездились по низкогорным холмам с редколесьями и скальными обнажениями, а также на береговых морских обрывах в окрестностях гг. Геленджика, Новороссийска и пос. Абрау-Дюрсо (Петров, Курдова, 1961; Казаков, Белик, 1971; Очаповский, 2017). Однако в дальнейшем, при последующих обследованиях этого района, обнаружить присутствие пёстрого каменного дрозда не удалось (Лохман, 2006; Тильба, 2016). Имеются также сведения о его регистрации в летний период в Восточном Приазовье (Олейников, Харченко, 1964).

В настоящее время пёстрый каменный дрозд гнездится в небольшом количестве в высокогорной части Кавказского заповедника – с северной стороны от Главного кавказского хребта, а его общая современная численность оценивается там в 15-20 пар. Гнездовыми местообитаниями этого вида в горах являются субальпийские луга с выходами скал и каменными осыпями или с сочетанием куртин древесной растительности в пределах высот 1700 – 2500 м н.у.м. (Перевозов, 2017).

Пара пёстрых каменных дроздов обнаружена нами 10.05.2014 в стороне от известных мест гнездования в Отрадненском районе Краснодарского края – на горе Лысой в междуречье Урупа и Большого Зе-

ленчука, на высоте 1026 м н.у.м. Невысокий хребет с пологими склонами здесь занимали обширные пространства горной степи с выходами камней и кое-где со значительными по высоте скальными обрывами. Активно певший самец периодически появлялся на отдельно стоящем небольшом известняковом останце и на располагавшемся рядом кусте бузины. В этом месте сразу же обнаружена и самка. Временами самец преследовал самку, и они исчезали из поля зрения, но быстро возвращались к месту своего первоначального пребывания.

По-видимому, дрозды находились на своём гнездовом участке, представляющем собой типичное местообитание этого вида. При дальнейшем обследовании местности в 300 м выше по горному склону, у скального обрыва вновь неоднократно отмечалась пара пёстрых каменных дроздов, и наблюдалось их спаривание. Однако при этом осталось не выясненным, были ли это особи прежней пары, или птицы с соседнего гнездового участка.

Таким образом, гнездовой ареал пёстрого каменного дрозда в Краснодарском крае охватывает не только Причерноморье и высокогорные районы Кавказского заповедника. Он включает и среднегорные территории, занятые горной степью в восточной части края, куда, возможно, проникают птицы, населяющие соседнюю Карачаево-Черкесскую республику, где этот вид более многочислен (Караваев и др., 2014).

Литература

Казаков Б.А., Белик В.П., 1971. К орнитофауне горных рек и морского побережья Северо-Западного Кавказа // 50-летие Новороссийской биостанции: Мат-лы науч. конф. - Новороссийск. - С.87-89.

Караваев А.А., Хубиев А.Б., Хохлов А.Н., 2014. Птицы горных лугов Карачаево-Черкесии.- Труды Тебердинского государственного биосферного заповедника, вып.56.- Кисловодск. - 144 с.

Лохман Ю.В., 2006. К орнитофауне Пшадского района Краснодарского края в летний период // Проблемы биологии и экологии на Северном Кавказе.- Ставрополь.- С.113-116.

Олейников Н.С., Харченко В.И., 1964. К вопросу об изменении орнитофауны Восточного Приазовья // Научные сообщения за 1963 г. Серия точных и естественных наук.- Ростов н/Д.- С.191-192.

Очаповский В.С., 2017. Материалы по фауне птиц Краснодарского края.- Ростов н/Д; Таганрог. - 216 с.

Перевозов А.Г., 2017. Пёстрый каменный дрозд в Кавказском заповеднике // Стрепет, т.15, вып.1. - С.102-105**.**

Петров В.С., Курдова Л.Г., 1961. К орнитофауне окрестностей озера Абрау // Труды Новороссийской биологической станции.- Ростов н/Д.- С.137-141.

Тильба П.А., 2016. К орнитофауне северо-западной части Кавказского Причерноморья // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.27-38.

УДК 598.252.2 (470.47)

К вопросу о статусе пребывания и подвидовой принадлежности гуменника в Калмыкии

В.М. Музаев[1], Г.И. Эрдненов[2]
[1] *Калмыцкий гос. университет им. Б.Б. Городовикова*
[2] *Государственный природный биосферный заповедник «Черные земли»*
e-mail: muzaev_vm@mail.ru

On the status of presence of the Bean Goose subspecies in Kalmykia. – Muzaev V.M., Erdnenov G.I. – For Kalmykia the Bean Goose was considered as a migrating and wintering species. However, the analysis of literature data in neighboring regions, isolated cases of shooting the Bean Goose in Kalmykia and the absence of documented records were the basis for classification of the Bean Goose as a vagrant species. The report provides information on the wounded Bean Goose found in the Yashkul district, which relates, according to M.V. Banik (pers. comm.), presumably to the western tundra subspecies *A. f. rossicus*.

Key words: Bean Goose, *Anser fabalis*, character of presence, vagrant, Kalmykia, Russia.

Гуменник (*Anser fabalis*) в большинстве орнитофаунистических списков Калмыкии отнесен к пролетным видам: пролетный (Близнюк, 2000, 2004), пролетный и зимующий (Цапко, 2008), пролетный малочисленный (Цапко и др., 2009). Он считается редким пролетным видом и для заповедника «Черные земли», встречающимся весной и осенью на участке «Маныч-Гудило» (Букреева и др., 1998). Приведен также в списке видов, встреченных там же весной 2014 г., однако без указания статуса пребывания (Бадмаев и др., 2015).

В то же время, анализ литературных данных свидетельствует о том, что в Северном Прикаспии этот гусь встречается редко (Луговой, 1963; Белик, 1996; Русанов и др., 1999; Чернобай, 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014), редок он и на Азово-Каспии (Линьков, 2002; Казаков и др., 2004). Судя по карте, приведенной в работе А.Б. Линькова (2002), территория Калмыкии и большинства регионов Южной России, прежде всего Астраханской обл., Ставропольского и Краснодарского краев и всех республик Северного Кавказа, находится за пределами «популяционных арен гуменника» – относительно устойчивых во времени территорий годового пребывания популяций, в пределах которых мигрирует большинство птиц (рис.1). На основании вышеизложенного, и учитывая практически полное отсутствие документированных встреч для Калмыкии, гуменник отнесен нами к редким залетным для данного региона видам (Белик и др., 2006, 2016).

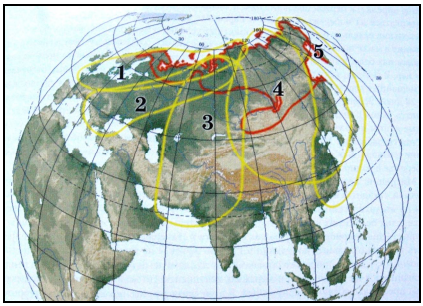


Рис. 1. Гнездовой ареал (красная линия) и популяционные арены (оконтурены желтой линией) гуменника в Евразии (из: Линьков, 2002).

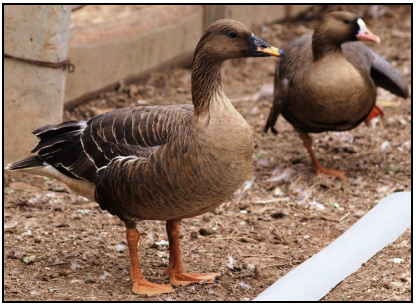


Рис. 2. Взрослый гуменник в Центре диких животных Республики Калмыкия. 23.04.2014. Фото В.М. Музаева.

О том, что гуменник встречается в Калмыкии крайне редко, говорят и сведения, хотя и не документированные, полученные нами от знакомых охотников. Так, по личным сообщениям Ю.М. Музлуева и А.А. Гайдукова, за последние 30 лет они добыли лишь по одному гуменнику: первый – в 1980-х годах на лимане Большой Бурукшун в Яшалтинском р-не, второй – в 1990-х годах из стаи в 7 птиц, кормившихся на поле с южной стороны г. Городовиковск. Еще один охотник, А.А. Бугаков (личн. сообщ.), на водоемах Яшкульского, Черноземельского, Ики-Бурульского и Приютненского районов примерно за тот же период не добывал его ни разу.

В Центре диких животных Республики Калмыкия 23.04.2014 нами был сфотографирован гуменник (рис.2), содержавшийся на птичьем дворе совместно с несколькими белолобыми и серыми гусями. Со слов директора Ю.Н. Арылова (личн. сообщ.), весной 2011 г. охотники нашли его подранком в Яшкульском районе на одном из разливов у недостроенного канала Волга-Чограй и тогда же передали в Центр диких животных.

По мнению М.В. Баника (личн. сообщ.), одного из ведущих специалистов по этой группе гусеобразных, к которому мы обратились за консультацией, сфотографированная птица по комплексу внешних признаков – окраске клюва, форме подклювья с хорошо выраженным изгибом, а также общим размерам – относится, скорее всего, к западному тундровому подвиду (*A. f. rossicus*), как оказалось, в массе мигрирующему в отдельные годы весной по северу Волгоградской обл. (Белик и др., 2012; Белик, Гугуева, 2016).

Литература

Бадмаев В.Э., Бадмаев В.Б., Евчук М.В., 2015. Учет видов птиц в заповеднике

«Черные земли» // Экология и природная среда Калмыкии: Сб. науч. тр. ГПБЗ «Черные земли», вып.4. – Элиста. – С.77-91.

Белик В.П., 1996. Особенности осенней миграции гусей в Северном Прикаспии // Казарка, т.2. – С.253-258.

Белик В.П., Гугуева Е.В., 2016. Гуси и лебеди в фауне Волгоградской области // Казарка, т.9, вып.2. – С.105-141.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Ветров В.В., Бабкин И.Г., 2012. Весенний пролет гуменника в среднем Поволжье и некоторые особенности миграции гусей в Восточной Европе // Казарка, т.15, вып.1. – С.33-42.

Белик В.П., Караваев А.А., Тильба П.А., Музаев В.М., Комаров Ю.Е., Федосов В.Н., 2016. Орнитофауна Южной России: современное распределение и характер пребывания видов в регионах // Стрепет, т.14, вып.1-2.– С.98-197.

Белик В.П., Комаров Ю.Е., Музаев В.М., Русанов Г.М., Реуцкий Н.Д., Тильба П.А., Поливанов В.М., Джамирзоев Г.С., Хохлов А.Н., Чернобай В.Ф., 2006. Орнитофауна Южной России: характер пребывания видов и распределение по регионам // Стрепет, т.4, вып.1. – С.5-35.

Близнюк А.И., 2000. Республика Калмыкия // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории России международного значения в Европейской России. – М. – С.507-516; 676-688.

Близнюк А.И., 2004. Гуменник // Охотничьи и редкие звери и птицы Калмыкии. – Элиста. – С.55.

Букреева О.М., Шахно В.Н., Эрдненов Г.И., 1998. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.74: Позвоночные животные заповедника «Черные земли». – М. – С.17-32.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Белик В.П. и др., 2004. Птицы Северного Кавказа, том 1: Гагарообразные, Поганкообразные, Трубконосые, Веслоногие, Аистообразные, Фламингообразные, Гусеобразные.– Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ.– 398 с.

Линьков А.Б., 2002. Гуменник *Anser fabalis* // Охотничьи водоплавающие птицы России. – М. – С.132-133.

Луговой А.Е., 1963. Птицы дельты Волги // Фауна и экология птиц дельты Волги и побережий Каспия: Тр. Астраханск. заповедника, вып.8. – С.9-185.

Реуцкий Н.Д., 2014. Гуменник – *Anser fabalis* Latham, 1787 // Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распределения по природно-территориальным комплексам (часть четвертая).– Астраханск. вестн. экол. образования, № 4 (30). – С.150-151.

Русанов Г.М., 2011. Гуменник *Anser fabalis* (Latham, 1787) // Птицы Нижней Волги. – Астрахань. – С.62.

Русанов Г.М., Реуцкий Н.Д., Кривоносов Г.А., Гаврилов Н.Н., Литвинова Н.А., Бондарев Д.В., 1999. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.75: Позвоночные животные Астраханского заповедника. – М. – С.27-64.

Цапко Н.В., 2008. Список птиц Калмыкии и характер их пребывания // Кавказский орнитол. вестн., вып.20. – С.215-229.

Цапко Н.В., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2009. Орнитофауна Калмыкии. – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ. – 140 с.

Чернобай В.Ф., 2004. Птицы Волгоградской области. – Волгоград. – 287 с.

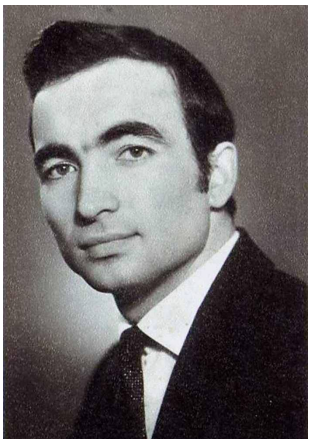
Потери науки

О Димитре Нанкинове
05.09.1942 – 24.07.2018

Становление Димитра как орнитолога происходило у меня на глазах. Можно сказать, что я тоже постигала рядом с ним азы этой науки – орнитологии.

Мы познакомились с Димитром осенью 1968 года, спустя несколько дней после его приезда в Ленинград для учебы в аспирантуре. На кафедре славянской филологии, где я училась, нам предстояло подготовить вечер, посвященный Болгарии, и коллеги, которые жили в общежитии, попросили Д. Нанкинова прийти к нам на кафедру и показать некоторые народные танцы. Так началось наше знакомство длиной в полвека, которое столь трагически закончилось в этом году.

2009 год



1965 год

Рядом с Димитром всегда было интересно. Мы вместе наблюдали за птицами в окрестных парках, городских скверах и кладбищенских садах, попутно узнавая много нового, связанного с историей и природой города. Результатом наблюдений стала кандидатская диссертация Д. Нанкинова. Занимался он обычно в читальном зале, так как в комнате общежития, где он жил, условий для занятий не было. Наверно, тогда-то и зародилась его любовь к читальням. Обложившись книгами, он отре-

шался от всего, погружаясь в литературу, и ему не мешали ни посторонние звуки, ни передвижение других людей по залу.

Наталия и Димитр Нанкиновы в Санкт-Петербурге. 04.05.2015

Поженившись в 1971 году, мы вскоре переехали в Болгарию. Димитр был приглашен на работу в Институт зоологии Болгарской Академии наук, где, несмотря на его ученое звание, его долго держали на должности лаборанта с мизерной зарплатой. Надо сказать, что Д. Нанкинов проработал в этом институте 40 лет, и на протяжении почти всего этого времени, будучи энциклопедически подготовленным ученым, прошедшим знаменитую Ленинградскую школу орнитологии, ему приходилось постоянно доказывать свою научную состоятельность зачастую невежественным и недалеким руководителям института, которых раздражали и его знания, и его постепенно растущее международное признание, и интерес к его работам, проявляемый иностранными учеными. Так что можно сказать, что его рост как ученого в рамках этого института происходил не благодаря условиям работы, а вопреки им.

Всю жизнь Димитр стремился создать свою собственную школу, окружить себя молодыми, талантливыми, умными и доброжелательными специалистами, которые стремились бы к вершинам науки орнитологии, помогали бы друг другу, обменивались бы данными, новшествами и знаниями, как это было на его любимой кафедре в Ленинградском университете. Он и создал такую школу, куда стал приглашать софийских школьников и студентов вузов. Обычно перед началом учебного года он обходил все городские учебные заведения и развешивал на дверях напечатанные на пишущей машинке объявления о начале занятий в школе молодых орнитологов.

Сначала к этому относились недоверчиво, никто не верил, что занятия абсолютно бесплатные. Многих учеников приводили на лекции родители, дедушки и бабушки, чтобы удостовериться, что нет никакого подвоха. А Димитр, введя их в курс дела, в дальнейшем предлагал ребятам невероятно интересные, ценные знания на высоком научном уровне, стремясь подготовить высококлассных специалистов. Постепенно к нему на лекции стали сбегаться и студенты-биологи, понимавшие, что таких знаний в болгарских вузах им просто не получить. Помимо теоретических занятий, Димитр проводил и практические занятия, сумев создать две полевые базы на Атанасовском озере близ города Бургас на Черноморском побережье и в местности Рупите недалеко от города Петрич на юго-западе Болгарии, где орнитологические занятия проводились в настоящей спартанской обстановке.

Этот своеобразный «инкубатор» просуществовал 30 лет и стал истинным братством для его участников, которые продолжают поддерживать связи друг с другом, а некоторые пошли по стопам Д. Нанкинова, как, например, нынешний руководитель Орнитологического центра Борис Николов и другие ребята. Сейчас этой школе, созданной Д. Нанкиновым в Болгарии, решено присвоить имя ее организатора.

Второй большой страстью Димитра была картотека. Он начал ее собирать еще в студенческие годы, заполняя карточки своим бисерным почерком. В его картотеке можно было найти сведения о птицах, людях, событиях, открытиях. Сама по себе картотека стала увлекательным чтением, не говоря уже о том, что Димитр с ее помощью мог очень быстро навести справки по любым вопросам.

Человек старой закалки, Димитр Нанкинов не любил интернет и почти никогда им не пользовался. В ответ на утверждения молодых коллег, что в интернете якобы можно найти абсолютно все сведения, и теперь книги вообще не нужны, он старался внушить им, что без книг и глубоких знаний стать настоящим ученым невозможно, а интернет годится только для справок и то только практического толка.

Д. Нанкинов отличался невероятной работоспособностью. Он мог просидеть за своим письменным столом, не вставая, много часов подряд. Просыпался он очень рано и старался урвать час-другой до ухода на работу, чтобы посидеть за письменным столом. Любил и вечерние часы, когда дети ложились спать. Они часто сердились, что видят только его спину, а это бывало, когда отец работал над очередной статьей или книгой, то есть почти всегда.

Когда мы ездили куда-то в отпуск, Димитр не переставал работать. Для него не существовало понятия «отдыхать». Отдых для него означал продолжение работы – наблюдения, обобщения, заметки. Так,

сидя на скамейке в сквере и разговаривая со мной, он увидел сороку на стене церкви, которая собирала корм, выковыривая его из трещин в штукатурке. Потом из этого короткого наблюдения родилась интересная заметка, подтолкнувшая и других орнитологов обратить внимание на это явление.

Помнится, однажды мы отдыхали в Доме творчества Болгарской Академии наук на горе Витоша, что близ Софии. Несмотря на лето, погода была отвратительной, непрерывно лил дождь. Многие отдыхали семьями, было много детей, но в такую погоду занять их было нечем. Д. Нанкинов установил во дворе сети для отлова птиц и вместе со всеми отдыхавшими детьми ловил и кольцевал птиц, попутно рассказывая ребятам увлекательные истории.

Димитр умел находить общий язык с детьми и удивительно ладил с ними. А вот с взрослыми, незнакомыми людьми сходился неохотно, относился настороженно и не любил общаться. Только со своими коллегами из СССР, а потом России, когда ему доводилось встречаться с ними, он оттаивал и отдыхал душой. Смотрел он по телевизору только русские новости, радовался всему хорошему, что происходило в России, каждая весточка или удачная статья русских коллег была для него большим подарком. Очень тяжело Димитр переживал уход из жизни своих учителей и друзей.

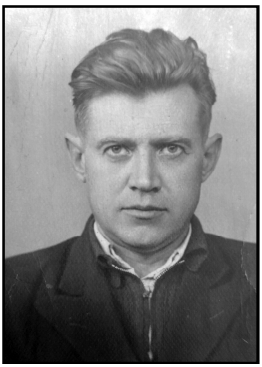
Мне кажется, что под конец жизни Димитр как-то смиренно поверил в то, что приближается и его черёд. Он уже почти не работал, отказывался писать, замкнулся. Ему не нравились все эти перемены вокруг, не мог он очень многого принять в новой жизни. Наверное, поэтому и ушел без сопротивления.

Наталия Нанкинова

В редкие минуты отдыха в любимом Созополе. 2012 г.

Вадим Матвеевич Гусев
(26.11.1919 – 14.01.1962)

В 2019 году исполняется 100 лет со дня рождения известного кавказского зоолога, орнитолога Вадима Матвеевича Гусева, и в связи с этим мы хотели бы почтить здесь его память, напомнить еще раз о его жизни, работе, вкладе в изучение птиц. Вадим Матвеевич более 10 лет проводил интенсивные полевые исследования на территории почти всего Северного Кавказа и Закавказья и оставил после себя значительный научный багаж, в том числе большую серию содержательных публикаций о птицах Кавказа и об их значении в паразитологии и эпидемиологии.



Вадим Матвеевич Гусев

Но в январе 1962 г. в экспедиции в Азербайджане жизнь В.М. Гусева на 43 году трагически оборвалась. И сейчас, к сожалению, почти не сохранилось публичных сведений о его жизненном пути. В сводке «Орнитологи Украины. Биобиблиографический справочник. Вып. 1» (Харьков, 1999), например, о В.М. Гусеве приведены всего три строки: «Выпускник кафедры зоологии Харьковского университета послевоенных лет. В дальнейшем – работал над изучением орнитофауны Средней Азии (1951), Восточной Грузии (1961), Апшеронского п-ова (1956)». В дополнение указаны две работы, опубликованные В.М. Гусевым в 1947 и 1952 гг. еще по харьковским, студенческим материалам. Но составителям справочника осталась неизвестна, по-видимому, его самая первая публикация о птицах (Наука и жизнь, 1940, № 9), мало осведомлены они были также о его жизни и о научных трудах.

Судя же по упомянутой выше географии работ, научный путь В.М. Гусева был весьма извилистым. Как, впрочем, довольно сложной

была и его непродолжительная жизнь. Вадим Матвеевич известен в России и в бывшем СССР как орнитолог, опубликовавший более 10 интересных статей о птицах (дятлах, орланах, ястребах, полевом луне *Circus cyaneus*, зимняке *Buteo lagopus*, домовом сыче *Athene noctua*, красноголовом сорокопуте *Lanius senator* и др.). В.М. Гусев оставил также несколько содержательных териологических работ: о солонгое *Mustela altaica* в Прибалхашье, о сайгаке *Saiga tatarica* в Прикаспии, а как паразитолог он снискал широкое признание на Кавказе и в России своими скрупулезными исследованиями экологических связей птиц с эктопаразитами – клещами и блохами.

С орнитологом В.М. Гусевым сотрудничали известные специалисты Ленинграда и Ростова-на-Дону. Во время экспедиций по Северному Кавказу в Ставрополь к В.М. Гусеву заезжал и консультировался с ним его учитель, харьковский профессор И.Б. Волчанецкий (1959), неоднократно упоминавший в своих работах имя Гусева и его многочисленные орнитологические находки: дрофу-красотку *Chlamydotis undulata*, тювика *Accipiter brevipes*, орлана-белохвоста *Haliaeetus albicilla*, орла-могильника *Aquila heliaca*, змееяда *Circaetus gallicus*, зеленую щурку *Merops persicus*, розового скворца *Sturnus roseus* и др.

Родился В.М. Гусев 26 ноября 1919 г. в семье служащего в г. Бердянске (Осипенко), но в 1930 г. его родители переехали в Харьков, где Вадим продолжил обучение уже в школе крестьянской молодежи (ШКМ № 90) посёлка Высокий. В 1938 г. он поступает в Харьковский зоотехнический институт, но через год, вслед за своим руководителем профессором Михаилом Павловичем Марковым, который вёл в институте занятия по зоологии, переводится в Ставрополь.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война, и в августе, с 3-го курса Ставропольского зоотехнического института, В.М. Гусева призывают в ряды Советской Армии. До января 1942 г. он – курсант Новочеркасского кавалерийского училища, затем – командир эскадрона и батальона в казачьей кавалерийской дивизии, сражавшейся, в том числе, под Сталинградом, где в августе 1942 г. получил первое ранение. С сентября 1942 по январь 1943 г. – Гусев на курсах им. маршала Буденного в Москве, а затем опять в тяжелых боях. В апреле 1943 и в апреле 1944 г. – еще два тяжелых ранения, длительное лечение в госпиталях, медаль «За оборону Кавказа», два ордена «Красной Звезды» и «Красного Знамени»… Но в ноябре 1944 г. гвардии старшего лейтенанта, пом. нач. штаба 45 гвардейского казачьего кавалерийского полка В.М. Гусева «отчисляют» из Армии по состоянию здоровья…

На излечение В.М. Гусев был направлен в Харьков, и по окончании войны там же в 1945 г. он поступает на учебу в университет, а с

1947 г. одновременно работает и в Биологическом институте при ХГУ. Получив диплом зоолога, Гусев, как в дальнейшем и многие другие выпускники ХГУ, уезжает в Казахстан. Там с августа 1948 по июнь 1950 г. он трудится в должности научного сотрудника и заведующего Балхашским опорным пунктом Казахстанской зональной лаборатории Всесоюзного научного института охотоведения (ВНИО), где занимается изучением ондатры, солонгоя, а также экологией, питанием хищных птиц и др.

Однако в 1950 г., по истечении срока договора с ВНИО, В.М. Гусев возвращается в Харьков и поступает на работу зоологом Харьковской противочумной наблюдательной станции, а после ее реорганизации в конце 1951 г. переводится на противочумную станцию в Ставрополь. В этот короткий Харьковский период жизни Вадим Матвеевич обзаводится семьей, и у него появляется первая дочь Людмила. А в Ставрополе начинается быстрый научный рост ученого. В 1952 г. на базе противочумной станции был создан научно-исследовательский противочумный институт Кавказа и Закавказья, и Гусева переводят в младшие научные сотрудники; в 1954 г. он получает уже должность старшего научного сотрудника, а 14.10.1955 в Совете биологического факультета ХГУ В.М. Гусев успешно защищает свою кандидатскую диссертацию.

26 октября 1952 г.
В.М. Гусеву – 33 года

В Ставропольский период В.М. Гусев, несмотря на фронтовые ранения, очень много времени проводит в экспедициях по всему Кавказу. С начала 1952 по конец 1958 г., например, им были осуществлены многократные экспедиционные выезды, длившиеся порой по несколько месяцев с весны до осени, а порой и зимою: в Чечено-Ингушетию, Дагестан, Азербайджан, Грузию, не говоря уже о многочисленных разъездах по Ставрополью.

Именно в этих поездках в Закавказье были собраны новые мате-

риалы по экологии малоизученного тогда красноголового сорокопута (Гусев, Петров, 1959; Гусев, Бедный, 1961; Петров, Гусев, 1967), в Азербайджане получены интересные сведения о зимнем питании домового сыча (Гусев, 1956), постепенно накапливались данные по трофике трех видов ястребов Кавказа, обработанные уже после смерти Вадима Матвеевич (Петров, Гусев, 1995). А сколько необработанных материалов было собрано В.М. Гусевым по другим видам птиц Кавказа – подсчитать сейчас, наверное, уже невозможно.

В этот же период произошел курьезный случай с ошибочным включением в фауну Дагестана и СССР индийского балобана, или лаггара *Falco jugger* (Штегман, Гусев, 1959). В низовьях р. Сулак в тугаях вдоль реки весной 1958 г. ставропольскими зоологами были добыты два крупных сокола, в том числе один из них – на гнезде с кладкой. После их изучения в Зоологическом институте АН СССР наш известный специалист по хищным птицам Борис Карлович Штегман пришел к выводу, что это были лаггары, и статья об этой уникальной, совершенно неожиданной фаунистической находке была вскоре опубликована в «Докладах Академии наук СССР». Но в 1959 г. из Дагестана в ЗИН поступил еще один экземпляр этого сокола, после чего Б.К. Штегман и другой наш знаток соколов К.А. Юдин переопределили добытых птиц, и все они оказались обыкновенными балобанами *Falco cherrug*.

Однако опубликованные ранее ошибочные сведения об индийском балобане никем публично не были дезавуированы, и о дагестанских лаггарах писали впоследствии и в «Определителе птиц СССР» (1964, с.240), и в сводке по орнитофауне Узбекистана (Митропольский и др., 1987). В связи с этим В.С. Петрову в свое время пришлось даже обращаться за разъяснениями в ЗИН, и в ответ на его письма от заведующего отделением орнитологии В.М. Лоскота в 1982 г. пришло пояснение, что Б.К. Штегман признал свою ошибку, и это нашло отражение в «Кратком определителе птиц СССР» (Иванов, Штегман, 1964), в котором Дагестан уже не включается в ареал лаггара.

Очень интересные, важные материалы были собраны В.М. Гусевым по паразитофауне различных видов птиц Кавказа, отраженные в дюжине специальных публикаций. Сотрудники Противочумного института в многочисленных экспедициях регулярно добывали птиц для изучения их роли в циркуляции чумы и ряда других особо опасных природно-очаговых инфекций. Достаточно сказать, что только в течение 1952-1957 гг. было исследовано более 11 тысяч птиц разных видов, на которых собирались их эктопаразиты – клещи и блохи. В результате тщательного анализа полученных материалов В.М. Гусеву с коллегами удалось чётко показать значение представителей разных таксономиче-

ских и экологических групп птиц в прокормлении паразитов и роль в переносе этих членистоногих из одного природного очага в другой.

Изучая возможную роль птиц в транспортировке эктопаразитов, Вадим Матвеевич экспериментальным путем установил, что клещи, находящиеся на птицах, при полёте заползают, как правило, вглубь их перьевого покрова и могут перемещаться на большие расстояния. Поэтому перенос клещей во время осенних или весенних миграций может вести к расширению границ ареала некоторых эктопаразитов и к возникновению микроочагов с их высокой численностью (Гусев, Бедный и др., 1961; Гусев, Тифлова и др., 1961). В известной работе «Дикие птицы – транспортировщики эктопаразитов в Закавказье» В.М. Гусев предполагал, что птицы могут содействовать переносу клещей туда из-за рубежа (Турции, Ирака и др.) и способствовать их расселению как по Закавказью, так и за его пределами (Гусев, Петросян и др., 1962).

Значительный вклад в науку Вадим Матвеевич внёс своими исследованиями лимфоцитарного хориоменингита – опасной вирусной инфекции, поражающей головной мозг человека, а передающейся от домовых мышей и других грызунов через загрязненные пищу и воздух. Изучением этого вопроса В.М. Гусев занимался в 1950-1951 гг. в Харькове, посвятив ему свою кандидатскую диссертацию, которую и защитил в стенах родного Харьковского университета в 1955 г. Тогда в результате проведенных работ В.М. Гусев доказал, что лимфоцитарный хориоменингит – это трансмиссивный зооноз, имеющий природную очаговость, опровергнув тем самым бытовавшее в то время мнение зарубежных эпидемиологов будто бы это – «сугубо городское заболевание».

Большую помощь по работе в Ставропольском противочумном институте Вадиму Матвеевичу постоянно оказывала его супруга Альбина Акимовна – паразитолог, соавтор многих его публикаций. По стопам родителей пошли и обе их дочери – Людмила и Нина, которые тоже до сих пор работают в Ставрополе в Противочумном институте. Пользуясь возможностью, мы искренне благодарим их за содействие в подготовке этих воспоминаний о Вадиме Матвеевиче.

Прошло более полувека, как не стало Вадима Матвеевича, но его сборы иксодовых клещей и блох, хранящиеся в коллекциях Ставропольского противочумного института, до сих пор используются сотрудниками лаборатории медицинской паразитологии для научных исследований в области зоогеографии, паразитологии и экологии эктопаразитов.

Наша искренняя признательность руководству Ставропольского противочумного института, а также архивариусу, познакомившему нас с личным делом В.М. Гусева.

В.П. Белик, Г.П. Шкарлет
Ростов-на-Дону, Ставрополь

К 90-летию со дня рождения Л.Л. Семаго

8 августа 2018 года исполнилось 90 лет со дня рождения Леонида Леонидовича Семаго. По трагическому совпадению он ушел из жизни 24 июля 2008 года, не дожив до своего 80-летия всего две недели.

Л.Л. Семаго широко известен среди коллег как ученый, изучавший фауну птиц Центрального Черноземья. Пернатым этого региона были посвящены его кандидатская диссертация, защита которой состоялась в 1960 г., а впоследствии – и долгие годы исследований. Всё это время – с начала 1960-х годов и до лета 1988 года – Леонид Леонидович работал преподавателем на кафедре зоологии (позже – зоологии позвоночных) Воронежского государственного университета, выпускником которого был и сам, воспитав на кафедре целую плеяду орнитологов. Со многими своими учениками он поддерживал контакты и после окончания основной трудовой деятельности, регулярно заходил на родную кафедру, всегда посещал и был желанным гостем на собраниях Центрально-Черноземного отделения Союза охраны птиц России, проводившихся на базе биофака ВГУ.

Л.Л. Семаго – автор более ста научных статей и монографий. Многие из них и по сей день не утратили своей актуальности и значимости. Однако не меньшую известность среди самых широких кругов населения не только в Воронежской области, но и далеко за ее пределами, этому замечательному и талантливому человеку принесла его деятельность как популяризатора знаний о родной природе. Впервые на этом поприще Леонид Леонидович попробовал себя еще в 1961 году.

С тех пор Л.Л. Семаго регулярно выступал по радио и на телевидении, писал статьи в газеты, рассказы и очерки для журналов «Наука

и жизнь», «Юный натуралист» и многих других изданий, принимал непосредственное участие в качестве ведущего-рассказчика в съемках 72-х научно-художественных фильмов о природе из цикла «Этот мир придуман не нами». Из-под его пера вышло 15 научно-художественных книг (такое определение их стилю дал сам автор). Среди них «Сто свиданий с природой», «Аристократы неба», «Зеленая книга леса», «Перо ковыля», «Золотая флейта» и другие… Подробнее о творческой деятельности и заслугах Л.Л. Семаго рассказано на страницах информационного бюллетеня Союза охраны птиц России «Мир птиц» за 2010 г.

Л.Л. Семаго, В.М. Песков и Б.А. Нечаев с сыном Игорем на реке Потудани. Рядом с Л.Л. Семаго – М.Е. Дебликов, друг В.М. Пескова, во втором ряду – корреспондент журнала «Смена» Л. Плешаков

Леонида Леонидовича глубоко уважали без преувеличения все те, кто был знаком с его творчеством, кто слушал его радиовыступления, смотрел фильмы с его участием. У него учились любить и понимать родную природу, не нарушать ее хрупкого равновесия. Его университетские ученики, а впоследствии – преемники, относились к своему учителю и наставнику с неизменным почтением и признательностью, всегда с радостью общались с ним.

Одним из любимых занятий Леонида Леонидовича было наблюдение за птицами города. Он умел подмечать такие тонкие моменты их жизни, рассказы о которых неизменно вызывали у горожан удивление: «Такое бывает?...». С 1998 года он активно поддерживал начатые воронежскими орнитологами исследования по составлению атласа гнездящихся птиц города, делясь своими наблюдениями. В предисловии к изданному в 2013 году Атласу гнездящихся птиц города Воронежа сказано: «Посвящается памяти выдающегося натуралиста, знатока природы Воронежского края, ученого и писателя Леонида Леонидовича Семаго».

Л.Л. Семаго на собрании Центрально-Черноземного отделения СОПР. 13.03.2008 г.

Словами благодарности Леонида Леонидовича вспоминали все выпускники кафедры зоологии позвоночных (ныне – зоологии и паразитологии) на праздновании ее 100-летнего юбилея в ноябре нынешнего года. Всем нам, вне всякого сомнения, очень повезло быть его студентами, слушать его лекции, ходить с ним на экскурсии. Независимо от выбранного нами жизненного пути, во многих из нас осталась та частичка любви к родному краю, к братьям нашим меньшим, которая была заложена когда-то в нас истинным знатоком природы, человеком, искренне любившим и тонко понимавшим живую природу.

А.Ю. Соколов, А.Д. Нумеров
г. Воронеж

Информация

Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2018 году

В 2018 г. Северокавказская орнитофаунистическая комиссия работала в прежнем составе: А.А. Караваев (председатель СК ОФК), В.П. Белик, М.М. Бескаравайный, В.М. Музаев, А.Г. Перевозов и П.А. Тильба. В качестве консультантов к работе привлекались также другие специалисты, имеющие большой опыт полевых исследований по определенным группам птиц: В.М. Лоскот (Санкт-Петербург), Е.А. Коблик (Москва), Я.А. Редькин (Москва), Б.М. Губин (Казахстан), В.Н. Мосейкин (Саратов), В.Ю. Ананян (Армения), José Luis Copete (Испания) и др.

Обсуждение полученных анкет проводилось, как и в предыдущие годы, в интерактивном режиме, что позволяло быстро и качественно рассматривать возникавшие вопросы и обмениваться мнениями между всеми членами СК ОФК.

В 2018 г. на рассмотрение СК ОФК поступило 15 анкет. Ко всем анкетам прилагались фотографии, а к двум из них – видеозаписи, сделанные фотоловушками. Поэтому определение птиц по большинству анкет не вызвало больших затруднений. Так, комиссией без особых дискуссий были утверждены находки на юге России и в соседних регионах стервятника (по Калмыкии две анкеты: В.Э. Бадмаев, А.А. Булуктаев, Б.К. Манжеев; Г.И. Эрдненов, Б.И. Убушаев, В.М. Музаев; в Астраханской области: Н.П. Стёпкин, Г.М. Русанов), ходулочника (Д.С. Шевцов), камнешарки и морского песочника в зимний период (В.О. Мокиевский), средиземноморской чайки (М.М. Бескаравайный), чайки Одуэна (А.М. Наумов), сибирской кедровки (В.М. Музаев, Г.И. Эрдненов, В.Н. Федосов), обыкновенного сверчка (Д.С. Шевцов), канареечного вьюрка (А.Д. Нимчук), пепельной чечётки (Д.А. Свиридов, И.Е. Торжков), овсянки-ремеза (Х.Х. Журтов).

Но длительную дискуссию вызвала анкета с двумя видеозаписями птицы, похожей на **джека** (*Chlamydotis undulata*), которая наблюдалась 23.05.2018 в заповеднике «Черные Земли» в Калмыкии (Б.И. Убушаев, Г.И. Эрдненов, В.М. Музаев). При первом рассмотрении многие специалисты по характерному телосложению птицы и характеру передвижений отнесли её к данному виду. Однако в дальнейшем выяснилось, что эти признаки были обусловлены искажениями, которые давала видеокамера фотоловушки. И в итоге зарегистрированная птица была переопределена как самка стрепета (*Tetrax tetrax*).

Следует также отметить, что в отдельных случаях на фотографи-

ях, особенно при ошибках в экспозиции и при их редактировании, могут происходить определенные изменения в цветопередаче, которые необходимо учитывать при идентификации птиц по фотоснимкам. В некоторой степени это проявилось, например, на фотографиях теньковок, сделанных в Адлере 05.02.2017. Авторы анкеты П.А. Тильба и Т.И. Кунаковская предварительно отнесли встреченных птиц к сибирскому подвиду **теньковки** (*Phylloscopus collybita tristis*).

В обсуждении этих птиц, кроме членов СК ОФК, приняли участие Е.А. Коблик, Я.А. Редькин, В.М. Лоскот, а также зарубежные орнитологи В.Ю. Ананян (Армения) и José Luis Copete (Испания). Были высказаны предположения, что на фотографиях представлены пеночки, относящиеся к новому для фауны России виду: белобрюхая пеночка *Ph*. (*bonelli*) *orientalis*. Однако в результате долгой дискуссии Комиссия пришла к заключению, что встреченные пеночки, очевидно, не могут быть определены как *Ph*. (*bonelli*) *orientalis*. Скорее всего, это были теньковки, возможно – гибриды *abietinus* × *tristis*, но однозначно определить данных птиц по имеющимся фотографиям вряд ли было возможно.

Пользуясь этим случаем, мы считаем необходимым отметить, что определение пеночек по фотографиям – вообще дело сложное, особенно если рассматриваются близкие виды, отличающиеся только по оттенкам окраски разных частей оперения и не имеющие четких, дискретных диагностических признаков. И вовсе неприемлемо определение пеночек лишь по их словесным описаниям.

В дополнение к изученным Комиссией материалам, приводим также еще ряд находок редких и новых видов, отмеченных на юге России, которые опубликованы в разное время без информирования СК ОФК.

В Ставропольском крае на р. Кура у с. Горнозаводское Курского р-на (N44°01'; E43°57') 11.08.1966 найдена мёртвая **полярная крачка** (*Sterna paradisaea*), окольцованная 20.06.1964 птенцом в Швеции на берегу Балтийского моря в 50 км к СВ от Стокгольма (N59°34'; E18°52') (Лохман Ю.В., Маловичко Л.В., 2017. Полярная крачка *Sterna paradisaea* на Северном Кавказе // Русск. орнитол. журн., т.26, № 1440.- С.1808-1809).

В Астраханской обл. в дельте Волги у с. Евпраскино в 17 км к югу от Астрахани (N46°14'; E48°11') на заброшенных рисовых чеках 16.06.2005 встречена пара тревожившихся **черных чеканов** (*Saxicola caprata*), а в 200-250 м наблюдалась еще одна птица. Эта находка, наряду со встречей выводка черных чеканов 22.06.2014 в дельте р. Урал (Карпов Ф.Ф., Ковшарь В.А., 2014), свидетельствует об их быстром расселении на север из Средней Азии (Матюхин А.В., 2017. Черный чекан *Saxicola caprata* (Linnaeus, 1766) – новый гнездящийся вид Европы // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России: Мат-лы 7-й Между-

народн. науч.-практ. конф.- М.- С.398-401).

В Ростовской обл. в окрестностях с. Кагальник Азовского района М.А. Динкевичем 23.04.2017 впервые наблюдался новый для Ростовской обл. вид – **египетская цапля** (*Bubulcus ibis*) в брачном наряде, которую автор, на наш взгляд без достаточных на то оснований, идентифицировал как пролетную птицу. Одиночная взрослая особь в течение 5 минут кормилась на лугу в дельте Дона, после чего улетела на юго-восток (Динкевич М.А., 2017. Египетская цапля *Bubulcus ibis* – новый вид Ростовской области // Русск. орнитол. журн., т.26, № 1446.- С.2027-2028).

В Краснодарском крае у пос. Джанхот на берегу Черного моря Д.А. Шитиковым 31.01.2006 была добыта **армянская чайка**, указанная как подвид хохотуньи *Larus cachinnans armenicus* (Шитиков Д.А., 2011 (составитель). Каталог орнитологической коллекции кафедры зоологии и экологии МПГУ.- М.- 176 с.). Насколько нам известно, это третья встреча данного вида в России (Коблик и др., 2013; Редькин, Коблик, 2015; Караваев, Хубиев, 2015).

Комиссия рассмотрела и подтвердила также новую находку **средиземноморской чайки** (*Larus michahellis*), большая колония которой обнаружена в апреле 2018 г. на крышах зданий в г. Новороссийске в Краснодарском крае (Белик В.П., 2018. Колония средиземноморской чайки *Larus michahellis* на Черноморском побережье Кавказа // Русск. орнитол. журнал, т.27, № 1614.- С.2433-2441).

Сведения о новых находках птиц,
подтвержденных Северокавказской орнитофаунистической комиссией

Стервятник (*Neophron percnopterus*). Редкий залетный вид Республики Калмыкия. 14.05.2017, Яшкульский р-н, заповедник «Чёрные земли». Одиночная неполовозрелая птица отмечена у колодца Харциглю в северной охранной зоне заповедника. Фотографии птицы хранятся в архиве СК ОФК. На момент представления анкеты сведения о данной находке опубликованы не были. (**В.Э. Бадмаев, А.А. Булуктаев, Б.К. Манжеев**).

Стервятник (*Neophron percnopterus*). Редкий залетный вид Республики Калмыкия. 08.06.2018, Черноземельский р-н, заповедник «Чёрные земли». Одиночная неполовозрелая птица (subad.) зарегистрирована фотоловушкой у артезианского водоема среди закрепленных песков в южной части охранной зоны заповедника. Видеоролик с заснятой птицей хранится в архиве СК ОФК. На момент представления анкеты сведения о данной находке опубликованы не были. (**Г.И. Эрдненов, Б.И. Убушаев, В.М. Музаев**).

Стервятник (*Neophron percnopterus*). Редкий залетный вид Астраханской области. 12.05.2018; 27.05.2018, Лиманский район, ж.-д. ст.

Зензели. Одиночная птица, судя по слабому развитию желтого цвета кожи на голове – неполовозрелая особь, была дважды отмечена в окрестностях станции Зензели. Фотография птицы хранится в архиве СК ОФК. На момент представления анкеты сведения о данной находке опубликованы не были. (**Н.П. Стёпкин, Г.М. Русанов**).

Следует отметить также предыдущую встречу 5 стервятников в Астраханской области 15.05.2010 в районе заказника «Степной», на землях колхоза «Волга» (Реуцкий, 2014).

Ходулочник (*Himantopus himantopus*). Новый гнездящийся вид Республики Северная Осетия-Алания. 22.07.2018, Кировский район, с. Карджин. На заболоченных Брутовских прудах (N43°16'53"; E44°20'27") отмечено не менее 7 молодых ходулочников вместе с взрослыми птицами, которые проявляли явное беспокойство при появлении человека. Фотографии молодых птиц хранятся в архиве СК ОФК. На момент представления анкеты сведения о данной находке опубликованы не были. (**Д.С. Шевцов**).

Камнешарка (*Arenaria interpres*). Редкий зимующий вид Краснодарского края. 04.02.2018, г. Новороссийск. Одиночная птица встречена на южном берегу Суджукской лагуны в Цемесской бухте (N44°40'43"; E37°48'30"). Камнешарка вместе с морским песочником укрывались от ветра у берега лагуны. Фотографии птиц хранятся в архиве СК ОФК. Сведения об этой находке опубликованы: Мокиевский В.О., 2018. Регистрация камнешарки *Arenaria interpres* и морского песочника *Calidris maritima* на кавказском побережье Черного моря в середине зимы // Русск. орнитол. журнал, т.27, № 1576. - С.1064-1067. (**В.О. Мокиевский**).

Морской песочник (*Calidris maritima*). Редкий залетный вид Краснодарского края. 04.02.2018, г. Новороссийск. Одиночная птица встречена на южном берегу Суджукской лагуны в Цемесской бухте (N44°40'43"; E37°48'30"). Фотографии птицы хранятся в архиве СК ОФК. Координаты двух вышеприведенных находок уточнены в СК ОФК. Сведения о данных находках опубликованы: Мокиевский В.О., 2018. Регистрация камнешарки *Arenaria interpres* и морского песочника *Calidris maritima* на кавказском побережье Черного моря в середине зимы // Русск. орнитол. журнал, т.27, № 1576.- С.1064-1067. (**В.О. Мокиевский**).

Следует заметить, что одиночный морской песочник, возможно один и тот же, отмечается в Суджукской лагуне уже третью зиму подряд (см.: Отчет СК ОФК за 2017). Отметим также, что в координаты встречи камнешарки и морского песочника в статье В.О. Мокиевского (2018) вкралась одна досадная опечатка, исправленная выше.

Средиземноморская чайка (*Larus michahellis*). Гнездящийся вид Республики Крым. Апрель-май, 2004-2018 гг., г. Феодосия. Документаль-

но подтверждено пребывание этого вида на скальных островах Южного берега Крыма в Карадагском заповеднике, где в последние 10 лет гнездилось от 2-3 до 10 пар. Серия фотографий средиземноморских чаек хранится в архиве СК ОФК. В большинстве публикаций по данному региону вид указывался как *L. cachinnans*; лишь в 2014-2016 гг. установлено присутствие *L. michahellis* на юге Крыма (Сикорский И.А., 2015. Средиземноморская чайка // Стрепет, т.13, вып.2.- С.125; Цвелых А.Н., 2016. Распространение *Larus michahellis* J.F. Naumann и *Larus cachinnans* Pallas на Крымском полуострове // Бранта, № 19.- С.160-165). (**М.М. Бескаравайный**).

Чайка Одуэна (*Larus audouinii*). Новый залетный вид России, Северного Кавказа и Краснодарского края. 16.04.2018, г. Сочи. Отмечена одиночная птица, отдыхавшая на мелководье в низовьях р. Мзымты, примерно в 100 м от устья реки. Фотографии птицы хранятся в архиве СК ОФК. Сведения о данной находке были опубликованы: Наумов А.М., 2018. Первая документированная встреча одуэновой чайки *Larus audouinii* в России // Русск. орнитол. журнал, т.27, № 1645.- С.3559-3562. (**А.М. Наумов**).

Средиземноморская чайка на гнезде. 26.04.2010, Карадагский заповедник.

Чайка Одуэна на мелководье р. Мзымты. 16.04.2018, г. Сочи.

Сибирская кедровка (*Nucifraga caryocatactes macrorhynchos*). Редкий залетный вид Республики Калмыкия. 21.11., 30.11., 01.12.2018, г. Элиста. Одиночные тонкоклювые птицы, кормившиеся семенами туи (*Biota orientalis*), трижды наблюдались в разных частях города. Фотографии птиц от 30.11. и 01.12.2018 хранятся в архиве СК ОФК. На момент представления анкеты сведения о данных находках опубликованы не были. (**В.М. Музаев, Г.И. Эрдненов, В.Н. Федосов**).

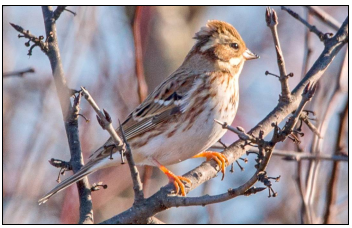
Обыкновенный сверчок (*Locustella naevia*). Гнездящийся вид Республики Северная Осетия-Алания. 11.06.2018, Дигорский район, с. Дур-дур. Две молодые, плохо летавшие птицы отмечены среди высокотравья на пойменном лугу недалеко от р. Большой Дур-дур. Фотография птицы хранится в архиве СК ОФК. На момент представления анкеты сведения о данной находке опубликованы не были. (**Д.С. Шевцов**).

Пепельная чечетка (*Acanthis hornemanni*). Редкий зимующий вид

Орловской области. 25.03.2018, г. Орёл. Одна птица поймана в ловушку на садовом участке в частной застройке на окраине города. Фотографии птицы хранятся в архиве СК ОФК. На момент представления анкеты сведения о данной находке опубликованы не были. (**Д.А. Свиридов, И.Е. Торжков**).

Канареечный вьюрок (*Serinus serinus*). Новый залетный вид Южной России, Северного Кавказа и Краснодарского края. 18.11.2018, г. Сочи, с. Барановка (N43°39'; E39°44'). Пролетавшая одиночная птица, осевшая на запись позывки щегла, поймана в паутинную сеть на лесной поляне возле с. Барановка в окрестностях г. Сочи. Содержится в неволе. Фотографии птицы хранятся в архиве СК ОФК. На момент представления анкеты сведения о данной находке опубликованы не были. (**А.Д. Нимчук**).

Овсянка-ремез (*Ocyris rusticus*). Новый залетный вид Кабардино-Балкарии. 08.01.2018, окрестности г. Нальчик. В стае овсянок, сидевших в кустах у озера в 8 км от г. Нальчика, сфотографированы две птицы, оказавшиеся овсянками-ремезами. Фотографии птиц хранятся в архиве СК ОФК. На момент представления анкеты сведения о данной находке опубликованы не были. (**Х.Х. Журтов**).



Цитирование материалов, которые подтверждены СК ОФК и публикуются в "Стрепете", можно приводить в следующем виде:

Наумов А.М., 2018. Чайка Одуэна // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.127.

Северокавказская орнитофаунистическая комиссия

Стрепет
Фауна, экология и охрана птиц
Южной Палеарктики

ISSN 1992-2361

Научное издание

Подписано в печать 28.12.2018 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. лист. 7,44.
Уч. изд. л. 7,0. Заказ № 6873. Тираж 100 экз.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

Правила для авторов

В "Стрепете" публикуются материалы, посвященные фауне и населению, экологии и поведению, а также охране птиц южных регионов Палеарктики, включая лесостепные, степные и пустынные, водно-болотные и горные биомы. По договоренности с редколлегией могут приниматься статьи о лесных и арктических видах, мигрирующих или зимующих на Юге Палеарктики.

Основной язык статей – русский. К ним прилагается резюме на русском и английском языках. В отдельных случаях могут публиковаться работы на английском языке с развернутым русским резюме, содержащим изложение предмета исследований, результатов и выводов.

Материалы принимаются в виде статей объемом до 1 п.л. (около 40 тыс. знаков), кратких сообщений и заметок. Статьи должны быть написаны лаконично, сопровождаться полной библиографией цитируемой литературы, при необходимости могут содержать общепринятую рубрикацию (введение, методы, результаты, обсуждение, благодарности и т.п.), таблицы (до 5), графические рисунки и фотографии (до 5). Таблицы вставляются в текст статьи. Они должны иметь порядковый номер и заголовок на русском и английском языке. Каждый рисунок размещается в соответствующем месте в тексте статьи с номером и подписью на русском и английском языках, и прилагается отдельным файлом (в формате .jpg).

Статьи представляются в электронном виде по e-mail или обычной почтой в адрес редактора журнала "Стрепет". Распечатанные или выполненные тушью рисунки должны быть четкие, пригодные для сканирования, фотографии делаются на белой глянцевой бумаге.

В начале статьи приводится индекс УДК, затем – название статьи (строчными буквами), далее – инициалы и фамилия автора (авторов), ниже – место работы и e-mail первого автора. После свободной строки дается русское и английское резюме и ключевые слова. В конце статьи приводятся сведения о всех авторах и их контактные адреса.

Текст набирается шрифтом Times New Roman (кегль 10) через один интервал на страницах формата **A5** с полями слева и справа по 2 см и абзацными отступами 1 см. Все названия видов при первом упоминании сопровождаются их латинским именем (в скобках). В заголовок статьи латинские названия не включаются. В таблицах дается только латинская номенклатура. Латинские названия видов и родов везде пишутся курсивом. Авторы первоописаний приводятся только в работах, посвященных систематике птиц. Все даты в тексте пишутся в германском формате: 09.02.2003. Десятичные дроби даются только через запятую, напр.: 12,3%.

Библиографический список составляется в алфавитном порядке, сначала – русскоязычные работы, затем – на иностранных языках. После фамилии автора (авторов), через запятую указывается год публикации. Затем идет название статьи, название издания и страницы. Для книг и сборников указываются также город и издательство, например: Промптов А.Н., 1934. Эволюционное значение миграций птиц // Зоол. журн., т.13, вып.3.- С.409-436.

Ссылки в тексте приводятся следующим образом: А.Н. Промптов (1934); Ч. Вори (Vaurie, 1964); (Vaurie, 1964; Иванов и др., 1965). Сокращения: г. (год, город), р. (река) и т.п. отделяются от функциональной части неразрывным пробелом. Инициалы пишутся без пробелов, отделяясь пробелом от фамилии. Переносы слов в тексте не расставляются.

Отклоненные статьи возвращаются авторам с мотивированным заключением. Статьи, отправленные на доработку, должны быть возвращены в редакцию в минимальные сроки с сопроводительным письмом, содержащим ответы и пояснения на все замечания и изменения в тексте. Редакция оставляет за собой право сокращать и править материалы, принятые к публикации в "Стрепете".